

А.С.Русяева
М.В.Русяева

ОЛЬВИЯ ПОНТИЙСКАЯ

А.С.Русяева
М.В.Русяева

ОЛЬВИЯ ПОНТИЙСКАЯ

Город счастья и печали

Киев
Издательский дом «Стилос»
2004

ББК 63.3(4УКР-4КРМ)2

Р 88

Р 88 **Русяева А.С., Русяева М.В.**
**Ольвия Понтийская: Город счастья и печали. – К.:
Издательский дом «Стилос», 2004. – 228 с.**

ISBN 966-8518-17-9

В настоящей книге прослеживаются основные вехи исторического и культурного развития Ольвии Понтийской – одного из крупнейших древнегреческих городов-полисов Причерноморья в VI в. до н. э. – IV в. н. э. Кратко рассмотрены вопросы формирования полиса и города, его высочайший расцвет, кризисные ситуации, гибель, возрождение и конец существования. Большое внимание уделено деятельности выдающихся политических лидеров в период демократической формы правления. В книге освещены взаимоотношения Ольвии с эллинами, римлянами, скифами и сарматами. Особое место занимает характеристика духовной жизни ольвиополитов.

Для широкого круга читателей, интересующихся историей и культурой античного мира.

ББК 63.3(4УКР-4КРМ)2

© А.С.Русяева, М.В.Русяева, 2004

© Издательский дом «Стилос»,
издание, 2004

ISBN 966-8518-17-9

*Всем, кто оставил следы гуманного отношения
к памятникам Ольвии – прекрасного города
эллинской цивилизации на нашей земле.*

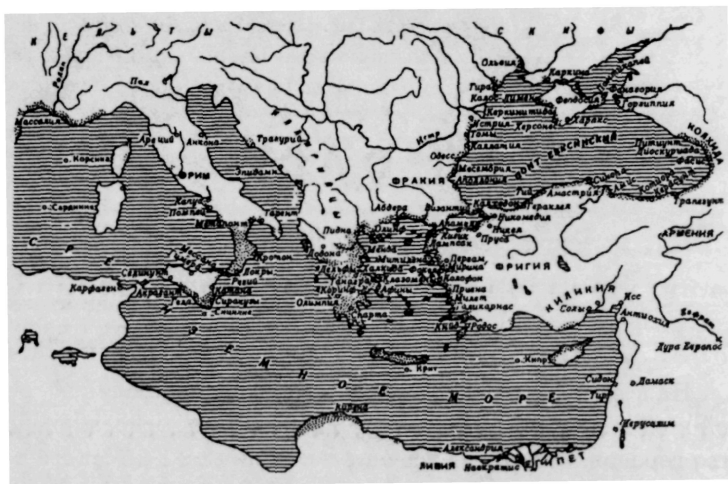
ПРОЛОГ

Сама земля для эллинов союзница,
Ее оплот и сила – граждан мужество.
Эсхил

На всех побережьях Черного моря в период Великой греческой колонизации в VIII–VI вв. до н. э. эллины основали множество городов. Однако не все они достигли столь высокого политического и культурного развития, как Ольвия. Не застроенная в средневековое и новое время ольвийская земля, на территории которой сейчас находится Национальный историко-археологический заповедник «Ольвия», несмотря на прошедшие столетия и значительные разрушения как в древние, так и новые времена, все же сохранила многочисленные археологические и эпиграфические памятники. Именно они помогают осветить ее многогранную материальную и духовную культуру, политическое и религиозное мировоззрение ее населения, дают представление о разных этапах ее исторического развития с VI в. до н. э. до IV в. н. э.

Этот многовековой промежуток времени в истории Ольвии принято делить на два главных периода: догетский, завершившийся почти полным ее разрушением гетами и бегством жителей около 55 г. до н. э., и послегетский, или греко-римский, связанный с возрождением, новым расцветом и окончательной гибелью от постоянных набегов варваров. В свою очередь, наиболее заметные изменения в ее политической, социально-экономической и культурной жизни в определенной мере совпадают с главными этапами истории и культуры Древней Греции: архаическим, классическим, эллинистическим и римским, что свидетельствует о ее неразрывности и постоянной взаимосвязи с античным миром. Для Ольвии характерно длительное сохранение не только автономии, но и полисных традиций в совокупности с классичес-

Древняя Греция и греческие колонии

кой демократией афинского типа, ставшей образцом для создания современной демократии. Ни в одном из древнегреческих городов Причерноморья еще не открыто такого большого количества разнообразных архитектурных и строительных остатков. Воображение исследователей и экскурсантов поражают оригинальностью и декором два теменоса с храмами и алтарями, агора с торговыми рядами, стоя, гимнасий, многочисленные жилые кварталы с подвалами, оборонительные сооружения, благоустроенные улицы, водостоки, колодцы и природные источники, действующие до настоящего времени. При раскопках Ольвии найдены уникальные надписи и памятники разных видов искусства, в том числе и выдающихся мастеров Эллады.

Несмотря на то, что в сочинениях древних авторов Ольвия нередко упоминалась, ее точное местоположение было установлено лишь в конце XVIII в. После включения в состав Российской империи южных земель к расположенным там остаткам античных городов и некрополей резко возрос интерес ученых и любителей классических древностей. Они совершили много путешествий в эти края с различными, в том числе и археологическими, целями. Благодаря находкам надписей, монет, остатков развалин и различных предметов греческой культуры, П.Сумароков и П.С.Паллас впервые локализовали Ольвию непосредст-

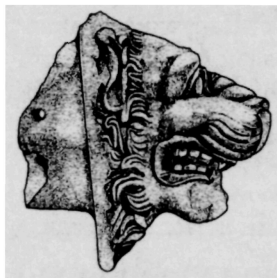

венно к югу от с. Ильинское (современное с. Парутино Очаковского района Николаевской области) на правом берегу Бугского лимана. В отличие от многих древних городищ, которые находятся на территории современных городов и сел или же под толщами средневековых культурных напластований, Ольвии посчастливилось. Основатели села заняли северную часть ее огромного по площади некрополя. И хотя впоследствии жители упомянутого села в разное время в значительной мере разграбили городище и могилы, однако не смогли окончательно разрушить его культурные слои и лежащие под землей строительные остатки.

В первой половине XIX в., несмотря на то, что ольвийское городище посетили император Александр I и великий князь Николай Павлович – будущий император Николай I, целенаправленные исследования его проведены не были. Интерес к Ольвии также проявляли хорошо известные личности: государственный канцлер граф Н.П.Румянцев, поэт К.Н.Батюшков, митрополит Евгений и др. Исследовательница архивных материалов того времени И.В.Тункина недавно опубликовала множество интересных сведений. Из них приведем отрывок из письма Румянцева киевскому митрополиту Евгению за 1822 г.: «Вам, конечно, известно, что славная Ольбия есть ныне одна из деревень графа Кушелева-Безбородки и поныне продолжает быть неисчерпаемым дном самых редких древностей. Кажется с год тому назад сей молодой помещик, возвращаясь из нее в Петербург, заехал ко мне в Гомель отобедать и велел, удовлетворяя мое любопытство, вынуть из кареты большой мешок, единственно наполненный самыми древнейшими медалями», то есть монетами. В ответном письме митрополит сообщал ему: «Много списков с монет, найденных в Ольвии, видел я и у Кёппена, который пишет огромное историческое разыскание о сем бывшем городе. А граф Кушелев-Безбородко напечатал уже и план сих развалин, который и у меня есть». Печально однако, что в поместье Стольном этот граф устроил грот, в котором находилось множество ольвийских памятников.

Сейчас поражает то обстоятельство, что при огромном интересе, проявляемом к Ольвии в то время, не была организована специальная археологическая экспедиция для проведения стационарных раскопок хотя бы в тех местах, где на поверхности

*Водослив в виде
головы льва*

городища прослеживались еще каменные остатки различных сооружений и лежали обломки архитектурных деталей. Известные для того времени исследователи: И.П.Бларамберг, И.А.Стемпковский, П.И.Кёппен, Е.Е.Кёлер и А.С.Уваров – занимались преимущественно визуальным обследованием и сбором находок, составлением планов, описанием и публикацией монет, а также эпиграфических памятников.

Упомянутое выше «огромное историческое разыскание» Кёппена осталось не изданным. В коллекции Бларамберга находились тысячи монет и много различных надписей, памятники скульптуры, терракоты, украшения, расписная посуда. Лишь незначительная часть из них сохранилась в Одесском археологическом музее. В итоге особый интерес к античным памятникам послужил, как бы то ни было, созданию этого музея (1825), а затем и организации первого в России Общества истории и древностей в Одессе (1839). Основным достижением sporadических обследований и небольших раскопок в Ольвии стало накопление надписей и монет, послуживших В.В.Латышеву главной базой для создания первого научного труда «Исследования об истории и государственном строе города Ольвии» (1887).

Только в самом конце XIX в. археологи более серьезно заинтересовались этим городом, несмотря на препятствия со стороны графской семьи Мусиных-Пушкиных, владевших этими землями. Вот что писал граф А.Бобринский профессору Киевского университета св. Владимира Ю.А.Кулаковскому в надежде, что он своими раскопками ольвийского некрополя положит конец толкам о каком-то археологическом Клондайке, где золото собирается чуть ли не на поверхности земли, подвергавшейся постоянным разграблениям: «Осенью 1899 г.

*Артемида-охотница.
Мраморный рельеф.
По И.В.Тункиной*

я написал о плачевном положении Ольвии официальный рапорт Министру Императорского Двора и лично докладывал об этом Государю. Я убедительно, насколько мог, просил Его Величество оказать Ольвии то, что было сделано Александром III для Херсонеса, т. е. положить основание правильным раскопкам. Ходатайство мое, по-видимому, увенчается успехом». Действительно, вскоре планомерные и целенаправленные исследования Ольвии и ее некрополя были начаты Б.В.Фармаковским. Им были открыты многие жилые дома, общественные и оборонительные сооружения, около 2000 погребений, а также накоплен большой фонд археологических материалов. Ученый заложил прочные основы для всестороннего анализа различных сторон истории и культуры Ольвии, разработал методические принципы раскопок, обеспечил ознакомление с ними широкого круга ученых на международных конгрессах в Афинах, Каире, Лондоне. Он инициировал также изучение древнейшего греческого поселения на острове Березань, где проводили раскопки Г.А.Скадовский и более обширные – Э.Р. фон Штерн.

Огромный вклад в археологические исследования Ольвии внесли ученики Б.В.Фармаковского: Л.М.Славин – бессменный руководитель Ольвийской экспедиции Института археологии Академии наук Украины (1936–1941, 1945–1971), сотрудники Ленинградского отделения Института археологии Российской академии наук А.Н.Карасев и Е.И.Леви. В итоге были открыты жилые кварталы в разных районах города, агора, теменос, гимнасий, здание суда, торговые и другие сооружения. В последние десятилетия XX в. под руководством С.Д.Крыжицкого, а в настоящее время под руководством В.В.Крапивинной значительно расширилось систематическое изучение отдельных районов Ольвии: западной оборонительной системы и прилегающих к ней жилых кварталов в Верхнем городе, а также большого комплекса жилых домов эллинистического времени в северо-восточной части Нижнего города (Н.А.Лейпунская, С.А.Самойлова, П.Д.Диа-

*Б.В.Фармаковский
на раскопках
в Ольвии*

*Остатки храма Аполлона,
алтарей и священных оград*

троптов, А.В.Каряка); древнейшей сакральной зоны со многими святилищами (А.С.Русяева, П.Д.Диатроптов); хозяйственно-жилых, производственных, культовых и оборонительных комплексов, сменявших друг друга на протяжении почти тысячелетнего периода,

на юго-восточном возвышении (В.В.Крапивина, А.В.Буйских, В.А.Крутилов); богатых жилых домов в центре Террасного города (В.И.Назарчук). Синхронно исследовались некрополь и предместье Ольвии (Ю.И.Козуб, В.И.Папанова); множество античных поселений на территории сельской округи (Ф.М.Штительман, А.И.Манцевич, А.В.Бураков, С.Б.Буйских, В.М.Отрешко, В.В.Рубан, А.С.Русяева, К.К.Марченко, Н.И.Головачева, Е.И.Рогов, А.В.Виноградов и др.). На протяжении последних сорока лет планомерно ведутся раскопки Борисфена (Березанского поселения) (К.С.Горбунова, В.В.Лапин, Л.В.Копейкина, Я.В.Доманский, Ю.Г.Виноградов, С.Н.Мазарати, В.В.Назаров, К.К.Марченко, С.Л.Соловьев). Накоплено столь огромное количество разнообразных материалов, что их детальным изучением сможет заниматься не одно поколение археологов, несмотря на

*Полевая обработка
археологических находок*

уже созданные многочисленные научные работы.

В последнее время Ольвия обращает на себя все более пристальное внимание многих специалистов. Кроме того, усиливается интерес к ее памятникам и зарубежных ученых. Если исследователи Ольвии делают все для того, чтобы на страницах книг, статей и в докладах на научных

конференциях своими открытиями продлить вторую жизнь этого замечательного уголка эллинской цивилизации на нашей земле, воссоздать ее историю и культуру, то возросшее, особенно в последнее десятилетие, количество любителей древностей, а во взаимосвязи с ними – и просто грабителей, думает лишь о собственном обогащении, подвергая варварскому разрушению этот уникальный памятник.

Об Ольвии действительно написано множество специальных научных работ: о раскопках и найденных в их процессе вещах, исторических реалиях, культурных достижениях и быте, экономике и торговых связях, религиозном мировоззрении населения и т. д. Однако научно-популярных книг, рассчитанных на широкий круг читателей, еще мало. В свое время были написаны даже романы об Ольвии, в которых буйная фантазия писателей превалировала над исторической действительностью. Поэтому не лишним представляется написание небольшой книги об истории и духовной культуре этого крупнейшего в античную эпоху древнегреческого города в Причерноморье.

Наиболее объективно и достоверно, как кажется, это могут сделать те, чья жизнь волей судьбы тесно переплелась с Ольвией, ее прошлым и настоящим. Относительно некоторых вопросов из ее истории и культуры еще не имеется однозначных решений из-за отсутствия письменных источников. Но каждый ученый, кто на протяжении десятков лет проводит здесь раскопки, сотни раз всматривается в ее культурные слои, исследует «каменные и керамические архивы», создал для себя собственное представление об Ольвии и ольвиополитах – неизменных жителях и творцах всех ее достижений в сфере внутренней и внешней политики, градостроительства, экономики и культурных преобразований. Ее историческая судьба очень сложна, противоречива, во многом трагична, как и многих государств, ушедших в далекое прошлое, но оставивших после себя неизгладимые следы. Они всегда будут будоражить дух любознательных людей, в какие бы времена они ни обитали на этой земле.

Выражаем искреннюю благодарность Е.Бондаренко за идею написания книги об Ольвии и ее издание и Т.Г.Бондаренко за ее редактирование.

В ПОИСКАХ СЧАСТЛИВОЙ ЗЕМЛИ ЗА МОРЕМ

Сообщество вполне завершенное, состоящее
из нескольких селений, образует полис.

Назначение его вполне самодовлеющее:
полис возникает ради потребностей жизни,
но существует он ради благой жизни.

Аристотель

Мифическим родоначальником всех эллинов и эпонимом Эллады был Эллин, внук знаменитого Прометея, а по одной из версий мифа, – сын самого Зевса – верховного владыки всех богов и людей на земле. Его сыновья и внуки: Дор, Эол, Ион считались эпонимами основных эллинских племен: дорийцев, эолийцев и ионийцев. Первоначально последние из них обитали в Афинах и Аттике. Впоследствии, приблизительно на протяжении XI–IX вв. до н. э., часть из них переселилась в Малую Азию, где было основано много городов и поселений вдоль западного побережья. По мнению Геродота, ионийцы основали их в стране под чудесным небом и с самым благодатным климатом в мире. Однако счастливой и мирной жизни здесь постоянно мешали соседние восточные народы, главным образом лидийцы и персы. Для защиты от их нападений двенадцать ионийских полисов около 700 г. до н. э. объединились в федерацию Панинион

*Клазоменский динос
с изображением
религиозного праздника*

под сакральным покровительством Посейдона Геликонского. В его честь ежегодно поблизости от Милета устраивались грандиозные религиозные празднества, на которые съезжались многие ионийцы.

Главные причины переселения ионийцев. Синхронно с экономическим расцветом ионийских городов происходило возрастание военного могущества Лидийского,

а затем и Персидского царств. Их цари с целью грабежей и разорения сельскохозяйственных территорий ионийцев вели с ними продолжительные войны, в особенности с наиболее крупным и процветающим полисом Милетом. Это и явилось, в общем-то, главной причиной переселения эллинов в более безопасные места.

*Беседующие философы.
Фрагмент красно-
фигурной чаши*

Однако для организации массовой миграции в столь отдаленный от метрополии регион, каким было Северное Причерноморье и, в частности, Нижнее Побужье, необходимо было предварительно произвести разведывательные путешествия. Как показывает колонизационная практика, эллины решались на переселение только после того, как получали достоверную информацию об отсутствии на определенных территориях местного оседлого населения или же о его мирном отношении к колонистам. Эллины прежде всего интересовало также наличие свободной земли для ведения сельского хозяйства и, соответственно, экономического самообеспечения.

Нижнее Побужье представляло собой в Северном Причерноморье тот первый регион, который милетяне избрали для постоянного места жительства большой группы переселенцев из Ионии. Его преимущества перед другими местностями заключались в сложившейся к моменту колонизации демографической ситуации – полном отсутствии местных земледельцев. Не кочевали в то время в степях и скифы. Очень благоприятными оказались и природные условия. Здесь находились обильные источники питьевой воды, плодородные равнинные степи и пойменные леса, населенные дикими животными, богатые промысловой рыбой реки. Обрывистые берега и мысы с небольшими бухтами служили для устройства гаваней, а защищенные самой природой места – для сельских поселений.

Огромные водные артерии – Гипанис (Буг) и Борисфен (Днепр) использовались, наряду с проложенными поблизости от них сухопутными дорогами, для ведения торгово-обменных отношений с наиболее удаленными от моря аборигенами Лесо-

Грифоны,
стерегущие золото.
Лекиф

степной Скифии, главными занятиями которых также были земледелие и животноводство. Стремление эллинов расширить свой географический кругозор, получить сведения о самых отдаленных и доступных для них областях свидетельствует о мужестве и высоком духовном потенциале первых колонистов. Но вместе с тем возникает вопрос: что же так привлекало их в северных краях ойкумены? Только ли стремление наладить торговые связи? Показательно, например, что древнейшие сведения о первых понтийских мореходах – аргонавтах – были связаны с поисками золота и других металлов. Сведения о золоте как своеобразном символе проникновения греческих героев в северные земли можно проследить во многих мифах и литературных сочинениях. В поэме «Аримаспея» Аристея Проконнеского прямо указывалось на стерегущих золото грифах на севере, что нашло отражение и в вазописи. Не преминул сказать о том, что на севере Европы много золота, и Геродот: «... самые крайние области, которые замыкают и заключают внутри себя остальную землю, действительно имеют то, что считается у нас самым прекрасным и самым редким». Поэтому вполне вероятно, что одним из главных стимулов для первоначальных путешествий эллинов в северные края было золото и естественное человеческое желание получить какую-то прибыль. Вместе с этим возникал чрезвычайный интерес к окружающему миру и открытию пригодных для переселения земель. Именно в период понтийской колонизации были написаны милетскими логографами первые сочинения и начертаны на медных досках карты известного им мира.

Борисфен: река – божество – полис. В пределах второй четверти VII в. до н. э. милетские мореходы совершали плавания вдоль западного и северо-западного побережья Черного моря вплоть до Днепра. Более того, единичные находки фрагментов расписных сосудов свидетельствуют, что приблизительно около середины этого столетия милетцы проникли даже вглубь территории, на поселения Среднего Побужья, Поднепровья и Подне-

стровья. Несомненно, что самое большое впечатление на них произвели здешние реки, в особенности Дунай и Днепр. «Борисфен – величайшая из рек после Истра... не только среди скифских рек, но и среди всех других, кроме египетского Нила, – писал Геродот около середины V в. до н. э. – Из остальных Борисфен самый полноводный, он представляет прекраснейшие пастбища для домашнего скота. В нем водится множество превосходнейших рыб. Вода на вкус очень приятная. Урожай на его берегах бывает превосходнейший, а там, где землю не засеивают, растет чрезвычайно густая трава. У устья его сами собой отлагаются огромные запасы соли и водятся огромные бескостные рыбы, которых называют антакаями...».

Столь полнозвучная, наполненная эпитетами в превосходной степени характеристика реки, сведения о которой «отец истории» узнал из сочинений милетских логографов, не могла не поразить воображение пытливых эллинов. Именно возле этой реки они основали первое поселение с одноименным названием. Только о нем и о греческом полисе на реке Истр сохранились конкретные даты в «Хронике» Евсевия Кесарийского, взятые им из какого-то раннего литературного источника. Так как эллины вели хронологию истории по олимпиадам, то им указан второй год 33-й олимпиады (647/6 г. до н. э.) как год основания в Понте Борисфена.

Сейчас уже нет сомнений в том, что этот Борисфен соотносится с древнейшим в Северном Причерноморье поселением эллинов на маленьком острове Березань поблизости от Очакова. В период колонизации он представлял собой полуостров, расположенный в Днепро-Бугском лимане. Значительная часть его уже разрушена морем, вследствие чего погибли многие памятники. Лишь обломки расписной керамики, главным образом ионийского производства, свидетельствуют о том, что в середине – второй половине VII в. до н. э. здесь уже обитала небольшая группа эллинов. Основание первого поселения

*Хиосский кубок
с изображением танцоров*

на полуострове являлось неукоснительной нормой для милетских колонистов, закреплявшихся сначала на островах, полуостровах и мысах как наиболее защищенных местах от неприятельских нападений с суши. Установление точной даты основания Борисфена и сохранение ее в античной литературной традиции на протяжении многих веков вряд ли случайно. Проникновение эллинов на далекие припонтийские окраины, беспрепятственный захват большой территории, информация о совершенно новых этносах явились одним из важнейших событий в истории архаической Эллады, стимулировали дальнейший ход колонизации Северного Понта и развитие экономики.

Относительно происхождения названия реки Борисфен не имеется единой точки зрения. В научной литературе существуют три главных интерпретации этого термина: в переводе с иранского языка – «широкое место», с индо-арийского – «высокое место» и древнегреческого, восходящего к древнейшему периоду истории Эллады, – «северный проток или пролив». Последнее объяснение наиболее достоверно еще и потому, что дает возможность установить время появления названия реки. По свидетельству лексикографа Гесихия, Борисфеном до колонизации именовался Геллеспонт (современный Дарданелльский пролив). Точно так же, как наименование узкого пролива Боспор (Фракийский) было использовано греками для современного Керченского пролива (Боспор Киммерийский), название Борисфен было перенесено на самую большую реку в Северном Причерноморье, а упомянутый пролив Борисфен в Элладе переименовали в Геллеспонт. С открытием новых морей и рек он уже не соответствовал старому названию.

Можно полагать, что название реки Борисфен соотносится с самыми первыми проникновениями греческих мореходов к северным побережьям Понта Евксинского. Вполне вероятно, что тогда они еще не знали, что перед ними не пролив, а огромная река, у истоков которой даже во времена Геродота никому из эллинов не удалось побывать. Таким образом, задолго до того, как в причерноморских степях появились кочевые скифы – носители иранского языка, в греческой литературной традиции и в среде ионийских переселенцев было зафиксировано название Борисфен. Благодаря столь уникальным качествам, которыми

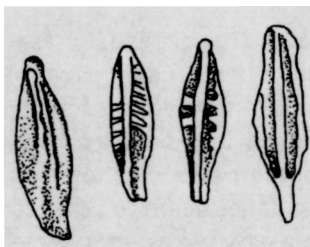
славилась эта река, для лучшей и надежной ориентировки возникшее здесь поселение стало называться так же, как и река.

Полноводный, быстротекущий из далеких северных земель Борисфен настолько поразил воображение эллинов, что они с самого начала знакомства с ним, в соответствии с эллинской религиозной традицией, учредили культ одноименного речного божества. В прибрежной местности для его почитания было устроено святилище с алтарем. Божество Борисфен, наделенное сотерическими функциями, способствовало, в представлении эллинов, защите земель с востока, благоприятствовало путешественникам и торговцам, приносило удачу в рыбной ловле и других промыслах. Вместе с ним почитались и его дочери – речные нимфы. Наиболее известной из них стала нимфа Борисфенида. Она, как одна из муз Аполлона, была воспета еще Евмелом Коринфским во второй половине VIII в. до н. э., что дает повод считать, что уже в то время эллины изредка проникали в Поднепровье. Любопытно также, что, в их представлении, скифские земледельцы Лесостепи происходили от Зевса и дочери реки Борисфен, под которой они подразумевали одну из нимф, обитавшую в местах расположения этого этноса.

Таким образом, название Борисфен применялось здесь в разных значениях. К ним следует добавить и то, что средиземноморскими эллинами это название было перенесено на Ольвию. Не исключено, что Борисфеном именовались и нынешние Днепропровский, а также Днепро-Бугский лиманы. Предположительно, вся область, прилегающая к этой реке, считалась Борисфенидой, а населявшие ее жители, в том числе и жители Ольвии, – борисфенидами. Точно так же, по сведениям Геродота, здешние греки называли обитавших вдоль берегов реки скифских земледельцев. Птолемей – единственный из античных авторов – назвал Борисфенидой уже существующий в его время остров Березань.

Первоначально поселение Борисфен служило опорной базой для разведывательных работ на всей территории северного побережья Понта и в глубине Скифии. Активизация жизни на нем и постепенное увеличение населения происходят в последней четверти VII – первой четверти V вв. до н. э. Вполне вероятно, что уже в конце VII в. здесь впервые появляется бронзовая монета в виде литой двупастной стрелы. Такой тип древнейшего

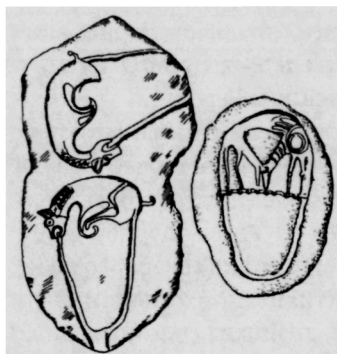

*Бронзовые
монеты-стрелки*

денежного знака в Северо-Западном Причерноморье объясняется тем, что стрела представляла собой один из главных символов культа Аполлона Иетроса (Врача) – сакрального предводителя милетских колонистов. Она исполняла здесь двойную функцию: служила вотивным приношением в святилища этого бога и использовалась для торговых опе-

раций не только в Борисфене, но и в западнопонтийских милетских колониях.

Со второй половины VI в. до н. э. поселение на полуострове занимает самую большую площадь за весь период своего существования. С этого времени начинается интенсивное развитие его экономики и строительства. Как и в других полисах, основу хозяйственной жизни составляли земледелие, животноводство, торговля, промыслы, в особенности рыбный, различные ремесла. Отдельные изделия в зверином стиле были рассчитаны на сбыт местным племенам. В целях расширения территорий для сельского хозяйства и промыслов Борисфен постепенно осваивал прибрежные земли, прежде всего вдоль берегов Березанского лимана и в Нижнем Поднепровье. Именно в этом регионе находилась Гилея – местность, заросшая разнообразнейшими деревьями. Лесной массив использовался эллинами в разных целях.

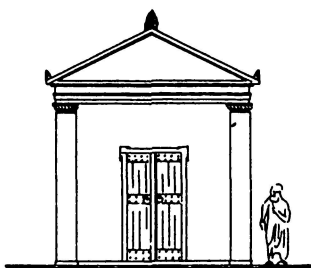
Литейные формы

Деревья вывозились не только для строительства, но и для кремации. Этот погребальный обряд в ранний период его истории превалировал над ингумацией. Известны также редкие богатые погребения в больших ямах, стены и крыша которых были выложены из бревен типа деревянных срубов. Близ Гилеи, у Ягорлыцкого залива, было основано поселение ремесленников, которые занимались изготовлением бронзовых и стеклянных изделий

на продажу, в особенности – местным племенам.

В жилом домостроительстве Борисфена прослеживаются три типа построек: полуземлянки, наземные сырцово-каменные и каменные дома. Они поэтапно сменяли друг друга. Не исключено, что наиболее зажиточные граждане строили и деревянные дома, остатки которых не сохранились до нашего времени. Первые жилища в основном были совсем небольшими по площади. Только в последней трети VI – начале V вв. до н. э. – во время относительно высокого расцвета Борисфена – здесь появились здания, состоящие из двух или нескольких помещений с глинобитными полами и печами, внутренним мощеным двором. Они располагались вдоль нешироких улиц и переулков, также замощенных черепками и бутом. Рядом с домами находились цистерны для воды, глубокие колодцы, хозяйственные ямы, в том числе и для хранения зерна. Судя по четкой ориентации и планировке домов, территория поселения была разбита на отдельные участки, застроенные как жилыми, так и общественными сооружениями. Назначение последних не выяснено.

*Фасад храма Афродиты.
Реконструкция
С.Д.Крыжицкого*

Однако важно отметить, что уже около середины VI в. до н. э. здесь был возведен небольшой сырцово-каменный храм Афродиты Урании. Он был ограничен невысокой каменной оградой, внутри которой перед храмом был установлен цилиндрической формы монолитный известняковый алтарь для проведения ритуалов в культе этой богини. Кроме того, открыты остатки апсидного храма и несколько каменных ступенчатых алтарей в разных частях поселения. Вархаический период они украшались полихромным терракотовым декором в основном милетского производства.

Ступенчатый алтарь

Фигурный сосуд
в виде головы воина
в коринфском
шлеме

Интенсивное сырцово-каменное и каменное строительство, наличие регулярной планировки домов на отдельных участках, системы водоснабжения и благоустройства улиц, организация святилищ и возведение храмов являются свидетельством того, что со второй половины VI в. до н. э. поселение постепенно приобретало городской облик. Оно представляло большой интерес не только для его метрополии – Милета, но и для других полисов. Особенно следует отметить широкое развитие экономических и куль-

Фрагмент клазоменского
диноса

турных связей с различными малоазийскими центрами, а также Хиосом, Афинами, Коринфом, Самосом, Родосом, Навкратисом. Сюда привозилось большое количество ювелирных украшений и разнообразной расписной восточногреческой и аттической парадной посуды, среди которой встречаются подлинные шедевры. Такая активность купцов из отдаленных греческих городов была обусловлена тем, что колонисты не только надежно обосновались, но и занимались производством и добычей тех продуктов и сырья, которые более всего их интересовали и приносили немалые прибыли.

В свою очередь, борисфенцы наладили торговые связи с населением Среднего Поднестровья, Побужья, Поднепровья и, возможно, Крыма. При этом важно учитывать, что все они преодолевали огромные расстояния, пренебрегая всеми опасностями на малоизведанных еще морских и речных путях.

Бронзовый браслет

До сих пор в науке существуют разные мнения ученых о политическом статусе Борисфена. На наш взгляд, он представлял собой небольшой полис, как по количеству членов гражданской общины, которые номинально являлись и его защитниками, так и территориально. Только сплоченный гражданский коллектив под руководством ойкис-тов и других лидеров смог на чужой земле не только обосноваться, укрепиться, обустроиться, создать аграрную зону с поселениями, но и заняться исследованием обширных территорий для дальнейшей колонизации, а также наладить всесторонние торгово-обменные связи со множеством греческих городов и местным населением лесостепной зоны современной Украины, изготовить оригинальные бронзовые литые монеты для ведения внутренней торговли. Все это, а также строительство общественных сооружений и храмов, денежное обращение, наличие образованных граждан и возможная организация начального образования указывают на то, что Борисфен по крайней мере с начала VI в. до н. э. являлся независимым полисом. Для него были присущи все элементы экономического самообеспечения, единство численно небольшого гражданского коллектива, пантеон со множеством, как и в других полисах, культов божеств с четко определенными функциями и развитой системой религиозных и погребальных обрядов.

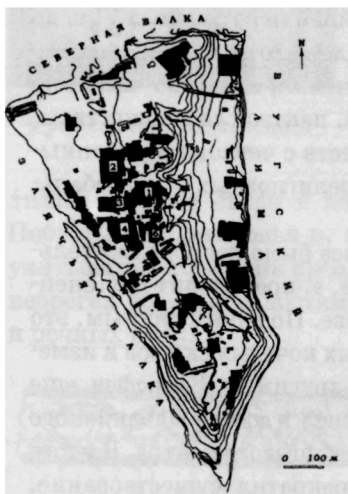

*Горло сосуда милетского
импорта. Погребение
у с. Болтышка*

Однако существование этого полиса было непродолжительным. Уже во второй четверти V в. до н. э. происходит постепенное прекращение жизни на полуострове. По одним данным, это было вызвано появлением воинственных кочевых скифов и изменением экологической ситуации, по другим, – Борисфен еще в последней четверти VI в. до н. э. вошел в состав Ольвийского полиса, исполняя функции эмпория – торгового центра. В итоге Борисфен как автономный полис прекратил существование, став составной частью более крупного государства.

Образование Ольвийского полиса. Нередко возникает вопрос, могла бы возникнуть Ольвия и какое бы развитие она получила, если бы предварительно не был в данном регионе основан Борисфен. Прошло много времени, когда в Северное Причерноморье двинулись новые партии переселенцев из Ионии. В начале второй четверти VI в. до н. э. были основаны Ольвия на правом берегу Бугского лимана и ряд полисов на Керченском полуострове. И тем не менее, первоначально на территории впоследствии большого города обосновалась совсем незначительная группа первопереселенцев (апойков). Однако выбор места для поселения был явно заранее хорошо продуман. «Во-первых, нигде по побережьям Бугского, Днепровского и Березанского лиманов нет столь удобного в географическом и топографическом плане места: только Ольвийское городище располагает наличием двух террас – верхней и нижней; вторая из них изобилует родниковой и колодезной водой и представляет собой удобную платформу для устройства гавани, – писал известный исследователь истории Ольвийского полиса Ю.Г.Виноградов. – Во-вторых, Ольвия занимает крайне благоприятное местоположение у слияния двух крупнейших водных артерий – Днепра и Буга, служивших великолепными речными магистралями для торговли

План Ольвии

с лесостепными и степными районами Северного Причерноморья. В-третьих, крайне важно положение «ольвийского треугольника» и в стратегическом аспекте: он прекрасно защищен естественными рубежами обороны – Заячьей Балкой с запада, Северной балкой на севере и берегом Бугского лимана с востока».

В соответствии с уже апробированным на практике методом, первопоселенцы сначала обосновались на высоком юго-восточном берегу над Гипанисом. Отсюда можно было хорошо обозревать

степные и водные пространства. Одновременно они заложили агору и большую сакральную зону почти в центральной равнинной части Верхнего города. Тот факт, что довольно значительная площадь земли внутри будущего города с самого начала была отведена для почитаемых первопоселенцами божеств, говорит в пользу того, что здесь действительно «программировался» главный политический и религиозный центр.

Нельзя исключать, что вся территория ольвийского «треугольника», согласно колонизационной практике, была сразу разбита на отдельные участки. Лучшие из них обычно выделялись для святилищ, общественных зданий и агоры, домов первопоселенцев. Важно отметить, что только в Ольвии открыты большие по площади теменосы со многими святилищами и прилегающая к ним агора. Их окончательное благоустройство завершилось в последней четверти VI в. до н. э. Однако до этого на данной местности не производилось строительство жилых домов, за исключением полуземлянок, которые могли принадлежать строителям храмов и служителям культов.

Явно численно небольшая группа основателей Ольвии была самоорганизованной. Руководящая ее часть происходила из родовой образованной аристократии Милета. Возможно, это была одна из тех колонизационных партий или отрядов, ойкистами которых выступали современники первых милетских философов. Ведь приверженность ольвиополитов к познаниям и философским рассуждениям, о чем речь пойдет ниже, проявилась еще в ранний период их истории. Весь комплекс материалов архаической Ольвии показывает, что она, по сравнению с другими понтийскими городами, выступала как наиболее промилетски настроенная колония. Первопоселенцы, исходя из глубокой приверженности метрополии, называли это поселе-

*Полуземлянки и каменные здания.
Западный теменос*

ние Милетополем. Плиний Старший, упомянувший о таком первом названии поселения, почерпнул его, видимо, из сочинений ионийских логографов. При этом важно вспомнить и сведения Геродота, отметившего в «Истории», что ольвиополиты в середине V в. до н. э. все еще считали себя милетянами. Название Милетополь относилось к наиболее раннему времени, просуществовало совсем недолго и не стало широко известным грекам Средиземноморья.

Подчинение персами Ионии в 546 г. до н. э. повлекло за собой установление тиранических режимов в ионийских городах, уплату дани и повинность военной службы в персидской армии. Это вызвало новую массовую эмиграцию ионийцев, в том числе и в понтийский регион. В третьей четверти VI в. до н. э. ситуация в Нижнем Побужье резко изменилась в связи с прибытием очередной, но количественно значительно большей партии колонистов (эпойков). Часть их осела в Борисфене и Ольвии, другие начали осваивать прибрежные территории вдоль Бугского лимана. Вскоре между первопоселенцами, которые по традиции считались аристократами, владели лучшими землями и успели обогатиться, и вновь прибывшими колонистами возникла по неустановленной причине социально-политическая и, вероятно, религиозная борьба.

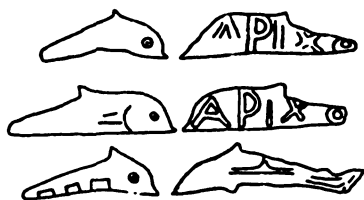
*Чернофигурная гидрия
с изображением собрания
богов: Гефеста, Афины,
Гермеса и Афродиты*

Для прекращения распри и установления мирной жизни было организовано специальное посольство с целью обращения к оракулу Аполлона в его знаменитом святилище в Дидимах близ Милета. По прорицанию оракула, приблизительный текст которого сохранился на костяной пластинке, найденной при раскопках в Борисфене (о которой будет рассказано ниже), новый полис на правом берегу Гипаниса получил постоянное название ΟΛΒΙΝ ΠΟΛΙΣ – «Олбизполис» или, в сокращенном варианте, – «Олбия». В переводе с древнегреческого это означает «счастливый полис». В современных научных исследованиях

это название было преобразовано в более благозвучное «Ольвия», которое уже довольно прочно укоренилось, но только в русском и украинском языках. Однако, несмотря на приобретение такого названия столь важным путем – по совету дидимского оракула, для эллинов Средиземноморья она всегда считалась Борисфеном, а ее жители – борисфенитами. Во всех сочинениях древних авторов, начиная с «Истории» Геродота, Ольвия именовалась так же, как река, древнейшее поселение на полуострове и божество. Почитание его возросло, особенно в тот период, когда полисные земли вновь приблизились к этой прекрасной полноводной реке.

Освященное оракулом наименование города – не просто Ольвия, подобно многим другим топонимам, – но с добавлением термина «полис», очевидно, было понято буквально, как обязательное дополнение к названию, войдя навечно и в его демотикон – ольвиополиты (ΟΛΒΙΟΠΟΛΙΤΑΙ), а не ольвийцы. Благодаря такому дополнению к названию, отныне произошло окончательное установление статуса города как главного политического, экономического и культурно-религиозного центра в Нижнем Побужье. Кроме того, в прорицании оракула в завуалированной форме говорилось, что мирное сосуществование граждан в полисе станет возможным лишь под божественной защитой Аполлона Дельфиния, а не Аполлона Иетроса, почитавшегося здесь верховным покровителем первопоселенцев. Если до этого они использовали такую же монету-стрелу, как и в Борисфене, то с учреждением культа Аполлона Дельфиния в третьей четверти VI в. до н. э. ее постепенно вытеснил денежный знак совершенно иного облика. Это была также бронзовая литая монета, но в виде фигурки дельфина – символа и атрибута Аполлона Дельфиния. В определенной мере такие политические и религиозные преобразования обособляли Ольвийский полис от остальных понтийских городов, где главным покровителем по-прежнему оставался Аполлон Иетрос. Но вместе

*Бронзовые
монеты-дельфины*

*Чернофигурная ольпа
с изображением
Аполлона и Артемиды*

с этим Ольвия стала еще ближе Милету, поскольку именно Аполлон Дельфиний являлся его верховным богом – спасителем и защитником.

Название «Ольвия» носили многие поселения, основанные в разное время в отдаленных периферийных областях античной ойкумены, например, в Вифинии, Киликии, у Евфрата, в Сардинии, Иберии, Галлии и т. д. Однако под этим названием ни одно из них не стало широко известным и долго существующим полисом.

Завершение ионийско-понтийской колонизации произошло после разгрома Милета персами в 494 г. до н. э., когда в нем, по сведениям Геродота, не осталось милетян; вполне возможно, что какая-то часть их переселилась и в Ольвию. Основным аргументом в пользу такой гипотезы являются надписи, свидетельствующие о расширении здесь деятельности религиозного аристократического союза мольпов, который издавна существовал в Милете. В Ольвии мольпы сыграли заметную роль в организации государственной жизни и значительном укреплении культа Аполлона Дельфиния. Длительный и поэтапный процесс формирования Ольвийского полиса, а заодно и освоения Нижнего Побужья вряд ли был беспорядочным. При наличии в данном регионе социально-политического, экономического и культурного центра – полиса, каким был сначала Борисфен, а затем Ольвия, каждая прибывавшая сюда группа новых колонистов подчинялась уже установленным правилам и законам, согласно колонизационной практике и политике формирующихся полисов. Они были заинтересованы прежде всего в единении всех граждан, обороноспособности и экономическом процветании.

По мнению ученых, милетские поселения на побережьях Пропонтиды и Понта основывались с уже готовыми, сложившимися в метрополии политическими институтами, и с заранее определенным пантеоном главных божеств. В момент возникновения они являлись независимыми от Милета и соседних поли-

сов. Однако дальнейшее развитие их автономии всецело зависело от единства гражданского коллектива. В полисе такого типа не могло существовать противопоставления личности обществу. Важнейшее место в гражданской общине, считавшейся наилучшей формой организации государственной жизни, занимало сохранение традиционных обычаев. В нее входили только мужчины, владевшие собственным участком земли и имевшие право голоса в Народном собрании и суде; в период военной опасности они становились ополченцами. Земля передавалась по наследству старшему сыну или другим наследникам. В случае отсутствия таковых или при нарушении законов о земельной собственности владельцем участков отдельных граждан нередко становилась община. Зависимые категории населения занимались в основном торговлей, ремеслами, промыслами, сезонным наемным трудом и т. д.

Земледелие исконно считалось наиболее достойным занятием как в Ионии, так и на новых землях. Даже в философских и поэтических сочинениях прославлялось занятие земледелием как способ жизни, постоянно дающий пищу людям, тесно связанный с природой и ее божественными началами. Особенно большое внимание уделялось зерновому хозяйству – выращиванию пшеницы и ячменя. Во второй половине VI в. до н. э. прилегающие к побережьям Березанского и Бугского лиманов земли вплоть до широты современного г. Николаева были заселены греческими земледельцами. Для обработки земли ими использовался и труд выходцев из местных земледельческих племен Лесостепи. Столь обширное и систематическое освоение прилегающих к главному центру сельскохозяйственных территорий, которые не были заселены автохтонами, было направлено не только на экономическое самообеспечение, но и торговлю ради обогащения и укрепления на новых местах обитания. Вне всякого сомнения, оно вело к постепенному усовершенствованию Ольвийского полиса, что в итоге составило целостную государственную систему.

По целому ряду примеров организации многих милетских колоний известно, что сначала в метрополии формировалась определенная партия переселенцев, состоявшая преимущественно из молодых мужчин и выступавшая в виде сплоченной граждан-

ской общины, во главе которой находился ойкист. Его главная обязанность заключалась в том, чтобы после предварительного обращения к оракулу Аполлона с целью получения божественного одобрения столь сложной операции, как переселение, организовать доставку переселенцев в заранее избранное место жительства и устройство их на новом месте. В каждом конкретном случае, естественно, по-разному проявлялись сила и характер власти ойкиста вдали от родины. Поэтому столь важными являлись требования соблюдения строгой дисциплины и спаянности гражданского коллектива. Вероятно, в Ольвийском полисе власть ойкиста, наделенного многими полномочиями во всех сферах жизни, приближалась к диктатуре. Однако, несмотря на это, если при его правлении гражданская община достигала успехов в основании и развитии города, после смерти он становился почитаемым героем.

Горло милетской
ойнохой

В Ольвии не сохранилось достоверных письменных источников об ойкисте. Лишь предположительно можно считать, что ее основателем был некий Евресибий, род которого впоследствии играл важнейшую роль в истории полиса на протяжении многих веков. Конкретных данных о политической структуре власти в полисе в это время не имеется. Скорее всего, руководящую роль исполнял совет олигархов, первоначально состоявший главным образом из апойков, на которых прежде всего в свое время опирался и ойкист. Ко времени прибытия в Ольвию вторичной партии колонистов, во главе которой также стоял ойкист, первого из них уже не было в живых или же он был очень старым. Его авторитета и полномочий было явно не достаточно для урегулирования взаимоотношений и установления мира между первопоселенцами и вторичными колонистами, если пришлось обращаться за советом к пророкам Аполлона.

На основании целой серии граффити на чернолаковых киликах последней четверти VI – первой четверти V вв. до н. э., найденных при раскопках построенного несколько позже гим-

насия, считается, что на его месте первоначально находилось государственное здание типа пританея. Чаши с надписями обычно употреблялись на общественных угощениях по случаю приезда важных политических деятелей и феонов из других городов. Если это так, то в Ольвии в это время уже существовала общественная казна, за счет которой проводились подобные мероприятия. На них также приглашались жрецы и старейшие граждане полиса.

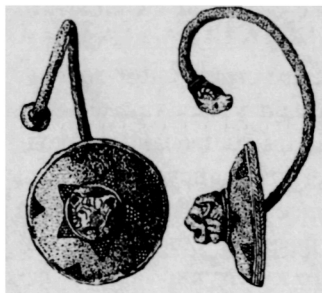
Ни во время основания, ни в дальнейшем развитии Ольвия не стремилась к созданию одного огромного государственно-политического объединения. Автономия была основой политического и этнического самосознания. Тем не менее, желание иметь хотя бы религиозно-культурное единство с понтийскими эллинами проявилось уже в период колонизации. Возведение Аполлона Иетроса в ранг верховного сакрального покровителя полисов Причерноморья, а затем синхронное обращение одинакового денежного знака – литой монеты-стрелы на обширной территории от Аполлонии Понтийской до Ольвии подтверждает не только первоначальное сходство их духовно-культурного и политического развития, но и стремление первых ионийских колонистов к объединению под эгидой одного божества. Находясь в окружении варварского мира, эллины, как и на родине, хорошо понимали значение создания сакрального союза (амфикитии), центром которого стала Истрия.

Этнический и социальный состав населения полиса. В Нижнем Побужье обосновалась в основном однородная общность греков-ионийцев. Ее главное ядро состояло из милетян. Это выясняется по многим общим признакам в языке, календаре, строительстве первых храмов и их архитектурном декоре, памятниках культовой и надгробной скульптуры, а также религиозном мировоззрении ольвиополитов. Превалирование выходцев из Милетской области в составе гражданской общины подтверждается и тем, что они длительное время, как отмечено выше, считали себя милетянами. Немаловажное значение в данном аспекте имеет установление первого культурно-политического договора об исополитии между метрополией и Ольвией еще во второй половине VI в. до н. э., который был вторично подтвержден и переписан в начале последней четверти IV в. до н. э.

Отдельные представители других этнических общностей не сыграли в ранний период жизни Ольвии какой-то особой роли. Не исключено, что в качестве зависимого населения совместно с эллинами сюда прибыло небольшое число обитавших в Милетской области и на ее границах карийцев и фригийцев. Очевидно, они ассимилировались с основной массой греческих переселенцев с их более высокой культурой и устойчивыми традициями. Анализ этнического состава многих колоний показал, что эллины допускали определенный контингент местного населения в свою среду, иногда практикуя и смешанные браки. По письменным данным из Нижнего Побужья, они были характерны главным образом для варварской элиты. Так, матерью скифа Анахарсиса, который в первой половине VI в. до н. э. побывал во многих городах Греции и прославился мудростью, была эллина, по всей вероятности, из Борисфена. Скифские цари Ариапиф и его сын Скил были женаты на эллинках из Истрии и Ольвии. Аналогичные археологические материалы, в частности золотые украшения, бронзовые зеркала и ритуальные каменные блюда из архаических погребений богатых женщин в Ольвии и Лесостепи могут служить лишь для предположения, что отдельные колонисты брали в жены дочерей из знатных семейств лесостепных городищ. Сходные процессы прослеживаются в боспорских и западнопонтийских городах, где нередко заключались эллино-синдские, эллино-скифские и эллино-фракийские брачные союзы.

В процессе имущественной и производственно-профессиональной дифференциации в Ольвийском полисе уже в архаическое время появились отдельные социальные группировки. Наиболее типичным для колониальных городов было то, что переселенцы и их потомки становились знатными в силу того, что первыми основали город или же вели свое происхождение от первооснователей. Чаще всего они занимали господствующее положение во всех сферах жизни полиса. Многие богатые и знатные гражда-

Золотые серьги
с львиными головками

*Статуэтка
Коры-Персефоны*

*Хиосский кубок
с изображением бегуна*

*Бронзовое зеркало
с пантерой на ручке*

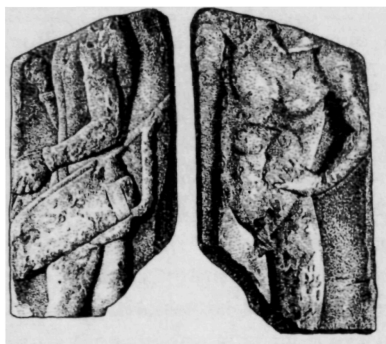
не владели домами и рабами. Привилегированный слой полисной аристократии носил такие же имена, как и представители высшего слоя милетской аристократии. Мольпы, как мощный аристократический клан, всегда воздействовали на проведение различных политических мероприятий в Милете, где государственная и религиозная сферы жизни были тесно взаимосвязаны между собой. То же самое со всей очевидностью прослеживается и в Ольвии. Именно знатной прослойке граждан, а также их семьям принадлежали погребения середины VI – начала V вв. до н. э. с богатым инвентарем: золотыми и серебряными украшениями, большим набором дорогой посуды из алебаstra и бронзы, комплексами терракот, оружием, зеркалами, редкими чернофигурными сосудами. Над ними устанавливались надгробные мраморные памятники. По богатству и разнообразию находок, несмотря на ограбления и разрушения многих погребений, архаический некрополь Ольвии значительно превосходит не только ее некрополи последующего времени, но и синхронные погребения других понтийских эллинов.

Несомненным представителем высшей аристократии и одним из лидеров ольвийской гражданской общины был Леокс, сын Мольпагора. После смерти над его могилой, очевидно, кенотафом в начале V в. до н. э. была установлена уникальная надгробная мраморная стела с рельефными изображениями с двух

*Мужская голова от
мраморного надгробия*

интерес представляют редчайшие для столь раннего времени рельефные изображения юноши с копьем или посохом на одной стороне стелы и скифского лучника с горитом на бедре и стрелой в руке – на другой. Относительно интерпретации лучника до сих пор не прекращены дискуссии. Одни ученые считают его рабом или слугой Леокса скифского или другого варварского происхождения, другие видят в нем женскую фигуру – амазонку. Не обошлось в научной литературе и без курьезов. Так, немецкий историк Ф.Альтхайм в труде об истории Азии в древнегреческий период опубликовал фотографию ольвийской стелы с лучником, где указывает, что это изображение принадлежит сакскому лучнику из Персеполя.

*Двусторонняя надгробная
стела Леокса*

сторон и стихотворной эпитафией. До нашего времени дошла только средняя часть памятника. На узких боковых торцах стелы частично сохранились остатки надписей, реконструкцией которых занимались многие российские и западноевропейские эпиграфисты. По последним данным, эпитафия восстановлена следующим образом: «Памятник доблести, я говорю, что вдали за отчизну, жизнь отдавши, лежит сын Мольпагора Леокс». Не меньший

По нашему мнению, это не амазонка, а слуга и провожатый Леокса, погибший вместе с ним при исполнении какой-то важной миссии. Памятник для них был изготовлен по специальному заказу семьи этого ольвийского гражданина, а возможно, и всей общины одним из милетских скульпторов. Уникальная надгробная стела – неоспоримый доку-

мент его принадлежности к милетско-ольвийскому аристократическому роду. Своеобразным олицетворением взаимосвязей Ольвии с племенным миром является единственное в скульптуре этого времени изображение лучника на надгробном памятнике эллина высокого социального ранга.

Основная же масса граждан Ольвийского полиса была рядовой, средне- или малозажиточной. Их роль в государственной жизни не известна. Однако, по аналогии с соседними милетскими колониями, можно полагать, что участие рядовых граждан в политической деятельности было самым минимальным, как вообще при правлении олигархии. Тем не менее здесь не прослеживаются яркие проявления недовольства неполноправных свободных и рабов, обычно составлявших значительную прослойку в составе всего населения каждого греческого государства.

Покровительство Ольвии над священным островом Ахилла. Уже в первой половине VII в. до н. э. милетские мореходы обратили внимание на единственный пустынный островок в Черном море, дав ему название Левке (Белый) якобы из-за множества гнездившихся на нем белых чаек или белизны морской пены. В наше время он носит название Змеиный. Впервые, по данным археологических раскопок, на нем появились эллины и «поселили» на высоком скалистом утесе Ахилла. До них никаких следов обитания там древнего человека не обнаружено. Вера в защиту могущественного героя, каким представлялся всем эллинам Ахилл, прославленный в знаменитом эпосе «Илиада» Гомера, способствовала созданию особого мифа. Согласно ему, мать Ахилла Фетида с погребального костра у Трои перенесла его на этот остров, ставший отныне местом его посмертной жизни. Никто из людей не имел права селиться на нем. По разным преданиям, здесь периодически обитали души его супруг, среди которых древние авторы чаще всего называли Елену, Ифигению и даже Медею, а также его друзей в Троянской войне – прежде всего Патрокла.

С целью оправдания захвата острова были придуманы специальные мифологические версии, в том числе о его возникновении. По просьбе Фетиды Зевс велел Посейдону поднять из морских пучин чистый, ничем не запятанный остров для того, чтобы

*Менелай и Елена
на медальоне
краснофигурной чаши*

поселить на нем Ахилла с Еленой. По другой версии, Ахилл поселился на Левке после безуспешных поисков своей невесты Ифигении, похищенной из жертвенного костра Артемидой и перенесенной в Таврику. В этом мифе прослеживается явный намек на то, что герой владел островом еще до смерти, в далекие времена Троянской войны. Ахиллу в ранний период переселения эллинов в Северо-Западное Причерноморье присваивался особый культовый эпитет –

«владыка». В первой строке стиха поэта Алкея, жившего в конце VII – начале VI вв. до н. э., герой прямо величается «владыкой скифской земли». По верованиям эллинов, сакральное владычество самого Ахилла столь отдаленной от метрополии периферией должно было служить залогом их успехов и благополучия. В дальнейшем его именовали «владыкой светлосияющего острова» (Пиндар); обитающим в островном доме на белом берегу (Еврипид) или же просто владыкой Левке. Само содержание этого термина означало, что только его святилище владело этим островом и могло влиять на политическую и культурную жизнь полиса.

Мифы и рассказы античных авторов изобилуют разными представлениями: в них Ахилл выступает то как живой человек, получивший бессмертие и вечную славу за доблесть; то как его душа, блуждающая по острову. И в том и в другом случае он наделен сверхъестественной силой защитника моряков близ своего обиталища. Культ Ахилла развивался здесь постепенно. Однако уже со времени основания города ольвиополиты уделяли ему значительное внимание. Именно благодаря их инициативе на Левке было устроено святилище героя, в котором сначала находились только алтари для жертвоприношений и возлияний. Затем, в последней четверти VI в. до н. э., в Ольвии и на острове почти одновременно были сооружены храмы. Причем островной

храм по размерам вдвое превосходил храм Аполлона Иетроса в самом городе.

Со времени его существования значительно увеличивалось количество дарственных приношений. Высокий белокаменный храм на острове, расположенном на морском пути, служил одновременно и маяком, содействуя благополучному мореплаванию. (И в настоящее время западный морской путь проходит мимо Левке, где стоит маяк, построенный в первой половине XIX в. на месте храма с использованием его каменных плит.) Заезжающие сюда эллины из разных уголков античного мира, стараясь умиловить душу Ахилла с целью удачного плавания или переселения, а возможно, и во время спасения от бури, оставляли дары. К сожалению, святилище на Левке подвергалось неоднократным разграблениям как в древние, так и в новые времена. Поэтому ученые могут изучать лишь сравнительно немногие остатки приношений, найденных в процессе непродолжительных раскопок за прошедшие два века.

Признание «реальности» существования на острове троянских героев оказало воздействие на универсализацию культа Ахилла в ипостаси бога с уникальными свойствами. При его храме действовал оракул сновидений и специальное учреждение врачебной инкубации с соответствующими обрядовыми функциями, помогающими исцелению больных во сне. К организации такого прорицалища было причастно святилище Аполлона в Дельфах, оракул которого был широко известен. По сведениям Павсания, он советовал раненому победителю олимпийских игр Леониму посетить остров Левке для исцеления. Ахилл еще в юности специально обучался врачеванию у кентавра Хирона. Как герой, Ахилл и в посмертной жизни обладал способностью излечивать и спасать людей. Каждое святилище не могло действовать само по себе, не мыслилось без жрецов и других служителей культа. Они были его неотъемлемой частью и постоянно

*Фрагмент краснофигурного
канфара с изображением
Диониса*

*Пелей и Фетида передают
Ахилла кентавру Хирону*

и избирались, очевидно, как и позже, на один год. В их руках сосредотачивалось отправление установленных обрядов и руководство ритуалами прорицания, забота о сохранении посвященных даров и уходе за козами, которых здесь специально разводили для жертвоприношений.

Несмотря на труднодоступность Левке, святилище постепенно обогащалось. Древние писатели сообщали, что на острове хранится много ценных даров: драгоценных камней, перстней, монет, дорогих сосудов, бронзовых и терракотовых статуэток, деревянных и мраморных статуй Ахилла и его друзей. Лишь небольшое из перечисленного найдено при раскопках. Неоднократные грабежи и нападения, в свою очередь, свидетельствуют о богатстве святилища. Вследствие этого было выработано специальное постановление об этом острове с целью охраны его храмовой сокровищницы и упрочения легенд о таинственности культа. На нем запрещалось постоянное проживание и пребывание людей, за редким исключением, в ночное время. Такое решение могло исходить как от города-покровителя, так и от жрецов. В декрете IV в. до н. э., высеченном на мраморном постаменте для статуи, установленной на острове в честь ольвиополита, изгнавшего отсюда пиратов, подчеркивалось, что попечительство над Левке было заповедано гражданам Ольвии их предками. Они на протяжении веков постоянно стремились к расширению его популярности и упрочению тем самым авторитета своего города.

Постепенно культ Ахилла на Левке становится межполисным и даже панэллинским, судя по тому, что он очень часто упо-

заботились о его процветании, длительном сохранении созданных легенд о спасительной силе героя не только во время шторма, но и врачующего больных, для привлечения большего количества почитателей ради обогащения святилища. Здешние жрецы принадлежали к аристократической прослойке граждан Ольвии

минается древними авторами и на острове найдены монеты и посвящения из самых разных, в том числе и весьма отдаленных, областей античного мира. Герой во многих посвящениях именуется владыкой острова. Это символическое владычество, которым наделяли его почитатели, диктовало введение многих запретов относительно Левке, содействовало учреждению своеобразных ритуальных актов и обрядов, выдвигало культ Ахилла в Причерноморье в особый культ героя-бога, служившего стимулом понтийского единства городов.

План о-ва Левке

Священные земли Ольвийского полиса. Насколько важны для внутренней и внешней политики Ольвии были пограничные святилища, видно из того, каким образом и где именно происходило их устройство. Прежде всего уже в первый век милетско-понтийской колонизации во время поисков новых земель (своего рода географического открытия мира и его познания) были созданы различные мифологические сочинения о героях и божествах в их привязке к определенным местностям. Ольвия уже с самого раннего периода своей истории была окружена землями, которые якобы с древнейших времен — значительно раньше появления здесь эллинов — ассоциировались с ними. По данным литературных источников, к таковым относятся Ахиллодром — Бег Ахилла (Тендровская коса), Гилея, священная роща Гекаты на Кинбурнской косе и мыс Гипполая (Станиславский) со святилищем Деметры и Посейдона. Все эти местности имели важное значение в жизни эллинов Ольвийского полиса на протяжении многих веков.

Огромную роль в политической и религиозной жизни ольвиополитов играла организация календарных празднеств в честь Ахилла на Тендровской косе. Спортивные состязания на колесницах Ольвия установила по совету дельфийского оракула в начале V в. до н. э. Однако устройство его святилища на оконечности косы относится к более раннему времени. Об этой местно-

Изображение на чаше одного из эпизодов Троянской войны

ного костра в Авлиде, в эти края перенесла Артемида. И в том и в другом мифах как бы предопределялось, почему на празднествах Ахилла происходили спортивные агоны на колесницах, в беге, прыжках и т. д.

По данным письменных источников, культ Ахилла был неразрывно связан с Ольвией и ее округой. В среде нижнебугских эллинов сочинялись и многие легенды о пребывании гомеров-

Ручка бронзового зеркала в виде фигуры Артемиды с животными. Рожновский курган Херсонской обл.

сти во взаимосвязи с Ахиллом также были созданы специальные мифы. По одному из них, во время Троянской войны он якобы праздновал здесь с друзьями свою победу и по этому случаю устраивал состязания в беге. По другому, — он гнался по песчаной косе за невестой Ифигенией, которую, похитив из жертвен-

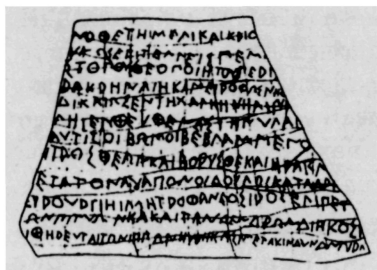
ного героя на ее землях, важных в экономическом и идеологическом планах. В такой же мере, как и остров Левке, песчаная Тендровская коса лежала на пути многих греческих кораблей и, будучи мало заметной на морской глади, представляла опасность для мореходов, предотвращать которую был способен лишь этот троянский герой. Установление межполисного культа Ахилла, его демонстрация в виде календарно-спортивных игр, на которые съезжались представители многих государств античного мира, местный оракул с врачебными функциями на Левке способствовали политической силе эллинов Нижнего Побужья. Будучи подчиненным политике Ольвийского полиса, культ Ахилла, бесспорно, во многом содействовал упрочению его международных связей и авторитета на Понте Евксинском.

К северу от Тендры на остроконачном мысу Гипполая у Днепроовского лимана одновременно с основанием здесь крупного аграрного поселения было устроено святилище Деметры – главной покровительницы земледельцев. В последней трети VI в. до н. э. на побережье Днепроовского лимана это было единственное поселение эллинов. Деметра выступала также в роли защитницы пограничных сельскохозяйственных поселений. Совместно с ней почитался Посейдон Гипполай, благодаря чему мыс получил такое название. А на расположенном рядом с Тендрой Кинбурнском полуострове было устроено святилище Гекаты со священной рощей, в такой же мере способствующее упрочению политических и идеологических позиций эллинов в пограничных зонах. В роще был установлен каменный алтарь Ахиллу. Здешние эллины очень бережно относились к этой местности на протяжении многих веков. Она являлась составной частью более обширного в Нижнем Поднепровье лесного массива, носившего название Гилея. В экономических целях эллины в мирное время беспрепятственно использовали основные и жизненно необходимые ресурсы этой никем тогда не заселенной области.

Потребность в лесе, который был необходим для строительства жилищ, отопления и производственных целей, изготовления различных орудий труда, бытовых и культовых предметов, постройки кораблей и небольших рыбацких лодок, возрастала с постоянным увеличением переселенцев. Помимо всего прочего, об этом может свидетельствовать и такой интересный пример. До прибытия в третьей четверти VI в. до н. э. самой большой волны колонистов, занявших, как уже отмечалось, обширный регион по обоим берегам Гипаниса вплоть до современного г. Николаева, жители Борисфена при погребении родственников использовали преимущественно ритуал кремации, для которой, как известно, нужны были большие затраты древесины. Когда же в данном регионе ее потребление в связи с увеличением населения намного возросло, такой ритуал, очевидно, был запрещен одним из полисных законов. Иначе трудно объяснить резкую смену в Борисфене кремации ингумацией именно в это время и ее исключительно редкое применение в архаическом некрополе Ольвии.

Письмо «жреца из Гилеи»
на черепке

Важные сведения о Гилее имеются и в письменных источниках. Так, в «письме жреца» сообщалось о состоянии дел на восточных землях Ольвийского полиса около середины VI в. до н. э., в частности о вывозе на кораблях деревьев из Гилеи и разрушенных алтарях Матери богов, Борисфена и Геракла. Из его текста ясно, что даже в столь

отдаленной местности эллины устроили святилища почитаемых ими божеств и героев. С целью оправдания захвата этой территории в период колонизации относительно Гилеи также была создана легенда, которую подробно передал в «Истории» Геродот. Главным действующим персонажем в ней выступает греческий герой Геракл, совершивший двенадцать знаменитых подвигов и являвшийся сакральным колонизатором многих земель. В понтийской легенде он при свершении десятого подвига, перегоняя быков Гериона с далекого запада, «прибыл в ту бывшую тогда пустынной землю» – «в страну, называемую ныне Скифией», где его застигли зима и мороз. И здесь во время его сна исчезли кони из его колесницы. В их поисках герой прибыл в Гилею, где в пещере «нашел некое существо смешанной природы – полухидну, полудеву». После расспросов он узнал, что кони находятся у нее. Но она согласилась отдать их только после того, как Геракл заключит с ней брачный союз. После рождения трех сыновей – Агафирса, Гелона и Скифа – змееногая женщина отпустила Геракла. Перед уходом он по ее просьбе дал совет испытать сыновей после возмужания, оставить в стране победителя в стрельбе из оставленного им лука, а остальных выслать в другие земли. Победителем стал Скиф, и по его имени обитавшее здесь племя получило название скифы, а соседние с ними племена именовались соответственно агафирсами и гелонами.

Мифологическая связь Геракла со змеедевой и рождение от него трех сыновей – основателей трех племен – должны были способствовать политическим целям греков относительно занятых ими территорий. Вместе с тем, в этой легенде заключение

священного брака между греческим героем и местной змеедевой рассматривается как позитивное явление в отношениях эллинов с варварами, что могло служить обоснованием для устройства смешанных браков между элитарными представителями эллинов и скифов. Однако Геракл, как

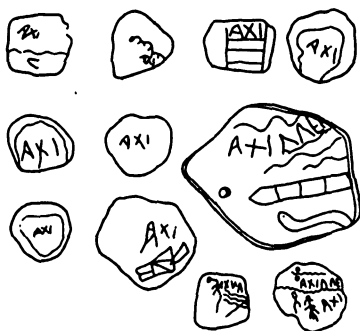
Глиняная скульптура Геракла, лежащего на львиной шкуре

всеобщий выразитель греческой культуры, обладает человеческим совершенством и несомненным превосходством, более того, он дает разумные советы: то есть в этом мифе налицо представлено нескрываемое противопоставление эллинского интеллекта и рационализма и варварского инстинкта, выраженного, к тому же, в образе получеловеческого существа. А вместе с этим – явная пропаганда более прогрессивной цивилизаторской роли культуры эллинов. Такое удивительное «расселение» древнегреческих героев даже в самые отдаленные уголки ойкумены, куда проникали эллины в период колонизации, не являлось единичным фактом. Это был не стихийный процесс формирования мифологических представлений, а традиция с осмысленным закреплением своих героев на захваченных землях для идеологического оправдания колонизационной деятельности.

Относительно святилищ на северных и западных границах Ольвийского полиса не сохранилось конкретных легенд или письменных свидетельств. Однако их наличие подтверждается археологическими раскопками. Одно из них было расположено к западу от Ольвии – на Бейкушском мысу при слиянии Березанского и Бейкушского лиманов. Во второй половине VI – первой четверти V вв. до н. э. этот мыс входил в западную пограничную зону полиса и был связан также преимущественно с культом Ахилла. Впервые в истории изучения этого культа было найдено множество votивных «кружков», вырезанных из стенок керамических сосудов. На них процарапывались самые разнообразные рисунки совместно с именем Ахилла, чаще всего в сокращенной форме.

На северной окраине Ольвийского полиса у современных сел Старая Богдановка и Козырка на побережье Гипаниса открыты

Керамические вотивы
с именем Ахилла

также два святилища, расположенные друг от друга в полукилометре. От первого из них сохранились остатки оригинальной формы строения, на стенах которого отмечены следы воздействия высоких температур от сожжения каких-то материалов. Ввиду применения в культе огня как основной силы религиозного воздействия, не исключено, что этот комплекс был связан с культом Аполлона

в ипостаси Борея для защиты от холодных масс воздуха с севера, а заодно с этим и приграничной полосы ольвийской сельской округи. При исследовании второго святилища открыты остатки сгоревшего деревянного алтаря и культовой ямы. После этого на их месте был возведен небольшой сырцово-каменный храм, простоявший непродолжительное время. Поскольку это святилище находилось в аграрной зоне Ольвийского полиса, то, по всей вероятности, оно принадлежало Деметре. Как и на мысу Гипполая, эта богиня на северных окраинах также выступала в ипостаси защитницы земледельцев.

Таким образом, Ольвийский полис, как и каждый такого типа политический организм, обеспечивал себя не только экономически. С самого начала его формирования уделялось большое внимание учреждению культов и организации святилищ тех героев и божеств, которые нужны были ему в первую очередь для упрочения на новом месте и защиты подвластных территорий, особенно в пограничных зонах. Благодаря различным сведениям о наличии таковых, более зримо представляется, какими землями владела Ольвия во второй половине VI – первой четверти V вв. до н. э. Для каждого полиса, в том числе и Ольвии, важнее всего были интересы собственных граждан и собственной независимости. Принадлежащая ей идея единения понтийских эллинов в определенной степени нашла свое выражение в устройстве панэллинского святилища Ахилла на острове Левке и учреждении панэллинских религиозно-спортивных

празднеств в честь этого героя-бога на Ахиллодроме. Исходя из того, сколь важное значение имел этот культ в политике молодого полиса, ясно, что с его помощью ольвийская олигархия стремилась к контролю над морскими путями. Остров Левке и Ахиллодром были главными пунктами в Северо-Западном Понте на пути следования морских судов из Эгейды. Они были рационально связаны с Ахиллом как защитником от бедствий на море для всех мореплавателей, которые традиционно оставляли в его святилищах дары и могли непосредственно контактировать со служителями его культа. Таким образом ольвиополиты получали важнейшую информацию о других античных городах и имели возможность устанавливать выгодные для себя торговые и культурные контакты.

Религиозные воззрения. В тесной взаимосвязи со становлением Ольвийского полиса находилось формирование пантеона – важной составной части его идеологии на протяжении веков. Для религии эллинов характерным был политеизм – поклонение самым разным божествам, олицетворяющим собой многогранные явления и силы природы, нормы общественной жизни и хозяйственной деятельности. Вера в божества и их почитание с отправлением определенных ритуалов и проведением праздников рассматривались общественным мнением и законом не только как признак благочестия, но и как прямой долг гражданина полиса. Все события в жизни частных лиц и государственных деятелей совершались, по представлениям эллинов, с помощью божеств. К ним эллины постоянно обращались, совершая при этом жертвоприношения и возлияния, принося посвященные дары и провозглашая молитвы. Мощный пласт религиозных верований и традиций постепенно внедрялся и распространялся их носителями, стремившимися приспособить свои божества к новым местностям и новым экологическим условиям.

Согласно колонизационно-религиозной практике в новообразованном городе под священные участки отводилась одна десятая часть его территории. Придерживались ли первопоселенцы Ольвии этих правил, пока не установлено из-за неполного открытия этих участков. Однако здесь исследованы лишь самые большие по площади два теменоса со святилищами разных божеств. Древнейшим из них, специально выделенным для почи-

*Траншеи от выборок стен
храма Аполлона Иетроса*

сырцово-каменный храм и алтарь, украшенные терракотовыми полихромными деталями. На обломке одной из них сохранилась посвятельная строительная надпись: «Аполлону Иетросу (владыке) Борисфена». Она красноречиво свидетельствует как об основной роли культа этого божества в Ольвии, так и о том, что в Милете, откуда привозился архитектурный декор, она именовалась Борисфеном. Первый храм простоял непродолжительное время. В конце VI в. до н. э. непосредственно к югу от него был сооружен каменный храм, получивший название Иетроон. Перед фасадом храма и возле его западной стены были установлены каменные алтари круглой формы, где жрецы производили главные ритуальные действия в культе Аполлона. Совместно с ним почитался и Аполлон с эпиклезой Борей.

*Базы от колонн раннего
храма Аполлона Иетроса*

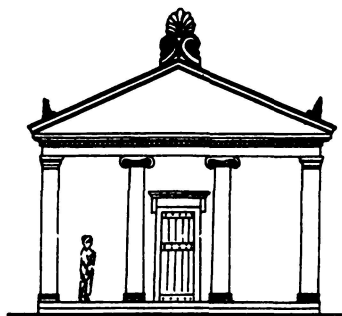
тания первого покровителя полиса Аполлона Иетроса во второй четверти VI в. до н. э., был Западный теменос. Сначала здесь устраивались небольшие жертвоприношения коз и овец, а также возлияния вином на примитивных деревянных алтарях. В третьей четверти этого столетия ольвиополиты поставили этому богу небольшой

сырцово-каменный храм и алтарь, украшенные терракотовыми полихромными деталями. На обломке одной из них сохранилась посвятельная строительная надпись: «Аполлону Иетросу (владыке) Борисфена». Она красноречиво свидетельствует как об основной роли культа этого божества в Ольвии, так и о том, что в Милете, откуда привозился архитектурный декор, она именовалась Борисфеном. Первый храм простоял непродолжительное время. В конце VI в. до н. э. непосредственно к югу от него был сооружен каменный храм, получивший название Иетроон. Перед фасадом храма и возле его западной стены были установлены каменные алтари круглой формы, где жрецы производили главные ритуальные действия в культе Аполлона. Совместно с ним почитался и Аполлон с эпиклезой Борей.

На площади теменоса, ограниченной невысокими каменными оградами и улицами, к востоку, северу и югу от храма Аполлона располагались святилища Матери богов, Диоскуров, Афины, Гермеса и Афродиты как супружеской пары, а также отдельное святилище Афродиты, носившее название «святая святых Афродиты». Кроме того, здесь почитались и другие божества. Для них были выделены небольшие по размерам святилища

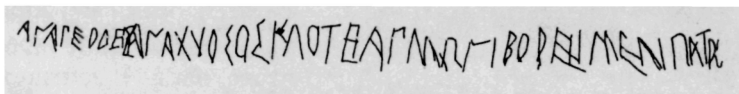

с алтарями. Прочерченные на чернолаковых чашах имена божеств удостоверяли, какому именно святилищу они принадлежали. В Западном теменосе найдена уникальная посвятельная надпись Аполлону Борею на венчике амфоры, в которой речь идет о даре ему отеческого меда от некоего Анахирса, сына Анаперра. Предположительно их относят к роду знаменитого скифа Анахарсиса.

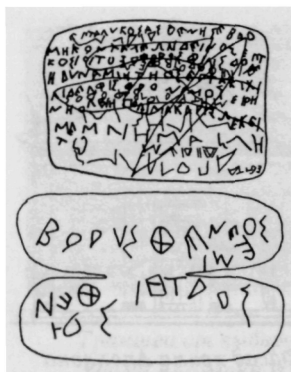
*Фасад храма Аполлона
Иетроса. Реконструкция
С.Д.Крыжицкого*

Вообще культ Аполлона в религиозном мировоззрении эллинов Нижнего Побужья играл основополагающую роль. При раскопках Борисфена была найдена костяная пластинка, испещренная многими надписями. Основной текст передает прорицание оракула дидимского святилища: «Семь: волк слаб; семьдесят: лев могуч; семьсот: лучник дружен – дар силой врачевателя; семь тысяч: дельфин мудр – мир Ольвийскому полису; считаю счастливыми вас там, я сам благословен Лето». В нем в завуалированной форме высказано пожелание назвать город Ольвией и учредить культ Аполлона Дельфиния. Кроме того, загадочные, на первый взгляд, символы в сопоставлении с цифрами находят объяснение в сложной религиозной системе культа Аполлона. Ему были присущи многие функции и мифологические взаимосвязи с животными, а также цифрой семь. Этот бог являлся покровителем понтийской колонизации, вследствие чего его культ был введен во всех милетских полисах. Особенно ярко проявились такие свойства, как прорицатель, блюститель космической и человеческой гармонии, дружелюбный стрелок и губитель, победитель Севера и Северного ветра, различных трудностей и опасностей, связанных с освоением эллинами северных земель Причерноморья, спаситель

Посвящение Аполлону Борею

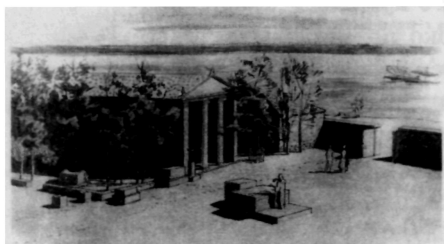
Надписи на костяных
пластинах

и защитник от самых различных болезней и бедствий, покровитель и основатель новых полисов, распространитель музыки, поэзии и различных знаний, – то есть по существу он универсальный бог. Присваиваемые ему культовые имена лишь оттеняли и усиливали те или иные его функции.

Благодаря прорицанию дидимского Аполлона, ольвиополиты учредили государственный культ Аполлона Дельфиния – главного патрона их метрополии, выделив для его почитания новый священный участок (Вос-

точный теменос). Первоначально здесь находилась небольшая роща, а вскоре были сооружены каменные алтари, сокровищница и, возможно, небольшой храм. Эллы поверили в то, что только при таком условии они приобретут мир, благополучие и счастье на чужой земле. Отныне основанный ими город стал неизменно именоваться Ольвией, а Аполлон Дельфиний оставался ее верховным богом-защитником до гетского нашествия. Рядом с его святилищем было устроено святилище Зевса Сотера и Афины. В нем найдены обломки редких краснофигурных чаш мастера Никосфена.

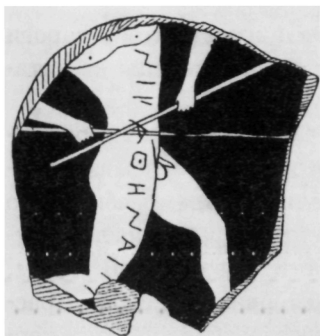
В отправлении государственного культа Аполлона Дельфиния, по милетской традиции, участвовало все население полиса. Во время его празднеств дельфинии и таргелии устраивались

Святилище Аполлона Дельфиния.
Реконструкция А.Н.Карасева

торжественные процессии, специальные спортивные и мусические состязания, пиры, церемониальные возлияния и жертвоприношения животных. Всеми мероприятиями руководили жрецы этого бога – эсимнеты, стоявшие во главе священ-

*Посвящение Зевсу и Афине
на краснофигурной чаше*

ного союза мольпов. На сосудах для питья процарапывались посвящения с полным или сокращенным написанием имени бога и его эпиклезы, иногда с указанием имени дарителя. Главными вотивами являлись монеты в виде дельфина, большое количество которых найдено именно в святилище Аполлона Дельфиния, что указывает на особую сакральную роль этого морского животного в его культе в Ольвии. Во время празднеств исполнялись

широко известные гомеровские гимны в честь Аполлона, а также гимны, созданные местными поэтами.

*Посвящение Аполлону Дельфинию
на чернофигурной чаше*

Таким образом, уже во второй половине VI в. до н. э. значительная часть лучшей земли в Верхнем городе Ольвии была отведена для почитания многих божеств. Не исключено, что в архаическое время существовали и другие куль-

товые участки небольших размеров как на южном возвышенном плато, так и в прибрежном районе. Тем более это возможно ввиду того, что до сих пор точно не установлены святилища элевсинской триады – Деметры, Персефоны и Иакха, сведения о которых зафиксированы в одном посвяtitельном граффито, а также Диониса, Артемиды, кабиров и других божеств. Для проведения религиозных празднеств и торжественных процессий между двумя теменосами проложили широкую дорогу, замощенную черепками и мелким бутом. Темено-

*Посвящение Аполлону
Дельфинию на чаше*

сы ограждались невысокими каменными оградами, и с дороги было хорошо видно, какие обряды совершали жрецы на алтарях.

В процессе исследования теменосов было открыто множество специальных культовых ям – ботросов, куда сбрасывали вышедший из употребления сакральный инвентарь, разбитые во время ритуальных действий и общественных трапез после жертвоприношений различные сосуды и кости животных. В общем, сохранилось немало разнообразных материалов, которые раскрывают отдельные грани культов божеств и обрядов. Это – терракотовые статуэтки различных божеств, светильники, целые и фрагментированные амфоры, обломки множества типов ионийской и аттической посуды, а также кости животных. По определению палеозоологов, среди них выделяются кости быков, овец, коз, свиней, собак, диких животных – зайца, волка, оленя благородного и даже льва. Здесь выявлено также немало костей больших осетровых рыб и морских моллюсков. Из этого видно, что оливииполиты приносили в дар божествам все то, что сами имели в тот или иной период своей жизни.

Среди аттических расписных сосудов разных форм (киликов, скифосов, амфор, кратеров, пелик) выделяются несколько сосудов, выполненных первоклассными афинскими вазописцами. Большой чернофигурный кратер для вина знаменитого Лидоса был посвящен Матери богов и хранился в ее святилище около двух веков. После того, как он разбился, его отремонтиро-

Краснофигурная
пелика

вали с помощью свинцовых скреп. Представляет интерес и чернофигурный скифос этого времени мастера Сиана, посвященный Афине. Уникально размещение на его венчике первых букв имени Афины прямо на голове сидящего в богатом костюме Зевса. Рядом с ним с двух сторон стоят с повязками Илифии – богини, помогающие при родах. Поскольку, согласно мифу, Афина родилась из головы Зевса, то граффито раскрывает и весь сюжет росписи, как бы намекая, что Илифии и сам владыка Олимпа ждут ее появления.

*Зевс и Илифии
перед рождением Афины*

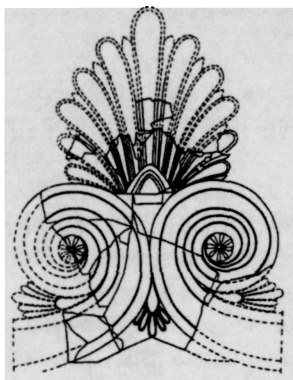
Но особенно много найдено здесь обломков чаш для питья, украшенных росписями на сюжеты дионисийских празднеств. Они применялись в культах всех божеств и в быту. Хотя в ранний период истории Ольвии виноградарство и виноделие не развивались, культ их покровителя Диониса пользовался большой популярностью

среди определенных групп населения. Среди них выделяют вакхисты, упомянутые Геродотом в рассказе о Скиле. Во время вакхических таинств под воздействием вина, неистовых плясок под музыку флейт и тамбуринов, особого мистического настроения они представляли себе, что приобщаются к богу и даже перевоплощаются в него. В ритуальных действиях его культа особая роль отводилась зеркалу. На одном из бронзовых зеркал, найденном в архаическом погребении, процарапана надпись: «Демонасса, дочь Ленея, радуйся, и ты Лней, сын Демокла, радуйся». Здесь же находились восклицания «эвай», «ай», которые всегда выкрикивали на празднествах Диониса. Демонасса и Лней могли принадлежать к жреческой семье или быть посвященными в таинства Диониса.

Основы культурной жизни. Греческая культура нередко именуется «культурой храмов». Художественным совершенством, стройностью и гармоничностью пропорций, являясь воплощением человеческого ума и мастерства, храмы представляли собой архитектурную доминанту каждого города. А вместе с этим они являлись и таинственным обиталищем того или иного божества, служили средоточием духовной жизни населения. При этом необходимо помнить, что Ольвия относится к периферийным городам античной ойкумены, и для нее характерны свои особенности архитектурного развития, тем более для первоначального периода ее истории. Поселение эллинов на берегу Гипаниса медленно приобретало городские черты. Однако, несмотря на все трудности жизни на новом месте, ольвиополиты

прежде всего возвели небольшие сырцово-каменные храмы наиболее почитаемым божествам по образцу архаических милетских храмов уже во второй половине VI в. до н. э. Архитектурный декор для них был привезен также в основном из Милета. Какая-то часть его изготовлялась и в Ольвии. При украшении храмов и алтарей производилась раскраска различных архитектурных деталей. Каменный акротерий храма Аполлона Иетроса конца VI в. до н. э. был расписан яркими красной и синей красками. Любопытно, что при его открытии в культовой яме, куда он был сброшен после того, как разбился, на нем в отдельных местах хорошо сохранились остатки этих красок. А ведь с тех пор прошло почти двадцать пять веков! На солнечном свете краски мгновенно потускнели и почти полностью исчезли. Помимо каменных деталей, архаические храмы и алтари в древнейшем теменосе Ольвии были богато украшены привозной архитектурной полихромной терракотой и расписными плитами, что в комплексе представляло красочный нарядный вид.

На фоне этих культовых сооружений совсем не притязательными и бедными кажутся в основной массе жилища ольвийских жителей. В контрасте с ними предстает и сравнительно богатый некрополь. Многие архаические погребения в нем по количеству и качеству погребального инвентаря, художественной ценности и разнообразию предметов, а также надгробной

Фронтальный
акротерий храма
Аполлона Иетроса

скульптурой превосходят таковые в других синхронных некрополях понтийских городов. Эта несоизмеримость между богатством отделки культовых сооружений и непритязательностью жилищ объясняется, возможно, еще и тем, что культурные слои ранней Ольвии очень плохо сохранились и исследованы далеко не в полном объеме.

Тем не менее принято считать, что в VI в. до н. э. город был застроен преимущественно полужемлячными однокамерными жилищами. Очевидно, только незначительная часть переселенцев смогла возвести назем-

ные сырцово-каменные или деревянные дома. В основном все полуземлянки представляли собой помещения прямоугольной формы небольших размеров с глинобитными полами. Для двускатных крыш применялись солома, камыш, саман. Внутри размещался очаг или стояла жаровня. Пол и примитивные лавжанки покрывались сухой травой. Возле стен стояли маленькие деревянные лавки и трапедзы – переносные столики для еды. В стенах полуземлянок устраивали неглубокие ниши с ямками для хранения продуктов и посуды.

Однако даже такие скромные жилища ольвиополиты украшали. На стенах висели терракотовые и деревянные статуэтки божеств, расписные тарелки и чаши, венки из листьев, цветов и колосьев. Керамические светильники освещали помещения. В быту для приготовления пищи пользовались не только изготовленными на гончарном круге горшками, кастрюлями, сковородами, но и лепными сосудами, более приспособленными для приготовления пищи на открытых очагах. На фоне этой простой посуды выделяется богатой росписью и формами импортная столовая посуда. Она привозилась из Милета, Клазомен, Хиоса, Самоса, Аттики. Особенно следует отметить множество чернофигурных чаш для питья, украшенных изображениями мифологических персонажей, военных, религиозных и бытовых сцен. Реже встречаются расписные кратеры, амфоры, ойнохойи и другие типы керамических изделий. Основная масса расписной и чернолаковой посуды поступала в Ольвию из Афин. К сожалению, от многих сосудов, выполненных выдающимися вазописцами, сохранились преимущественно лишь обломки.

Переселенцы достаточно быстро приспособились на новом месте печь хлеб, готовить каши из ячменя, пшена и пшеницы, варить горох, бобы, чечевицу. Кроме того, в их рационе большое место занимали мясные, рыбные, молочные, овощные блюда, фрукты и мед. Уже в этот ранний период в Ольвию из разных центров Эгеиды приво-

*Краснофигурная
амфора с
изображением
Афины*

зилось вино и оливковое масло. Судя по преобладающему количеству фрагментов амфор, особой популярностью у переселенцев пользовалось хиосское вино. По давно существующей традиции, они пили его, как и все другие вина, разбавленным водой. Местное виноградарство и виноделие в позднеархаическое время в Нижнем Побужье не прослеживается.

Как и жители других городов, оливииполиты вряд ли особенно изменили форму и вид традиционного, в особенности праздничного, мужского и женского костюма, основу которого составляли хитон и гиматий. Для парадной одежды шерстяные ткани привозились из метрополии, славившейся их изготовлением даже у восточных народов. Обувь состояла из кожаных сандалий и ботинок на деревянной подошве. Вместе с тем, более холодный климат заставлял эллинов заимствовать у местных племен совсем иные виды теплой одежды, в том числе из шкур животных.

Разнообразные женские украшения, в частности из золота, серебра, полудрагоценных камней, разноцветной стеклянной пасты также поступали сначала в основном из Милета, а затем и из других культурных центров, среди которых главное место занимали Афины. При посредничестве Милета и других полисов доставлялись благовонные масла из Навкратиса в Египте, а совместно с ними – редкие для того времени туалетные сосуды из алебаstra и стеклянной пасты. Среди археологов известен рассказ о том, как во время раскопок близ агоры вдруг возник аромат розового масла. Оказалось, что он сохранился в задетом лопатой туалетном сосудике.

Традиций и обычаев своей родины оливииполиты придерживались на всех праздниках, связанных с почитанием божеств, новосельем, заключением браков, рождением детей. В такой же степени это касалось и погребального обряда. В частности, во время похорон устраивались процессии и тризны, одевали черные одежды, плакальщицы исполняли сольные песни. Умершего сопровождали всей общиной, клали в могилу необходимые, по их представлениям, в потустороннем мире вещи, нередко принадлежащие ему при жизни и дающие возможность установить сейчас, чем он занимался. Во время проведения религиозных празднеств в честь того или иного божества после исполнения

обрядов жертвоприношений и возлияний также устраивались общие трапезы.

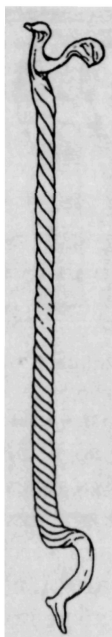
В совсем маленьких жилищах ольвиополитов, в отличие от более позднего времени, не было отдельных помещений – андронов, приспособленных для досуга мужчин. В таком случае они собирались во дворах на свежем воздухе, где проходили застольные беседы и обсуждались насущные вопросы. В Ольвии найдены частично сохранившиеся так называемые застольные краткие стишки, процарапанные на стенках чаш для вина, характерные для симпосиев эллинов второй половины VI – V вв. до н. э.: «Я приятный для питья килик, любезный к тому, кто пьет вино» или «Выпив меня, Поликрат будет радоваться». Подобного типа надписи являются документальным свидетельством того, что отдельные граждане Ольвии были не только грамотными, но и занимались версификацией, знали основы стихосложения и поэтические произведения, из которых они заимствовали ритмику и отдельные выражения. Уже с самого раннего времени здесь особенно увлекались знаменитыми эпосами Гомера, в частности «Илиадой», посвященной подвигам почитаемого ими Ахилла, и архаической лирикой.

Традиции высокоразвитого на то время Милета в сфере языка, письменности, образования, антропонимии, календаря и календарных религиозных празднеств, а также особой приверженности к эпосу Гомера «Илиада» были прямо перенесены в новый полис на берегу Гипаниса. Со времени основания Ольвии и до середины IV в. до н. э. здесь преобладал ионийский диалект в его малоазийском варианте. В большинстве граффити второй половины VI – начала V вв. до н. э. наиболее ярко прослеживается милетский диалект, в отдельных случаях – ионийский островной или восточноионийский. Единичные надписи указывают на существование также дорийского, эолийского в его смешении с ионийским, аттического диалектов. Все они были довольно близки между собой. Однако превалирование одного языка, носителями которого были переселенцы из Милета и Милетской

Плакальщицы

Костяной
стилос

области, способствовало более тесному единению эллинов вдали от метрополии.

Судя по множеству разнообразных граффити, уже в период становления Ольвийского полиса образованию (ΠΑΙΔΕΙΑ) уделялось большое внимание. Именно образование способствовало постижению ее гражданами научных, культурных, политических, моральных и эстетических ценностей. Каждого гражданина, овладевшего общеобразовательными предметами и придерживавшегося моральных норм, в Элладе считали лучшими гражданами полиса, на которых он опирался и которые могли обеспечить его единство и свободу. Эллины вообще считали, что образование давало человеку стойкость, уравновешенность и бодрость духа. При раскопках найдены в основном фрагментированные костяные и бронзовые стилосы для письма на навощенных деревянных дощечках. Вполне вероятно, что здесь чаще использовались более дешевые деревянные стилосы. Учебная программа в Ольвии, тесно связанной со многими городами, строилась на общеэллинских основах: изучение грамматики, литературных сочинений,

мифов, математики, риторики, рисования, музыки, а позже – и философии. Большое значение в воспитании юношей имели спортивные занятия. Пока что лишь предположительно можно считать, что в архаической Ольвии уже существовали начальная (мусическая) школа и гимнасий, местонахождение которых, как и вообще очень многих сооружений, не известно. Вместе с тем нельзя исключать, что в зажиточных семьях были частные воспитатели и учителя. Чаще всего они принадлежали к сословию домашних рабов.

Из всех понтийских полисов пока только в Борисфене и Ольвии найдены письма VI – начала V вв. до н. э. на свинцовых свитках и черепках. Особенно интересно частично

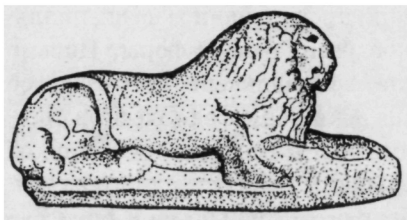
Терракота
педагога-раба
с учеником

сохранившееся древнейшее из них, процарапанное на специально вырезанной стенке милетской расписной амфоры. Письмо представляет, как отмечено выше, официальный отчет жреца об инспекционной поездке в низовья реки Борисфен. Здесь он посетил различные сакральные местности и сообщал в Ольвию об отправке меда и барана, о голодавшем слугителе одного из святилищ, разрушении алтарей Геракла, Матери богов и Борисфена, о сбежавших после кораблекрушения рабах, вывозе из Гилеи плохих сосен и двухсот других деревьев, ловле диких лошадей. Такого типа письма представляют огромное значение для изучения истории и религии Ольвийского полиса раннего времени. Но встречаются они крайне редко. Поэтому закономерно привлекают к себе внимание многих ученых, которые с разных точек зрения пытаются восстановить недостающие звенья этой уникальной надписи, дискутируют относительно чтения и понимания сложных выражений. Не менее интересны письма на свинцовых пластинах из Борисфена и Ольвии, среди которых привлекает внимание письмо Ахиллодора начала V в. до н. э. Оно дает красноречивое представление о разговорном языке и эмоциональном характере его автора, социальном составе населения. Не совсем четкие характеристики упоминаемых им лиц, повторения, непосредственность, беспокойство по поводу распри между отдельными людьми видны даже в приведенном ниже отрывке из этого письма: «... Придя к Анаксагору расскажи, ведь он говорит, что тот – раб Анаксагора, утверждая: «мое имущество удерживает Анаксагор – рабов, рабынь и дома, а тот кричит и говорит, что у него нет ничего общего с Матасием; говорит, что он свободен».

Отличие Ольвии от других понтийских городов состоит еще и в том, что здесь найдено более всего памятников архаической скульптуры. Одним из самых распространенных ее видов, как и вообще в Элладе, были разных размеров мраморные статуи обнаженных юношей, получившие условное название «курсов» или «Аполлонов». Наиболее ранние памятники датируются временем около середины VI в. до н. э., другие относятся ко второй половине этого века. В святилище Аполлона Иетроса была установлена, очевидно, небольшая бронзовая статуя этого бога. Как

*Мраморная скульптура
лежащего льва*

из Милета. Этот факт, наряду с вышеотмеченными, является несомненным свидетельством того, что в Ольвии обосновался определенный контингент образованных эллинов. Они содействовали созданию в новом полисе культурных памятников, характерных для их родного города. Общеизвестно, что скульптурная школа Милета до уничтожения его персами славилась во всем греческом мире. В данном аспекте важно отметить две монументальные мраморные скульптуры львов, найденные возле кургана на ольвийском некрополе. Фигуры зверей совместно с плитами, на которых они лежали, высечены из больших блоков светло-серого мрамора. По стилистике изображения и размерам они сходны с милетскими и явно были изготовлены в одной мастерской по специальному заказу. Вполне вероятно, что в Ольвии они как апотропеи были установлены над могилами богатых граждан или же у края дороги на некрополе. Простояв здесь более шести веков, скульптуры во II в. н. э. привлекли внимание сарматов, которые на туловищах зверей вырезали множество тамг и нечитаемых знаков.

*Известняковые рельефы
Матери богов*

ценная реликвия она хранилась в Ольвии несколько веков и во II в. н. э. была воспроизведена на ее монетах. Аполлон был изображен в калафе архаической формы, с луком в одной руке и чашей в другой.

Как сакральная, так и надгробная скульптура в основном привозилась в Ольвию

таемых знаков. Возможно, что сарматы устраивали возле скульптур свойственные этому этносу религиозные обряды.

Во второй половине VI в. до н. э. в Ольвии работали приезжие мастера. Из местного ракушечника, который ольвиополиты обычно использовали для строитель-

*Известняковая
полуфигура Аполлона
Дельфиния*

ва, были высечены аналогичные милетским небольшие рельефы с изображением Матери богов для ее святилища, а также статуя Аполлона. Здесь изготовлялись и деревянные статуи (ксоаноны), упоминаемые античными авторами как древнейшие изображения божеств и героев, например, статуя Ахилла в его храме на Левке. Немаловажное место в духовной жизни ольвиополитов занимала коропластика. Начиная с середины VI в. до н. э., в полис привозилось большое количество самых разнообразных терракотовых статуэток и протом Деметры, Коры-Персефоны, Афродиты, Артемиды, других мифологических персонажей. Встречается здесь также немало глиняных фигурок обезьян, разных животных, птиц, черепах, жуков. Они стояли не только в жилищах. Нередко их клали в погребения и в виде votive даров приносили в святилища.

Приоритет эллинов Ольвийского полиса отмечен и в развитии денежного обращения, когда только здесь была придумана монета в виде литой фигурки дельфина как главного атрибута Аполлона Дельфиния. Художественное литье получило свое развитие в изготовлении предметов прикладного искусства. Так, в технике литья были сделаны бронзовые зеркала так называемого ольвийского типа, которые поступали даже к отдаленным племенам Восточной Европы и Урала. По ним ученые прослеживают «известный геродотов торговый путь». Некоторые мелкие изделия из бронзы и кости в зверином стиле также изготовлялись в Борисфене, Ольвии и Ягорлыцком поселении для продажи как внутри полиса, так и за его пределами. Почти для всех художественных изделий местных мастеров этого времени присущи стилизация и схематизм изображений. Вместе с тем, известно немало импортных украшений, в том числе из золота. Из Ольвии они поступали и к земледельческим племенам Лесостепи.

Таким образом, архаическое время было периодом формирования полиса, сложения его идеологии, оформления полисной

религиозной системы и взаимосвязанного с ней первоначального художественного творчества. Происходили интенсивные процессы заимствования не только важнейших элементов культурного наследия, но и специфики образования, рационального устройства городской жизни, основных художественных приемов в развитии искусства. В формирующемся полисе обучали письму, грамматике, чтению, арифметике, заметно знание мифов, литературных произведений и стихосложения. Жители Ольвии, реже Борисфена и сельских поселений, нередко подписывали принадлежащие им сосуды, грамотно писали посвящения божествам. Они также процарапывали дарственные надписи друзьям и подругам, исполняли на черепках школьные упражнения, записывали отрывки из поэм Гомера и других сочинений, ставили цифровые метки и т. д. Им принадлежат наиболее интересные и вообще уникальные не только для Причерноморья, но и всего античного мира письма на свинцовых свитках и черепках, сакральные надписи на костяных пластинках, различные изречения.

Ни один из полисов на Понте не обладает пока столь богатым комплексом эпиграфических документов и памятников изобразительного искусства архаического времени, а также такой уникальной и самобытной монетой, как бронзовый «дельфин». В такой же мере это касается не только архитектурного декора храмов и алтарей, но и общей площади, отведенной почти в центре города для святилищ многих божеств. Только Ольвия установила постоянный религиозно-политический протекторат над далеко расположенным от ее границ островом Левке и возвела впервые в Причерноморье в ранг бога гомеровского героя Ахилла. Политика, мифология и религия были тесно взаимосвязаны с рациональным мышлением ольвийских граждан, поэтическим творчеством и искусством. Поэтому не может быть никаких сомнений в том, что в период становления Ольвийского полиса и его главного городского центра были заложены основы для его дальнейшего успешного политического, экономического и культурного развития.

ОТ ОЛИГАРХИИ И ТИРАНИИ К ДЕМОКРАТИИ

Однако главными видами государственного устройства, по-видимому, являются два – демократия и олигархия...

Демократию не следует определять, как это обычно делают некоторые в настоящее время, просто как такой вид государственного устройства, при котором верховная власть сосредоточена в руках народной массы...

Аристотель

По общепринятой периодизации истории греков после архаического времени наступило классическое. В истории Ольвийского полиса оно обычно определяется несколько более узкими хронологическими рамками (480–470 – 331 гг. до н. э.). Эти даты были связаны с внешними и внутренними событиями, в результате которых произошли большие изменения в его политике и экономике, а заодно и культуре. Прежде всего, освоенная эллинами в Нижнем Побужье огромная для того времени сельскохозяйственная территория была почти полностью оставлена ее жителями. А конец этого этапа завершился осадой города полководцем Александра Македонского Зопирионом.

Окончательное формирование города и его экономические связи. Значительный экономический и духовный потенциал, заложенный в позднеархаическое время для всестороннего развития полиса с несомненной поддержкой его со стороны метрополии – Милета, был несколько ослаблен его гибелью в 494 г. до н. э. Несомненно, что гибель Милета была трагедией для всего эллинского мира, подвергнувшегося вскоре жестокому нашествию персов. Не прошла она бесследно и для ольвиополитов, связанных с милетянами как культурно-политическими и экономическими отношениями, так и родственными узами. Многие из них явно по-прежнему считали себя милетянами, хотя Геродот отметил эти сведения уже по прошествии нескольких десятков лет после краха их метрополии. С этого времени надолго исчезает импорт милетско-ионийской керамики, архитектурного декора,

скульптуры, коропластики, произведений декоративно-прикладного искусства.

Большие изменения начали происходить и в степной зоне Северного Причерноморья. До этого ни военный поход Дария I Гистаспа на Скифию приблизительно в 514–512 гг. до н. э., в котором принимали участие и подвластные ему милетские корабли, ни другие варвары прямо не коснулись Ольвии. Движение армии персидского царя, по сведениям Страбона, было остановлено скифами в так называемой гетской пустыне между Дунаем и Днестром. Скифские номады в VI в. до н. э. в основном еще базировались в степях Прикубанья и Северного Кавказа, откуда совершали сначала походы в Переднюю Азию. Однако уже в первой четверти V в. до н. э. на отдельных поселениях эллинов на Боспоре Киммерийском прослеживаются разрушения и пожары, которые происходили вследствие нашествий скифов. Явных следов их нападений на поселения Ольвийского полиса, многие из которых находились на больших расстояниях от центра, в том числе и на противоположном берегу Гипаниса, археологи не отмечают. Тем не менее в данном регионе произошло необычное «свертывание» сельской округи в конце первой трети V в. до н. э. Сельские жители дальних поселений, забрав все накопленные ими вещи, утварь, скот и продукты, оставили свои жилища. Лишь на отдельных из них остались наиболее стойкие земледельцы. Началось медленное угасание Борисфена на стадии его градостроительного развития. С этого времени основная аграрная база полиса была сосредоточена поблизости от Ольвии.

Относительно причин так называемого коллапса ольвийской хоры и возможной концентрации в это время населения в самом городе и в его предместье высказаны абсолютно разные точки зрения. Одни ученые полагают, что этот демографический процесс был вызван синойкизмом – соединением земледельческого демоса в одну общину, что способствовало окончательному оформлению Ольвии в город-государство. Близки к такому пониманию и те, кто видит основную причину в исторически назревшей необходимости в быстрейшей урбанизации полиса, большой потребности в рабочей силе для широкого строительства, в том числе и оборонительной системы. Последнее было вызва-

но общей ситуацией в связи с приближением кочевых скифов, активизировавших политическую и военную деятельность при создании собственного государства в Северном Причерноморье. Другие, наоборот, объясняют это явление только резким обострением контактов с кочевыми скифами и их враждебной политикой по отношению к полису, что привело к установлению над ним скифского протектората на протяжении более полувека.

Сходные ситуации с поселениями сельских округ почти синхронно произошли в Нижнем Подунавье, Нижнем Поднестровье и на Боспоре. Этот процесс сравнительно медленного запустения дальней хоры совпадает и с тем немаловажным событием, что с 477 г. до н. э. началось возрождение Милета. Вероятно, какая-то часть эллинов из Ольвии и ее округа возвратилась на родину. Тем более это возможно, если из-за Волги в причерноморские степи действительно перебазировалась большая группировка кочевых скифов, превосходящих предшественников воинственностью и сплоченностью. Как бы то ни было, но создание в V в. до н. э. Скифского царства в степном Поднепровье и Приазовье положило начало новому пути развития эллиноскифских контактов. Пришедшие скифы оттеснили кочевья прежних номадов в Нижнее Подунавье, где было создано небольшое царство – своего рода «Малая Скифия», которую Геродот именовал «архаической». Отсутствие в Ольвии оборонительных стен этого времени показывает, что положение в общем не было столь тревожным, и скифы не предпринимали военных нашествий ни на хору, ни на сам город. Ведь кочевникам ничего не стоило разграбить и сжечь дома ольвиополитов при наличии у них совсем небольшого ополчения и отсутствии мощных каменных оборонительных стен, которые появились в их полисе в IV–III вв. до н. э.

Таким образом, если в период колонизации Нижнего Побужья здешние земли считались пустынными, то после ее завершения и освоения эллинами обширных территорий ситуация коренным образом изменилась. Согласно этнографической карте Геродота, в степях кочевали скифские номады, которые могли периодически появляться и у границ ольвийской хоры. Но гораздо ближе к ней обитали каллипиды, или эллиноскифы, немногим выше по Гипанису – алазоны. Это о них Геродот напи-

*Культовый комплекс
с алтарем в центре*

зались на жизни ольвиополитов. Увеличение населения как в самом городе, так и в его предместье, где могла проживать зависимая часть населения, способствовало интенсивному строительству сырцово-каменных и каменных домов, зданий административного назначения и, возможно, невысоких со стороны суши оборонительных стен из сырцовых кирпичей. Архитектурный облик города, несомненно, преобразился. Однако от всех построек классического периода сохранились крайне незначительные остатки, дающие лишь приблизительное представление об их внешнем и внутреннем устройстве. По данным С.Д.Крыжицкого, жилые дома были в основном безордерными, одноэтажными, с жилыми и хозяйственными подвалами.

*Начало открытия
каменного алтаря
в святилище Гермеса*

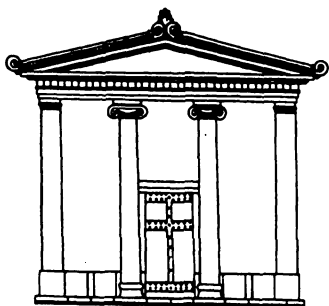
сал, что они «занимаются всем прочим так же, как скифы, но сеют и едят хлеб, а также и лук, и чеснок, и чечевицу, и просо», то есть ведут полукочевой образ жизни, но обеспечивают себя уже за счет не только скотоводства, но и земледелия.

Бесспорно, что все эти события не могли не отра-

Агора в центральной части Верхнего города стала более благоустроенной. Вокруг нее располагались главные постройки общественного назначения. Из них следует особенно отметить небольшое здание классического гимнасия. В V в. до н. э. еще стоял ранее возведенный храм Аполлона Иетроса с красочным декором в Западном теменосе. В святилищах Гермеса, Афродиты и Матери богов построили новые каменные алтари. Значительная перепланировка в V в. до н. э. произошла в Восточном теменосе и рядом с ним, над склонами,

где возвышалось монументальное каменное сооружение, скорее всего, храм. Явно с помощью сакрального союза мольпов в святилище Аполлона Дельфиния были сооружены храм этого бога в ионическом ордере, сокровищница, большие каменные алтари, в том числе и главный алтарь для возлияний, водоем, мастерские по производству бронзовых и терракотовых вотивов. Стены центрального алтаря были облицованы мраморными плитами. Для украшения культовых сооружений применялись архитектурные мраморные и терракотовые детали.

*Фасад храма Аполлона
Дельфиния. Реконструкция
А.Н.Карасева
и И.Р.Пичикяна*

В этом теменосе стояли посвященные мольбами мраморные статуи Аполлона Дельфиния и стелы, а также почетные декреты. Со стороны лимана, а особенно с подплывающих к гавани кораблей, открывался прекрасный вид на этот культовый участок с его эллинскими ордерными сооружениями. Приезжающие в Ольвию по тем или иным делам иностранцы считали первым долгом посетить святилища хорошо известных им божеств, совершить обряды жертвоприношений и возлияний, сделать подношения в благодарность за благополучное прибытие, а в канун отъезда – и за такое же счастливое возвращение на родину.

Чтобы привлечь в город как можно больше торговцев, ольвиополиты более интенсивно занялись благоустройством не только агоры и священных участков, но и улиц, дворов в жилых домах и общественных сооружениях путем замощивания их известняковой крошкой и черепками. Под некоторыми из улиц начали прокладывать каменные водосточные каналы закрытого типа и строить водопоглощающие колодцы. Проложенная между теменосами еще в архаическое время улица, служившая для религиозных процессий и проведения других ритуалов, была расширена в этом месте с 6 до 10 м. Более тщательная застройка и благоустройство улиц производились в нижнем и террасном

*Всадник.
Мраморный рельеф*

районах города. Особое внимание уделялось каптажу источников питьевой воды и сооружению неглубоких каменных колодцев. В периферийных районах Ольвии заметна некоторая натурализация хозяйства ее жителей. По наблюдениям Н.А.Лейпунской, в границах одного из домов было устроено зернохранилище, состоявшее из 5 ям, в которых могло храниться около 6500 кг зерна. Не использованная владельцами его часть служила для внутренней торговли. В городе по-прежнему развивались бронзолитейное, железоделательное, гончарное, деревообрабатывающее, костерезное, камнетесное и другие ремесла. Особенно больших успехов достигли ольвийские строители.

Интенсивные торговые связи со многими греческими городами требовали устройства порта и припортовых сооружений, которые бы отвечали необходимым нормам для остановки кораблей и временного обитания ксенов. В Ольвию периодически поступали вино, оливковое масло, ткани, посуда, произведения изобразительного, прикладного и ювелирного искусства, в том числе монументальная культовая и надгробная скульптура, большое количество терракот. Отдельные торговцы, судя по ранним почетным декретам V – первой половины IV вв. до н. э., в частности синопеец Иетрокл, херсонесит Пирралий, неизвестный по имени гераклеот, орхоменец Аристандр получили в Ольвии проксению и освобождение от пошлин на все товары, а также право входа в гавань и выхода из нее как в мирное, так и в военное время без конфискации имущества и без заклю-

*Лев. Мраморная
скульптура*

*Женская голова.
Терракота*

чения договора. Это – достоверное свидетельство того, что Ольвия имела уже вполне благоустроенный порт, строительные остатки которого находятся теперь под водой. Прибрежная часть города давно уничтожена лиманными водами на 500 и более метров. В летнее время здесь могли находиться десятки ольвийских и иностранных судов.

Лишившись высокоразвитой метрополии, Ольвия увеличила торговлю с Афинами, Хиосом, Лесбосом, Фасосом, Самосом, Родосом, Коринфом, Кеосом и другими центрами. Сюда привозилось много вин, оливкового масла, товаров, среди которых первое место занимала разнообразная аттическая посуда, ткани, украшения, краски. Во второй половине V в. до н. э., наряду с ними, в торгово-обменные операции с Ольвией включаются южнопонтийские города – Синопа и Гераклея Понтийская. Возрос обмен между Ольвией и городищами Лесостепной Скифии, а также кочевниками, каллипидами и алазонами.

Значительные изменения произошли и в монетном деле. Наряду с мелкими «дельфинчиками», на отдельных экземплярах которых ставились сокращенные имена, выпускались и крупные «дельфины». Однако наиболее важное заключалось в том, что Ольвия перешла к литью оригинальных больших бронзовых оболов (так называемых ассов) с изображением головы Афины в шлеме и дельфина на лицевой стороне и колеса – на оборотной. На последнем выпуске между спицами колеса исполнена надпись ΕΠΙ ΠΑΥΣ, обозначающая, что данная серия монет изготовлена при эпониме Павсании. После этих монет отливались ассы с изображением головы горгоны Меду-

*Атelia синопейцу
Иетроклу, сыну
Гекатея*

*Декрет в честь
гераклеотов
Феофана и Аристы*

*Ритуальная сцена.
Краснофигурная чаша*

*Бронзовая литая монета
с изображением Афины и колеса*

зы – главного апотропея Афины. На оборотной стороне вначале между спицами колеса ставилось сокращение имени АРІХ. На более поздних экземплярах колесо было заменено изображением орла с распростертыми крыльями, держащего в когтях дельфина или же парящего над ним.

Изображение орла над дельфином на долгие времена оставалось полисной эмблемой Ольвии. Около середины V в. до н. э. на ольвийском монетном дворе впервые начали чеканить серебряные статеры с изображением натягивающего лук Геракла и надписью ΕΜΙΝΑΚΟ на лицевой стороне, а на обороте – рулевого колеса во вдавленном квадрате с четырьмя миниатюрными дельфинами. В первой половине IV в. до н. э. на чеканных медных монетах в основном превалирует изображение головы главной покровительницы земледелия и зернового хозяйства Деметры на лицевой стороне, полисной эмблемы – на оборотной. Надпись ΟΛΒΙΟ удостоверяла выпуск денег от имени ольвиополитов. В третьей четверти этого столетия возобновился выпуск бронзовых литых ассов больших размеров с прекрасно исполненной головой Деметры.

*Бронзовая литая монета
с изображением горгоны Медузы
и орла над дельфином*

*Серебряный статер
Эминака*

Этими монетами Ольвия как бы демонстрировала возрождение своей аграрной округи, большие урожаи зерновых культур – пшеницы и ячменя, излишки которых явно шли на продажу.

Для международных торговых операций использовались золотые монеты г. Кизика, находки которых неоднократно встречались в Ольвии. Для того, чтобы избежать подделок и нарушений при обмене денег, ольвиополиты в первой половине IV в. до н. э. издали специальный закон. О нем известно из частично сохранившегося декрета в честь Каноба. Судя по нему, в Ольвию разрешался ввоз самых разных монет из золота и серебра. Они должны были проходить специальную проверку в экклезиастерии, а затем обмениваться на «медь и серебро ольвиопольское», поскольку в городе запрещалось обращение иноземных денег. В законе специально были оговорены условия обмена: «золото продавать и покупать по десяти с половиной статеров за статер кизикский, не дешевле и не дороже», а все остальные монеты – по взаимному соглашению.

В.В.Латышев правомерно считал, что это был важнейший документ, направленный на защиту государственных и финансовых интересов Ольвии; он устанавливал «принудительное обращение местной монеты, которое естественным образом должно было держать ее курс на значительной высоте, предохранять его от падения и, стало быть, представляло собой важное обеспечение торговых интересов города». В итоге внутренний рынок стабилизировался, хотя Ольвия смогла выпустить небольшое количество золотых статеров лишь в период наивысшего экономического расцвета.

Следует также отметить издание в Ольвии двух декретов от имени ольвиополитов еще в третьей четверти V в. до н. э. о предоставлении права гражданства и ателии совместно с правом приобретения земли братьям из Синопы. Однако начальная формула в них не была характерна для демократических полисов и, очевидно, такая акция произошла под давлением местных олигархов. Вместе с тем, данный документ, как и более раннее письмо Ахиллотора, показывают, что здесь производилась купля и продажа недвижимости, в частности участков земли и домов.

Монеты с надписями и декреты стали в последние десятилетия для отдельных исследователей истории Ольвии одним из главных аргументов того, что в ней на протяжении почти всего V в. до н. э. правили тираны, а полис находился под контролем владык Скифского царства. Причем такой контроль, определяемый иначе как скифский протекторат, не принес ущерба политической самостоятельности полиса. Существовала ли здесь постоянно столь длительный период тирании, а тем более скифский протекторат, ответить однозначно трудно. Олигархический режим в это время был во всех западнопонтийских полисах, с которыми Ольвия поддерживала теснейшие контакты. Изображения Афины и горгоны на ранних ободах указывают на расширение связей с Афинами и проафинскую ориентацию нижнебугского полиса, снабжавшего, очевидно, афинян продовольствием в период греко-персидских войн. Надписи на монетах обозначали имена ольвийских эпонимов, которыми являлись эйсимнеты мольпов, а не тиранов и тем более скифских царей.

Несмотря на все внешнеполитические события, так или иначе затрагивавшие и ольвиополитов, они тем не менее сконцентрировали все имеющиеся резервы для окончательного становления города и полиса. В данном аспекте следует еще раз отметить, что его стремление к лидерству на Понте и консолидации здешних эллинов более всего проявилось в V в. до н. э. По совету самого знаменитого и престижного в Элладе дельфийского оракула, как уже отмечалось, Ольвия учредила панэллинские ритуально-спортивные календарные празднества в честь Ахилла на Тендре. Их проведение, по всей видимости, через каждые четыре года наподобие олимпийских, пифийских, панафинейских, истмийских, во многом стимулировало разнообразные связи со всем греческим миром, невзирая на близкое соседство скифских и других иноэтнических объединений.

Взаимоотношения скифского царя Скила с Ольвией. В «Истории» Геродота очень мало сказано об Ольвии. Единственный рассказ в контексте с ней связан со скифами. Вначале историк рассказал о мудреце Анахарсисе. После длительного путешествия по Элладе он возвратился в Скифию и был убит родным братом Савлием во время обряда в честь Матери богов

в Гилее за нарушение отчих обычаев. Для подтверждения того, что скифы жестоко расправляются с теми, кто воспринимал религиозные верования эллинов, Геродот привел интересный рассказ о царе Скиле. Поскольку в нем содержится много сведений и об Ольвии, представим здесь его полное изложение.

«Очень много лет спустя Скил, сын Ариапифа, претерпел подобное этому. Ведь у Ариапифа, царя скифов, был в числе других сыновей Скил. Он родился от женщины из Истрии и отнюдь не от туземки, и мать научила его эллинскому языку и письму. Некоторое время спустя Ариапиф был предательски убит Спаргапифом, царем агафирсов, а Скил наследовал царскую власть и жену отца, имя которой было Опойя. Эта Опойя была местной уроженкой, и от нее у Ариапифа был сын Орик. Управляя скифами, Скил отнюдь не был доволен скифским образом жизни, но гораздо больше был склонен к эллинским обычаям вследствие воспитания, которое он получил. Делал он следующее: всякий раз, как Скил вел войско скифов к городу борисфенитов (борисфениты эти говорят, что они милетяне) и приходил к ним, оставляя войско в предместье. Сам же проходил внутрь, за городскую стену и запирали ворота. Сняв с себя скифскую одежду, он надевал эллинское платье. Когда он шел в этом платье на рыночную площадь, за ним не следовали телохранители и никто другой (а ворота охраняли, чтобы никто из скифов не увидел его в этой одежде). И во всем остальном он пользовался эллинским образом жизни и приносил жертвы богам по законам эллинов. Проведя так месяц или более того, он уходил, надев скифскую одежду. Делал он это часто, и дом построил себе в Борисфене и женился там на местной женщине.

Когда же суждено было случиться с ним несчастьем, оно случилось по такой причине. Пожелал он быть посвященным в таинства Диониса Вакхического. В то время, как он собирался принимать посвящение, ему было величайшее знамение. Был у него в городе дом обширных размеров и богато устроенный, о котором я незадолго перед этим упоминал. Вокруг него стояли сфинксы и грифы из белого камня. В этот дом бог метнул молнию. И дом полностью сгорел. Скил же, несмотря на это, совершил обряд посвящения. А скифы презирают эллинов за вакхическое

исступление. Они говорят, что не подобает выдумывать бога, который приводит людей в безумие. Когда же Скил был посвящен Вакху, какой-то борисфенит стал издеваться над скифами, говоря: «Над нами вы смеетесь, скифы, что мы приходим в вакхическое исступление и что в нас вселяется бог. Теперь это божество вселилось и в вашего царя, и он в вакхическом исступлении и безумствует под влиянием божества. Если же вы мне не верите – следуйте за мной, и я вам покажу». Старейшины скифов следовали за ним, и борисфенит, приведя их, тайно поместил на башне. Когда прошел со священной процессией Скил, и скифы увидели его в вакхическом исступлении, они сочли это очень большим несчастьем. Выйдя из города, они сообщили всему войску то, что видели.

Когда же после этого Скил возвратился к себе домой, скифы восстали против него, поставив во главе его брата Октамасада, рожденного от дочери Тера. Скил же, узнав о том, что совершается против него, и о причине, по которой это происходило, убегает во Фракию. А Октамасад, услышав об этом, пошел на Фракию войной. Когда же он был у Истра, фракийцы вышли ему навстречу. Прежде чем они схватились, Ситалк послал к Октамасаду сказать следующее: «Зачем мы должны испытывать друг друга? Ты – сын моей сестры и у тебя мой брат. Отдай же мне его, а я передам тебе твоего Скила с тем, чтобы ни тебе, ни мне не рисковать войском». Это возвещал ему, послав посла, Ситалк. Ведь у Октамасада находился брат Ситалка, бежавший от него. Октамасад соглашается с этим и, выдав дядю по материнской линии Ситалку, получил брата Скила. И Ситалк, взяв брата, увел его с собой. Скилу же Октамасад там же на месте отрубил голову. Вот таким образом скифы охраняют свои обычаи, а тех, кто перенимает чужеземные законы, вот так наказывают».

Эта историческая новелла Геродота служит одним из важных источников для изучения не только эллино-скифских и скифо-фракийских взаимоотношений в первой половине – середине V в. до н. э., но и собственно Ольвии, Скифии и Фракии. В Северо-Западном Причерноморье в это время основную роль играли три разных этноса. В Подунавье все более усиливалось

Одрисское царство, влияние которого распространялось на многие племена и даже античные города. В степной зоне, прилегающей к сельским территориям эллинов от Истра до Гипаниса, обитали в основном полукочевники. К востоку от Борисфена – более воинственные номады, согласно Геродоту, царские скифы. На побережье Северо-Западного Причерноморья уже полностью сформировались независимые греческие полисы – Истрия, Никоний, Тира, Ольвия, а в Таврике – Керкинитида и Херсонес. Экономические и культурные потребности трех главных этносов в данном регионе побуждали их не к враждебной конфронтации, а к поиску мирных взаимоотношений. Однако попытки установления таковых не всегда способствовали постоянному миру и благоденствию. Агрессивная политика отдельных претендентов на власть нередко приводила к столкновениям и нарушениям мирных контактов.

Одни ученые причисляют Скила к царям так называемой Великой Скифии, которая уже обладала мощным экономическим и военным потенциалом, овладела всеми племенами Лесостепи и держала под контролем понтийские полисы. Другие – сужают территориальные рамки его владычества до Северо-Западного Причерноморья или Северной Добруджи. Если только

*Девушка в хитоне
и гиматии.
Терракота*

на самом деле его отец имел трех жен, которые относились к разным, но соседним этносам, то это редчайшее свидетельство для того времени дальновидной политики, умения налаживать дружественные связи путем заключения межэтнических браков. Как и в любом другом древнем обществе, цари фракийцев и скифов, а также эллинская аристократия понтийских полисов были наиболее активными и предприимчивыми во многих делах. Они рационально предвидели, что родственные отношения на высшем уровне в наибольшей степени могут способствовать миру, приносящему благо и всему населению. Аристократия Истрии и Ольвии стремилась укрепить свои позиции

путем брачных союзов со скифской и фракийской царствующими семьями. Однако трудно представить, чтобы образованный и цивилизованный эллин согласился на то, чтобы его дочь постоянно жила в кочевой скифской среде после замужества.

Очевидно, как и жена Скила, – не известная по имени ольвиополитка, его мать продолжала жить в отцовском или специально выстроенном для царской семьи доме в Истрии, воспитывая сына в эллинском духе. По примеру отца из каких-то особых соображений, возможно, и чисто меркантильных, Скил женился на знатной эллинке из Ольвии, периодически посещая ее в этом городе, где имел также собственный «дворец». Ясно, что если бы он детство и юность провел среди кочевников, то вряд ли хорошо знал бы эллинские обычаи и проникся к ним особой любовью даже при знании языка и грамоты. В чисто психологическом плане его приверженность к эллинской культуре и религии Диониса не могли возникнуть спонтанно, а являлись итогом его воспитания, образования и жизни в греческом обществе. Воспитанный таким образом человек, восприняв власть отца – царя скифов, должен был особенно остро и болезненно осознавать превосходство эллинского образа жизни и более высокой культуры. Это способствовало еще большему укреплению отношений между скифами и античными городами Северо-Западного Причерноморья после того, как Скил стал царем.

Рассказ о Скиле и его родословной является бесспорным доказательством существования династических браков со знатными цивилизованными иноземками. Оказавшись по соседству с античными полисами и фракийцами, уже владевшими собственными землями в установленных границах, скифские номады более всего нуждались в налаживании между ними мирных контактов. В мировоззрении многих эллинов была побеждена варварофобия, и хотя они в большинстве не стали варварофилами, все же открыто не противодействовали подобным бракам.

*Женщина
в хитоне
и гиматии.
Терракота*

В судьбе Скила значительную роль сыграло его периодическое проживание в Ольвии и привязанность к эллинской культуре. С учетом всех геродотовских сведений и того, кем была мать Скила, становится понятным, почему к такому образу жизни он стремился. По своим взглядам и общему мироощущению этот скифский царь вовсе не был исконным номадом. Тем не менее, от эллинов он отличался прежде всего происхождением и принадлежностью к царскому роду. После роковой смерти отца именно Скил наследовал власть над скифами. Очевидно, будучи взрослым, он значительную часть времени проводил в ставке Ариапифа, успел проявить силу, мужество, предприимчивость и завоевать уважение скифских старейшин.

Уделив большое внимание описанию Скифии, Геродот ни словом не обмолвился о том, над какими конкретно из названных им скифских племен царствовали Ариапиф, а затем Скил, где они в основном обитали, какой образ жизни был для них более всего характерен и как именно управлял ими царь. Если Скил подолгу находился в Ольвии, а его войско – в ее предместье, то кто же управлял остальными скифами и как далеко в такое время они отстояли от этого города? Царские скифы, всегда тяготевшие к более богатым боспорским городам, а затем и к еще более богатым правителям Боспора, вряд ли в первой половине V в. до н. э. могли так тесно взаимодействовать с греками Северо-Западного Причерноморья и фракийцами. Деятельность Ариапифа и его сыновей, согласно Геродоту, географически ограничена только западной, а отнюдь не восточной частью Северного Причерноморья. В степной зоне Северного Причерноморья не прослеживаются явственные следы единого и политически стабильного образования номадов, которое обладало бы в это время мощным экономическим и военным потенциалом. Как этнокарта Геродота, так и археологические материалы свидетельствуют о существовании различных неустойчивых и раздробленных этнических объединений кочевников и полукочевников.

Поблизости от границ Ольвийского полиса обитало племя каллипидов (прекрасноконных) или эллино-скифов. Их локализация, а также, что особенно интересно, ранняя приверженность

к эллинской культуре Ариапифа и Скила дают возможность предполагать о принадлежности этих царей к данному этносу. Во главе этих «прекрасноконных» мог стоять и Идантирс, хитрость и храбрость которого Геродот обыграл в новелле о походе Дария. Вследствие их необыкновенной «всаднической мобильности», быстроты передвижения и множества лошадей греки присвоили им этноним каллипиды, так как это племя не имело самоназвания. Находясь преимущественно только в Подунавье, Ариапиф смог заключить выгодные для него брачные союзы со знатной истрианкой и дочерью фракийского царя. Вследствие того, что Ариапиф был убит царем агафирсов, его наследник Скил, видимо, где-то в начале второй четверти V в. до н. э. откочевал к востоку за Днестр, чтобы не вступать в военный конфликт с этим племенем. Помимо этого, на такое решение Скила могла повлиять внешнеполитическая обстановка: с одной стороны, враждебные агафирсы, а с другой, – фракийцы, царь которых Терес, имея внука от брака своей дочери с Ариапифом, стремился к тому, чтобы именно он стал царем скифов.

Общеизвестно, что эллины нередко давали названия отдельным племенам по имени или прозвищу их царя или вождя. Учитывая, что Ариапиф тоже мог родиться от смешанного (эллино-скифского) брака, можно понять его особую приверженность к Скилу и желание не только самому иметь жену-эллинку, но и способствовать заключению брака своего сына с ольвиополиткой. Такой союз значительно расширил границы скифского влияния. Именно Скилу в наибольшей степени соответствует прозвище эллино-скиф, хотя не исключено, что таковое имел еще его отец. Находившиеся в их подчинении скифы, соответственно происхождению царей, стали именоваться эллино-скифами. Под влиянием или давлением эллинизованного царя и социальной верхушки племени исконно кочевой этнос мог перейти к полукочевому образу жизни, заниматься не только скотоводством, но и земледелием, употреблять в пищу те продукты, которыми обычно питались греки. Разумеется, что инициатором такого изменения жизни кочевников мог быть очень волевой, инициативный, хорошо знающий эллинские обычаи царь. В роли такого преобразователя выступил или еще Ариапиф, или же продолжа-

Монеты и перстень Скила

тель его деятельности Скил. Эту потребность в занятиях земледелием (пусть только частичным) усиливало влияние соседних эллинов, а также возможные стихийные катаклизмы – война, угон или гибель скота.

Таким образом, появился особый и единственный в таком роде этнос Скифии – каллипиды и они же эллино-скифы. Вряд ли они имели постоянное место проживания на протяжении столетий.

Первоначально, уже под предводительством Скила, они обитали между Днестром и Гипанисом, поддерживая теснейшие связи с Никонием и Ольвией. По-видимому, благодаря Скилу и его родственным связям с истрийской аристократией, между Никонием и Истрией установились особые отношения. Во второй четверти V в. до н. э. в Никонии впервые появились бронзовые монеты по образцу ольвийских или истрийских с изображением колеса. На их лицевой стороне представлена сова (атрибут и символ мудрости Афины) в сопровождении букв: на самых мелких номиналах ΣΚ, на средних – ΣΚΥ, на более крупных – ΣΚΥΛ. Почти все нумизматы и антиковеды считают, что под этим сокращенным именем следует видеть царя Скила, а не полисного магистрата с греческим именем.

Воспользовавшись царствованием Скила, истрийские олигархи какое-то время оказывали давление как на Никоний, так и на Ольвию, состоявших в одной сакральной амфикистии под покровительством Аполлона Иетроса. Рулевое колесо как символ этого бога в одно и то же время изображается на истрийских и ольвийских монетах, а также на монетах Скила. Любопытно, что в период царствования Скила ольвийский аристократ Ксанф посвятил бронзовый треножник на мраморном постаменте Аполлону Иетросу – владыке Истрии. По неизвестным причинам он не сумел доставить его в Истрию и установил в ольвийском святилище этого бога. Не смерть ли Скила и ухудшившиеся на

какое-то время в связи с этим политические взаимоотношения помешали его намерениям?

В данном аспекте обращает внимание общая судьба сельских поселений Истрии, Никония, Ольвии. Приблизительно в одно время их покинули обитатели. Причины этого явления до настоящего времени точно не выяснены. Между тем запустение обширных сельских округ произошло как раз в начальный период царствования Скила в той области Скифии, которая тесно соприкасалась с ними. Если бы на самом деле между эллинами и скифами существовали враждебные отношения или возникали конфликтные ситуации, приводившие к военным столкновениям, следовало бы ожидать следы насильственной смерти множества людей, разрушений целых поселений и пожаров на них. С учетом всех особенностей исторического развития греческих полисов в рассматриваемом регионе можно представить, что между ними и царством Скила, если только он являлся царем каллипидов, был заключен особый экономический договор. Основной его пункт заключался в том, что каллипиды производили для жителей городов все необходимые продукты в обмен на товары (вино, посуду, одежду, оружие, украшения). Этим Скил стимулировал занятия соплеменников по отцу земледелием. Привыкшие употреблять в пищу мясо и молочные продукты, рядовые кочевники вряд ли бы так быстро перешли к совершенно иному образу жизни. Стремление Скила создать государственное образование с применением, очевидно, каких-то эллинских политических и экономических элементов привело его к пропаганде среди соплеменников исключительной выгоды от занятий земледелием и заключения с олигархическими правителями Ольвии и Истрии соответствующих договоров. Этим самым можно объяснить запустение в особенности ольвийской дальней хоры. Благодаря такой поддержке, путем налаженного обмена эллины смогли при наличии только ближайших к городу земель обеспечивать себя необходимыми продуктами и заниматься более интенсивным строительством общественных и культовых сооружений, жилых домов, оборонительных стен, благоустройством, а также расширить торговые связи как с главными центрами Средиземноморья, так и с более отдаленными от них племенами.

С целью доказательства главной идеи, что скифы жестоко наказывают своих вероотступников, Геродот сфокусировал внимание лишь на том, что не могло на самом деле стать истинной причиной смерти Скила. Скифские старейшины давно знали, какое происхождение имел их царь, на ком был женат его отец и что, собственно, представлял собой Скил. Если бы его хотели убить из-за вероотступничества, это произошло бы значительно раньше, а не потому, что кто-то из жителей Ольвии донес на него дозорным, пригласив их посмотреть, как веселится их царь.

Кроме того, вызывает недоверие, что войско Скила месяцами стояло под ольвийскими стенами. Такое, по сути, осадное положение вообще парализовало бы экономическую жизнь города. Неправдоподобно и то, что Скил приводил сюда все войско (особенно при том, что в нем видят царя всей Скифии, под протекторатом которой якобы находился весь Ольвийский полис). Тот относительно небольшой гражданский коллектив ольвиополитов в первой половине V в. до н. э. при всех стараниях и при посреднической торговле не смог бы долго продержаться, если бы кормил даже периодически огромное войско Скифского царства и платил дань. Однако Ольвия не только не пострадала, а постепенно превращалась в цветущий город, набирая силу и увеличивая экономический потенциал. Внешняя торговля с греческим миром по-прежнему активно развивалась. Не наблюдается погребениям скифских кочевников, особенно на территории Северо-Западного Причерноморья времени Ариапифа и Скила, как и в последующий период, особого обогащения ни царской семьи и знати, ни отдельных скифских воинов. Скил выпускал самую заурядную по размерам и весу небольшую литую бронзовую монету.

Отсюда ясно, что если бы Скил действительно проводил столь жесткую авторитарную политику по отношению к эллинам Нижнего Побужья и Нижнего Поднестровья, его судьба сложилась бы совершенно по-другому, как и судьба жителей греческих городов. Как экономическое ухудшение в таком случае, так и моральное потрясение привело бы их к потере уверенности в своих силах, краху надежд и сопутствующей этому состоянию эмиграции. Однако ничего подобного в период правления Скила

не произошло. Экономическая сфера жизнедеятельности эллинов не претерпела резкого упадка, который должен был бы проявиться как явное следствие скифского протектората.

В рассказе Геродота о том, как некий ольвиополит сообщил старейшинам скифов, якобы находившихся вместе с войском под стенами Ольвии, безусловно, много новеллистических моментов, если это вообще не художественный вымысел. При помощи диалога историк акцентировал особое внимание на том, как Скил, став приверженцем чуждого скифам культа Диониса Вакха, вместе с другими посвященными пребывал в вакхическом экстазе и как это удалось увидеть старейшинам, поведавшим об этом всему войску. Археологические исследования оборонительной системы города свидетельствуют, что самые ранние стены и башни из сырцового кирпича, а не камня, очевидно, небольшой высоты, относятся к концу V в. до н. э. Так что, вполне вероятно, Геродот только представлял себе, что в окружении варваров на далекой периферии греческого мира не мог существовать город без мощнейших оборонительных стен. Создается впечатление, что Скила убили преднамеренно не поблизости от Ольвии, где он смог бы найти спасение и поддержку, а совсем в другом месте, наиболее близком к Фракии. Очевидно, там же случайно был обнаружен золотой перстень Скила. Основная причина его смерти заключалась не в изменении курса внешней политики скифов, а в далеко идущих планах пришедшего к власти фракийского царя Ситалка.

Таким образом, поступательное движение эллинизации одного из скифских этносов в непосредственной близости от Ольвии было прервано как фракийскими правителями, так и новой волной кочевников с востока. Их гегемонистские устремления в итоге во многом нарушили тесные связи ольвиополитов с лесостепными племенами и каллипидами, оказав значительное воздействие на ход внешнеполитической обстановки в Северном Причерноморье. Скил же – ярчайший образец уникальных эллино-скифских мирных взаимоотношений на всех уровнях. Его гибель нанесла непоправимый ущерб их дальнейшему развитию и внедрению эллинского образа жизни в среду рядовых скифов Северо-Западного Причерноморья, а также вероятному созданию

более усовершенствованного варварского государственного образования по примеру эллинских полисов.

Победа демократии. Длительное время считалось, что Ольвия со времени основания была демократической республикой. Как видно из вышеизложенного, первоначально здесь все-таки правили олигархи. Усиление демократических тенденций в греческом мире, установление демократии в Милете, Синопе, Истрии, с которыми Ольвия поддерживала теснейшие контакты, вхождение ее в Афинский морской союз, наконец, черноморская экспедиция Перикла способствовали интенсивному развитию здесь новых идей и увеличению сторонников афинского государственного устройства. Поскольку сейчас мы постоянно слышим о демократии и в нашей стране, новых демократических партиях и законах, противоборстве между приверженцами старого и нового режимов власти, целесообразно вспомнить, кем и когда впервые было введено такое правление и почему оно стало столь привлекательным для ольвиополитов.

Общепризнанно, что демократию первыми изобрели эллины. Начало было положено афинским поэтом Солоном в первом десятилетии VI в. до н. э., когда его избрали архонтом и он издал совершенно новые законы. Их начертали на медных досках и выставили на главной площади Афин для всеобщего прочтения. Они должны были содействовать установлению хотя бы относительного равенства гражданских и политических прав для всех граждан этого полиса. Вне их оставались женщины, иностранцы, рабы и другие прослойки зависимого населения. Таким образом, Солон – законодатель и поэт, впоследствии причисленный к канону Семи мудрецов Эллады, – дал толчок к развитию демократии, сумел вернуть свободу и справедливое владение собственностью, в частности земель, многим угнетенным афинянам. Отныне богатые и бедные в собрании были равны, имели право голосовать и высказывать собственные взгляды. Законы Солона касались столь многих сторон жизни эллинов, что слухи о них разнеслись в наиболее отдаленные уголки греческой ойкумены. Даже скиф Анахарсис уже в то время отправился в Афины для знакомства с Солоном и его законами.

Однако полностью осуществить афинскую демократию удалось только Периклу во второй трети V в. до н. э. По сведениям

Фукидида и Плутарха, в нем сочетались четыре главных добродетели, благодаря которым он стал великим государственным деятелем. Перикл умен – то есть способен оценить политическое положение и принять верное решение; одарен красноречием, умением склонить на свою сторону слушателей; для него характерен самый высокий патриотизм; он совершенно бескорыстен, недоступен подкупу. В 30-е гг. V в. до н. э. Перикл в должности стратега с большим флотом совершил экспедицию вдоль побережий Черного моря с заходом во все крупные эллинские города. В результате многие из них, в том числе и Ольвия, были включены в Афинский Морской союз и платили подать Афинам. Одновременно с этим в отдельных полисах был установлен демократический режим власти. Афины для упрочения своего господства на морях целенаправленно и последовательно вводили в союзных городах демократический строй. В Ольвийском полисе он продержался совсем недолго. После смерти Перикла в 429 г. до н. э. здесь вновь начала править олигархия, из среды которой выделился полновластный лидер, ставший тираном.

Однако тесные взаимоотношения с Афинами, занимавшими ведущее место во всех сферах жизни полиса, с очевидной пропагандой своей идеологии и культурных ценностей, в итоге привели к окончательной победе демократической формы правления. Важно и то, что в Милете тоже с помощью Афин в результате острой борьбы был установлен демократический строй еще в 440 г. до н. э. Поскольку Ольвия была тесно связана с материнским полисом, то демократические идеи проникали на берега Гипаниса не только из Афин, но и Милета. Бесспорно, что милетские демократы были заинтересованы в установлении в Ольвии адекватной власти и могли поддерживать афинян в насаждении ее и в своих колониях. Введение в Ольвии новой политической системы, подчиненной идее народного суверенитета, связано с именем Евресибия, сына Сириска. Источники о характере его личности и деятельности крайне скудны и малочисленны. Столь знаменательное событие, как победа демократии в Ольвии, в отличие от некоторых других полисов на Понте, не отмечено в античной письменной традиции. В определенной степени отражают этот момент три посвятительные, но малоинформативные надписи

Зевсу Элевтерию (Освободителю) и фрагмент почетной эпитафии первой четверти IV в. до н. э.

Полностью сохранилась лишь одна: «Достойный похвалы Евресибий, сын Сириска, поставил меня (статуя) Зевсу Элевтерию, царю богов, укрепляя отеческую землю и по справедливости почитая славное владычество Зевса Элевтерия». Имя этого же деятеля отмечено и во второй надписи. Возвращение демократической элевтерии Ольвийскому полису Евресибием предположительно можно видеть и в третьей эпитафии. В ней речь идет о независимости и свержении тирана. Если она действительно относится к его деятельности и синхронна с вышеприведенными надписями, то можно сказать, что этот гражданин сделал настоящий политический переворот в Ольвии. Он прославился здесь в результате каких-то особых политических действий, связанных с борьбой за свободу, символом которой в данном случае выступает Зевс Элевтерий. В истории греческих государств есть немало примеров учреждения этого культа после победы демократии. Чествование Зевса Освободителя сопровождалось жертвоприношениями, агонами и участием всего демоса на празднике, где нередко устраивались угощения для всех присутствующих. Евресибий не только освободил родной полис от власти тирана, но и укрепил отеческую землю, защищая ее, по-видимому, от каких-то внешних врагов. Совместно с ним действовали Гекатеон, сын Гикесия, и неизвестные по именам ольвиополиты.

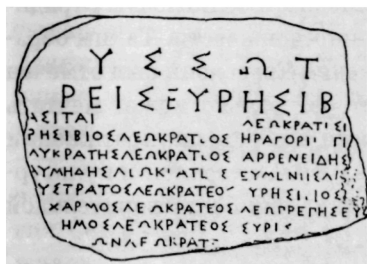
Однако для точного восстановления политической истории Ольвии все еще не хватает конкретных, полностью сохранившихся надписей. Безусловно, что при жизни Евресибий оказывал большое влияние на государственную жизнь Ольвии, ее внутреннюю и внешнюю политику. Судя по серебряным монетам с символикой Диониса и этниконом OΛBI или OΛ, впервые появившемся именно на них, вероятно, демократия была установлена еще в конце V – начале IV вв. до н. э. С этой датой совпадает начало возрождения и реорганизации ольвийской сельской округи. Предполагается, что в первой четверти IV в. до н. э. Ольвия осуществила территориальную экспансию в Северо-Западный Крым, где якобы ольвиополиты соорудили один (Панское I) или несколько укрепленных фортов для защиты обрабатываемой

земли. Но в ее округе было немало никем не занятых плодородных земель, не требующих специальной защиты, чтобы заниматься земледелием в столь отдаленных от города и опасных местах. Если там и могли оказаться выходцы из Ольвии, то их появление целесообразнее связывать с политическими изгнанниками – врагами демократии, а не территориальной экспансией, характер и причины которой трудно объяснимы для нижнебугского полиса. Среди таковых гипотетически можно считать родственников последнего тирана и его приверженцев или же других ольвиополитов, нарушивших полисные законы или священные обычаи. В Милете, например, враги демократии также были изгнаны из полиса.

Расширение ольвийской аграрной зоны, возникновение урбанизированных поселков с развитым каменным домостроительством в течение первой половины IV в. до н. э. свидетельствуют об экономическом подъеме Ольвии, энтузиазме ее населения и явной поддержке новой власти. Беспрепятственное овладение теми же территориями, что и в архаическое время, отсутствие на них каких-либо оборонительных сооружений показывает, что никакой угрозы эллинам в этом регионе пока не существовало, как и в начальный период его освоения. Получение большого количества хлеба в первые десятилетия демократического строя и экономический подъем полиса стали причиной введения нового символа на ольвийских монетах – головы покровительницы земледелия и зернового хозяйства Деметры. На первых мелких медных монетах изображалась голова этой богини в профиль с этниконом ΟΛΒΙΟ, а на обороте эмблема Ольвийского полиса – орел над дельфином и буквы ΕΥ. Эти буквы, вполне вероятно, относятся к имени ΕΥΡΕΣΙΒΙΟΣ – Евресибий. Если это так, то по его инициативе и предложению на Народном собрании было принято введение новой символики, связанной с интенсивным развитием хлебного хозяйства и продажей излишков зерна в другие города, в частности в Афины. Евресибий в это время исполнял должность жреца-эпонима в храме Аполлона Дельфиния. Монетная чеканка и расширение ольвийской хоры дают все основания полагать, что при жизни Евресибия в полисе начался процесс более интенсивного экономического развития. Он был

*Посвящение жрецов
Евресибадов и фиаситов
Леократидов Зевсу Сотеру.
Мраморный постамент*

полностью независимым, проводил торговлю со многими средиземноморскими и черноморскими городами.

Сыновья Евресибия и их наследники пронесли его имя через века. Ни один род в Ольвии не стал столь известным, как Евресибиады. Уже после смерти Евресибия, сына Сирика, здесь был создан его родственниками специальный культовый союз почитателей Зевса.

В него входили жрецы этого бога и сыновья Леократа, сына Гипократа. Он, как и его дед Евресибий, отличался стремлением сохранить полисные традиции, отстоять свободу отчизны и укрепить ее ради процветания будущих поколений. Шестерым сыновьям Леократ дал имена, основа которых состояла из слова ПОΛΥ – «много, весьма»: Поликрат («многосильный»), Полимед («многоумный»), Полистрат («весьма боевой»), Полихарм («многорадостный»), Полидем («многонародный»), Полимедон («многоцарствующий»). Ясно, что каждому из них имя давалось обдуманно, в соответствии с определенной целью и мировоззрением Леократа, видевшего в наследниках продолжателей и защитников рода. Тем не менее, старшего сына он нарек Евресибием, а следующему за ним дал имя, близкое по смыслу и скрытому значению собственному имени. Наследники Евресибия исполняли должности жрецов в храме Зевса.

В долговечном роду Евресибадов их знаменитый предок пользовался неизменным почетом. В нем никогда не забывали давать это очень редкое в греческой просопографии имя. Время от времени кто-нибудь из потомков, особенно в первые века нашей эры, характеризующиеся возрождением старых отчих обычаев, избирался на важные государственные должности. Судя по последним деяниям представителей аристократического и образованного рода Евресибадов, они до конца существования оставались верны Ольвии, способствуя сохранению единства

гражданской общины, главных полисных и религиозных традиций, а также демократических принципов власти. Таким образом, лидер демократического движения Евресибий был отмечен такой высочайшей наградой, о которой только может мечтать политический деятель: он и потомки его рода на протяжении шести веков играли важную роль в государственной и культурно-религиозной жизни Ольвии и занимались благотворительной деятельностью.

Ольвийская демократическая форма правления состояла из Народного собрания и Совета. Однако в декретах демос как синоним Народного собрания ставился на первом месте лишь в течение непродолжительного времени. В большинстве случаев постановления выносились от имени Совета или архонтов. Для принятия особенно важных документов созывалось Всенародное собрание (ΠΑΝΔΗΜΟΙ). Состав Совета не известен. В основном он был законодательным органом власти, представлявшим на утверждение Народного собрания проекты законов, и только в исключительных случаях имел право проводить их в жизнь. На собрании имел право выступить с речью каждый гражданин, за исключением врагов демократии и отчих обычаев, тех, кто плохо обращался с родителями, растратил унаследованное имущество, уклонялся от военной повинности в случае нападения врагов.

Исполнительная власть осуществлялась разными коллегиями магистратов, избиравшихся на Народном собрании открытым голосованием на один год. Среди них главное место принадлежало коллегии архонтов из пяти человек. По существу, они занимались всеми государственными делами в полисе. Коллегия стратегов из шести человек ведала военными делами и обороной полиса, по значению она занимала второе место после архонтов в государственной жизни Ольвии во все времена ее независимого существования. Исходя из количества ее членов, предполагается, что Ольвия была разделена на шесть фил, каждая из которых избирала своего стратега.

Агораномы, количество которых менялось от трех до пяти человек, отвечали за охрану города, состояние улиц, колодцев, водостоков, наведение порядка в разных торговых операциях, следили за соблюдением правильных мер и весов на рынках,

проверяли качество продуктов и товаров. Различного рода финансовые дела находились в распоряжении коллегии Девяти. Денежные знаки, главным образом медные монеты, реже – серебряные и золотые, часто менялись, имели обращение только в пределах государства. Лишь в редких случаях ольвийские денежные знаки находят археологи при раскопках других городов в Причерноморье. Храмовыми сокровищницами ведала коллегия Семи. Она же назначала цены при продаже жертвенных животных для иностранцев, прибывавших в Ольвию с разными целями и по эллинским обычаям совершавших обряды в честь богов в ее святилищах. Кроме того, каждый гражданин на год мог быть избран членом суда, имевшего право подвергнуть виновников ostracism, то есть изгнанию из Ольвийского полиса, а также штрафам, конфискации имущества, продаже в рабство и т. д. В тяжелые времена неурожая, войн и голода избиралась специальная коллегия ситонов из пяти человек, которые закупали зерно и разные продукты по оптовым ценам, а затем распродавали их в городе по умеренным и низким ценам, для беднейших слоев населения устраивали бесплатные трапезы. Нередко этим занимался и самый богатый здесь храм Аполлона Дельфиния. Все вместе взятые коллегии подчинялись архонтам.

Несмотря на то, что принцип прямого народовластия в Ольвии осуществлялся не всегда в соответствии с законами, установление постоянного демократического строя являлось важнейшим событием в ее жизни. За шестивековой период существования демократии ольвиополиты не меняли основную форму правления. Не отмечено в источниках и каких-либо открытых выступлений против такого государственного устройства. Другое дело, что по разным причинам и в зависимости от правления того или иного лидера здесь периодически видоизменялся ее характер – от умеренной и радикальной демократии до элитарной и, в редчайших случаях, – наоборот.

ВЫСОЧАЙШИЙ РАСЦВЕТ ОЛЬВИЙСКОГО ПОЛИСА

Много есть чудес на свете,
Человек – их всех чудесней...
Землю, древнюю богиню,
Что в веках неутомима,
Год за годом мучит он
И с конем своим на поле
Плугом борозды ведет.
Софокл

После походов Александра Македонского греческий мир подвергся коренным изменениям. На месте многих восточных стран образовались огромные эллинистические государства, приковавшие к себе внимание и понтийских эллинов. Столь развитые полисы, как Афины, потеряли былое могущество и авторитет. По этому поводу известный оратор Эсхин выступил с речью на Народном собрании афинян, в которой выразил общее понимание происшедшего в окружающем их мире: «Мы переживаем исключительный период мировой истории. История наших дней должна показаться сказкой грядущим поколениям. Персидский царь, который еще недавно требовал от эллинов «земли и воды» и осмеливался называть себя в своих письмах владыкою всех людей от восхода до заката солнца, этот же самый царь борется теперь уже не за владычество над другими, а за собственную жизнь. Фивы, соседние нам Фивы, в один день были исторгнуты из сердца Эллады... А наш город, убежище всех эллинов, куда прежде стекались посольства со всей Эллады, чтобы просить у нас помощи, каждое для своего города, он борется теперь уже не за гегемонию в Элладе, а за собственный клочок земли».

Ольвия была теснейшим образом связана с Афинами на протяжении более двух веков. Ее культурные слои буквально насыщены мелкими обломками парадной тонкостенной чернолаковой и расписной посуды, широко применявшейся в быту, религиозных и погребальных обрядах. Афинские мастера навсегда унесли

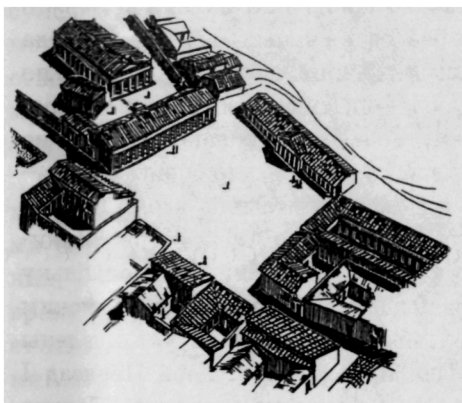

с собой тайны изготовления неподвластного времени черного лака. Сейчас эта керамика представляет собой ценнейший источник для датировок. В эллинистический период Афины превзошла Александрия Египетская, где при Птолемеи I Сотере впервые был создан универсальный научный центр Мусейон («Храм муз»). В нем находилась знаменитая библиотека, лекционные залы, обсерватории, зоопарки, специальные хранилища разнообразных коллекций и многое другое. Сюда съезжались талантливые скульпторы, архитекторы, ученые и ювелиры.

В это время Ольвия достигла наивысшего экономического и культурного расцвета. Столь высокий подъем во всех сферах жизни произошел лишь один раз за всю историю ее развития. Он длился сравнительно недолго – в течение приблизительно последней четверти IV – первой трети III вв. до н. э. Город превратился в крупный политический центр территориального государства. Греческие поселения у Тилигульского лимана и западнее его входили в сферу влияния Ольвии. В Нижнем Поднепровье также были основаны отдельные поселения, среди которых выделяется Белозерское. Тем не менее, по общим размерам Ольвийское государство не превосходило самое большое для того времени Боспорское царство при правлении Перисада I. Но сама Ольвия в полной мере отвечала определению Аристотеля: «Го-

род должен представлять собой среди всего окружающего пространства центральный пункт, из которого было бы возможно выслать помощь во все стороны».

Почти синхронное территориальное расширение северопонтийских государств показывает, что они были тесно взаимосвязаны между собой и одинаково стремились к увеличению сельско-

*Центральная часть Верхнего города.
Реконструкция С.Д.Крыжицкого*

хозяйственных продуктов, в частности зерна, на продажу за счет расширения плодородных земель при возросшем количестве зависимого населения. Земледельцы ринулись на захват даже относительно отдаленных от города местностей ради того, чтобы быть хозяевами собственных участков. Но прежде, чем Ольвия поднялась на самый высокий уровень своего развития, ей пришлось столкнуться с неожиданными трудностями. Их быстрое преодоление явилось основным толчком к коренному преобразованию ее культурного облика.

О походе Зопириона. В то время, когда войска Александра Македонского завоевывали народы Азии, его полководец Зопирион с 30-тысячным войском в 331 г. до н. э. двинулся на покорение северопонтийских городов и Скифии. Безусловно, что он решился на столь рискованную акцию под воздействием знаменитого Македонца, который рассчитывал завоевать Скифию со стороны Средней Азии. О походе Зопириона сохранилось несколько кратких упоминаний в сочинениях древних авторов. Среди них лишь одно – Макробия – касается непосредственно Ольвии: «Борисфениты, осаждаемые Зопирионом, отпустили на волю рабов, дали права гражданства иностранцам, изменили долговые обязательства и таким образом смогли выдержать осаду врага».

Это важное свидетельство в научных работах интерпретируется с разных точек зрения. По одной из них, Ольвия выдержала длительную осаду и лишь благодаря кочевым скифам сумела выстоять в этой неравной борьбе над трижды превосходящим по численности и вооружению, более опытным в военном деле противником. По другим версиям, город был не только осажден, но и взят Зопирионом. Высказывалось мнение, что борисфениты – это вовсе не ольвиополиты, а скифы, обитавшие вдоль берегов Борисфена. Поэтому Зопирион по решению Александра организовал поход исключительно на завоевание Скифии, поскольку от нижнеднепровских скифов исходила угроза нижнедунайским владениям Македонии. С ольвиополитами были установлены мирные взаимоотношения. Они и боспорский царь Перисад I даже содействовали этим военным действиям македонцев. Только при отсутствии враждебности со стороны ольвиополитов Зопирион смог установить посвященный Александру Македонскому

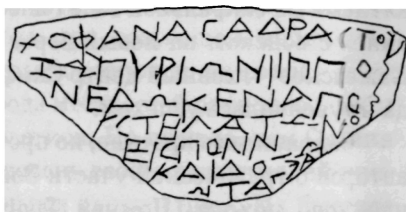
алтарь в их сакральной зоне Гилее на берегу Днепра. Он переправился с войском на левый берег этой реки и осадил городище Каменское – главный центр Скифского царства. Однако его осада не увенчалась успехом.

Сохранились краткие, но противоречивые сведения римских авторов о трагической участи Зопириона и его войска после неудачного похода. Помпей Трог сообщал, что «оставленный Александром Македонским в должности наместника Понта Зопирион, считавший, что он будет бездеятельным, если сам ничего не предпримет, собрал 30-тысячное войско и начал войну со скифами, но погиб со всем войском, понеся наказание за недуманно начатую войну с неповинным народом». Этот автор отметил также, что Зопирион погиб с войском в море. В кратком изложении «Истории» Помпея Трога Юстин писал, что Зопириона со всей армией уничтожили скифы. Несколько другое сообщение оставил Курций Руф: «Во время похода к гетам наместник Фракии Зопирион был погублен со всем войском внезапно разразившейся бурей и грозой». Соединив все эти данные, можно действительно полагать, что македонское войско на кораблях погибло в море во время сильного шторма. Столь внезапная потеря сказалась в итоге на том, что Фракия освободилась от македонского владычества, а Александр Македонский так и не сумел организовать вторжение в Скифию через Каспийское море. Возможно, трагический исход экспансии Зопириона стал основной причиной и того, что в последующее время никто из македонских царей не пытался выступить против Ольвии и скифов.

Военные действия на обширной территории ольвийской хоры и Скифского царства не подтверждаются археологическими раскопками. Здесь не открыты ни значительные разрушения, ни следы от пожаров, ни захоронения убитых людей того времени. Как видно, ни один из древних авторов не удостоверяет захвата Ольвии или ее длительную осаду, никто прямо не упоминает и сам город. Однако вряд ли стоит и столь прямолинейно отвергать полное отсутствие угрозы подчинения его македонскому царю. В ольвийской надписи второй половины III в. до н. э. сохранились неопровержимые свидетельства о том, в какой

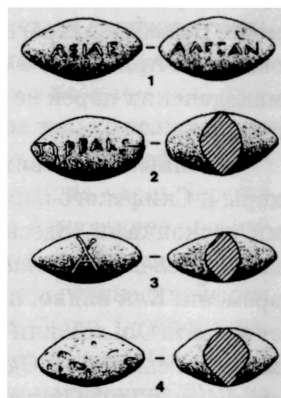

панике находились жители этого города после того, как к ним дошли только слухи о готовящемся нападении на них с запада галатов и скиров. Вследствие этого многие иностранцы и граждане уехали из Ольвии, оставив свои дома.

Письмо о даре коня Зопириону

Поэтому нельзя исключать, что здесь также заранее узнали о походе Зопириона. Это дало возможность населению хоры беспрепятственно покинуть жилища, вывезти все необходимое продовольствие в город, подготовиться к вторжению, заключить военные союзы со скифами, Херсонесом Таврическим и Боспором. Ведь в случае ее захвата не было сомнения в том, что Зопирион двинется дальше на завоевание других греческих городов и разных иноэтнических объединений, связанных между собой тесными торгово-обменными, а нередко и родственными узами. Немаловажное значение для доказательства того, что какая-то часть сухопутного или высадившегося с корабля македонского войска все же побывала на ольвийской хоре, имеет письмо на амфорной стенке из поселения Козырка. Оно представляло собой один из главных форпостов на северной границе Ольвийского полиса. В письме сообщалось о даре коня Зопириону Никофаном, сыном Адраста. О непосредственном пребывании македонских воинов под оборонительными стенами Ольвии, по мнению В.А.Анохина, красноречиво свидетельствуют пращевые свинцовые пули, недавно найденные в гумусных слоях на прилегающем к городу некрополе и близлежащем поселении Широкая Балка. На отдельных из них имеются надписи, в том числе и ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΑΛΕΞΑΝΔΡΟΥ, несомненно указывающие на принад-

Свинцовые
пращевые пули

лежность этого оружия македонскому царю Александру. Подобного типа свинцовые изделия были обнаружены и в Западном теменосе города, где они служили вотивами в святилище Аполлона Иетроса в ипостаси Спасителя или же особенно почитавшейся в это время Матери богов как защитницы города.

Общепризнанно, что в последней четверти IV в. до н. э. Ольвия достигла самого высокого экономического расцвета. Само собой разумеется, что таковой был бы немыслим ни после ее взятия, ни после длительной осады. В принципе ее и быть не могло, так как македонское войско намного превосходило во всех отношениях ольвийское ополчение и могло быстро захватить город. Но поскольку греческие полисы и их хоры располагались собственно на землях Скифии, то в орбиту завоеваний Александра Македонского входила вообще вся эта огромная территория, включая не только Ольвию, но и Херсонес, а также Боспор. Другое дело, что осуществлению таких грандиозных планов действительно помешали кочевые скифы.

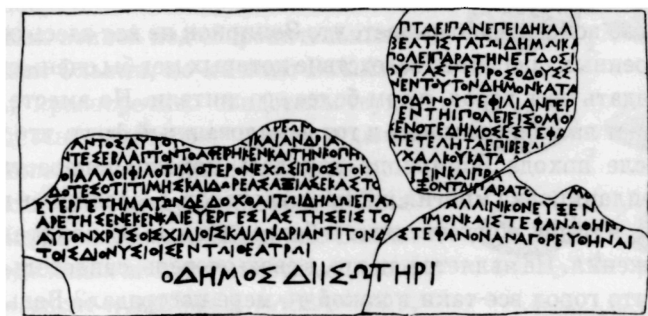
В общем получается, что Зопирион не сражался в полной мере ни с ольвиополитами, ни со скифами, а, скорее всего, отступил от стен Ольвии, напуганный какими-то сообщениями о движущейся армии скифских всадников-лучников. Возможно, что его корабли в основном лишь с разведывательной целью побывали в Нижнем Поднепровье, где поставили алтарь в честь Александра Великого, продемонстрировав тем самым свою силу и эллинам, и варварам. Как бы то ни было, но отсутствие значительных разрушений и пожаров как в самой Ольвии, так и на ее хоре, оставленной жителями явно во время приближения македонского войска, показывает, что Зопирион не вел здесь серьезных военных операций, вследствие которых мог бы очень сильно пострадать весь город, а тем более его жители. Но вместе с тем обращает на себя внимание и тот немаловажный факт, что именно после похода Зопириона началась коренная перестройка и перепланировка многих жилых кварталов, возводились новые храмы, алтари, общественные и более мощные оборонительные сооружения. Не является ли это, в свою очередь, свидетельством того, что город все-таки в какой-то мере пострадал? Ведь этим тоже могло быть вызвано стремление все перестроить, а не только

возросшим экономическим потенциалом полиса и стремлением его граждан жить лучше.

Награды за доблесть и благодеяния Каллиника. В определенной взаимосвязи с походом Зопириона рассматривается и декрет в честь Каллиника, сына Евксена. Он был издан при его жизни от имени Совета и Народного собрания по предложению архонтов и коллегии Семи. Привлечение к чествованию этого гражданина широкого круга должностных лиц указывает на важность документа и отмеченных в нем мероприятий. При чтении надписи прежде всего привлекает внимание заключительная, полностью сохранившаяся формула: «Чтобы и другие ревностнее советовали и творили наилучшее, зная, что каждый получит от народа почесть и награду, достойную их благодеяний, да постановит народ: восхвалить Каллиника, сына Евксена, за его доблесть и благодеяния для народа, и пусть он будет награжден тысячей золотых и статуей, а о награждении возвестить на дионисии в театре. Народ посвятил Зевсу Спасителю». Если конкретные заслуги Каллиника перечислялись в начале текста, то здесь кратко подытоживается его характеристика как политического деятеля и эвергета, удостоенного высокой награды. Принимая личное участие в важных государственных делах и выступая на народных собраниях с речами-советами, он способствовал значительному улучшению жизни в Ольвии.

Из-за отрывочно сохранившейся надписи конкретные заслуги Каллиника не так ясны, как хотелось бы для выяснения многих аспектов его неординарной деятельности и личных

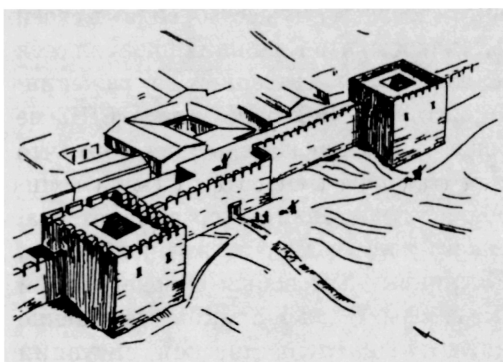

Фрагмент декрета в честь Каллиника

качеств. В отдельных случаях приходится оперировать допущениями и догадками. Так, Каллиник помог городу при раздаче каких-то работ, из-за чего, видимо, увеличились доходы государства и его жителей. Непосредственно в послезопирионовское время, как сейчас хорошо известно по археологическим источникам, в Ольвийском полисе, как в самом городе, так и на его хоре, развернулись колоссальные работы по перестройке, перепланировке и сооружению новых жилых домов, общественных и культовых зданий. Вместе с тем, возобновление сельскохозяйственных работ на обширной территории также требовало немало рабочих рук. Заодно расширилось развитие ремесел и разных промыслов, в частности рыболовного, что в итоге довольно скоро дало ощутимые результаты при правильной организации труда и торговых операций.

На собрании демоса Каллиник внес предложение об отмене долгов, что сразу же умиротворило население в Ольвии. По мнению Ю.Г.Виноградова, именно благодаря этому чрезвычайному мероприятию было достигнуто единодушие жителей полиса, мобилизованы все силы на оборону и тем самым спасена от македонского завоевания сама городская община. Однако вряд ли только из-за отмены долгов пришло спасение. В данном случае необходимо учитывать и другие факторы. Среди них не менее важны упомянутые выше отпуск на волю рабов и предоставление прав гражданства иностранцам. Первые из них могли войти

*Западные ворота.
Реконструкция С.Д.Крыжицкого*

в ряды ополченцев, а затем освоить отдаленные от города земли, а за счет других пополнилась полисная казна. Среди иностранцев было немало богатых торговцев. Они сами на свои средства приобретали оружие и помогали восстанавливать оборонитель-

ные сооружения. Недаром в сообщении Макробия все эти мероприятия, вместе взятые, считаются главными в том, почему борисфениты (то есть ольвиополиты) смогли выдержать осаду врага.

Очевидно, по совету Каллиника Народное собрание отменило налоговое обложение, причинявшее ущерб неимущим и малоимущим. Для покрытия расходов и каких-то финансовых операций, расширения торговли и денежного обращения на обширной хоре увеличилась чеканка медной монеты, что благоприятным образом сказалось на экономическом развитии всего полиса. Тем не менее, даже с учетом всех полученных прибылей, вызывает немалое удивление то, что только за разумные советы и предложения ольвийский демос впервые в своей истории таким образом решил восхвалить Каллиника. Во время издания его почетного декрета роль гражданской общины в политической и экономической жизни полиса не вызывает сомнений. Если документ был принят по постановлению Совета и демоса, то в заключительной его части указывается, что каждый получит от народа почесть и награду, если отличится своей деятельностью, что именно народ восхваляет Каллиника «за его доблесть и благодеяния для народа» и он же посвящает его бронзовую статую Зевсу Сотеру. Демос выступает здесь как главная созидательная и руководящая сила полиса, способная отблагодарить своего спасителя и благодетеля.

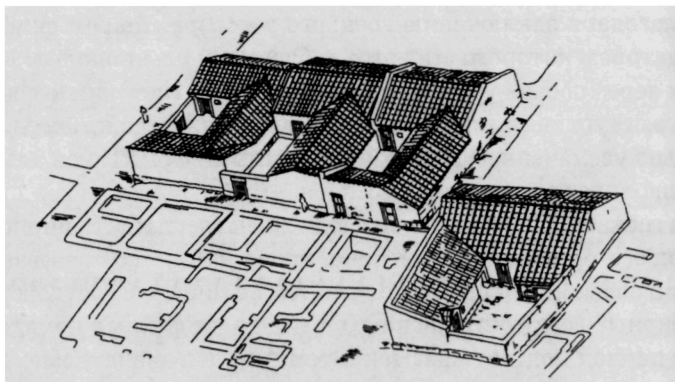
Термины ΑΡΕΤΗΣ и ΕΥΕΡΓΕΣΙΑ многозначны, но близки по смыслу. Первый в значении «доблесть, мужество, сила» в своей основе может обозначать только то, что Каллиник проявил себя наилучшим образом в каких-то делах, связанных со сражениями или военными мероприятиями. Наделение его ΑΡΕΤΗΣ не случайно. Оно служит еще одним доказательством того, что Каллиник отличился более всего в период осады Ольвии Зопирионом. Поскольку ольвиополиты сравнительно легко отделались от войска македонского полководца, нельзя исключать, что именно благодаря Каллинику для войны с македонцами были привлечены кочевые скифы. В связи с таким совершенно неожиданным изменением внешнеполитической ситуации в Днепро-Днестровском регионе можно выдвинуть некоторые гипотезы. Победа ольвиополитов над Зопирионом стала возмож-

ной благодаря заключению военного договора с царем скифов, инициатором которого стал этот доблестный ольвиополит. Каллиник через послов уведомил македонского полководца о совместном выступлении против него, представив, по-видимому, значительно увеличенные во всех отношениях цифры. Такой альянс ольвиополитов со скифами и боспорцами, а возможно и херсонесскими греками, не мог не произвести впечатления на Зопириона, решившего оставить экспансионистскую акцию по завоеванию Скифии со всеми расположенными там античными государствами. Мирные взаимоотношения Ольвии со скифскими номадами в этот период подтверждаются и тем, что она значительно расширила полисные границы во всех направлениях.

Вполне вероятно, что такое совместное противостояние греков и скифов против македонцев, – как Александра, якобы пытавшегося захватить эти земли после Бактрии, так и Лисимаха, начавшего с Каллатиса и Истрии экспансию против греческих городов Причерноморья, – в итоге не привело к их полному подчинению. Боспорские правители, находясь в теснейших политических и экономических отношениях с Афинами, не могли поддерживать Македонскую державу, стремившуюся к глобальным завоеваниям. Точно так же далеки были от таких настроений и ольвиополиты. Следуя мудрым советам Каллиника, патриотически настроенные граждане вскоре встали на небывалый до этого путь экономического благоденствия и значительно-го культурного усовершенствования города. Условия такого развития диктовались всем ходом внешнеполитических событий. Поэтому совершенно очевидно, что тогда появились такие стимулы, которые способствовали стремлению ольвиополитов улучшить свою жизнь.

Конечно, не следует понимать вышесказанное как особое свидетельство прямого участия Каллиника во всех преобразованиях в Ольвийском полисе. Тем не менее, судя по обнародованному в его честь декрету, это был инициативный, мудрый, рационально мыслящий и образованный деятель. Благодаря его выдержке, мужеству и советам, ольвиополиты добились небывалых успехов. Осознав и увидев воочию все достижения, они наградили его огромной для того времени наградой и посвятили (что тоже крайне редко встречается в северопонтийских государст-

*Жилые дома в северо-восточном квартале.
Реконструкция С.Д.Крыжицкого*

вах) бронзовую статую Зевсу Сотеру. Вряд ли можно сомневаться в том, что он получил такие почести за важнейшие заслуги перед полисом. Как раз посвящение демосом статуи Каллиника Зевсу Спасителю является важнейшим доказательством его прямого участия – не важно, каким путем это могло происходить, – в спасении Ольвии. В античной литературной традиции сохранился ряд фактов, удостоверяющих связь этого бога с избавлением от различных опасностей, прямым спасением общины или святилища, иногда целого города от угрозы завоевания или разгрома. Так как Ольвия стояла в одном ряду тех полисов, в пантеонах которых преобладали эллинские божества, то, бесспорно, посвящение Зевсу Сотеру не случайно, оно несет в себе большую идейно-символическую нагрузку.

Статуя гражданина-спасителя, посвященная богу Спасителю, отныне совместно становятся особым символом надежды на мир и процветание. Благодаря эвергетической деятельности Каллиника и других зажиточных граждан, в честь этого бога к югу от его святилища в Восточном теменосе была сооружена первая многоколонная стоя. Близка по времени к декрету Каллиника посвятельная надпись жрецов Евресибиадов и фиаситов Леократидов, поставивших в городе за собственный счет статую Зевса Сотера. Вполне вероятно, что она также имела отношение к избавлению от македонского завоевания.

Интересно, что столь огромная награда, какую получил Каллиник, никогда более в Ольвии никому не присуждалась. Более того, как видно из различных сведений о наградах граждан эллинистического времени из других государств, обычная стоимость наградного золотого венка не превышала 500 драхм и в редких случаях достигала тысячи драхм. Лишь два человека удостоились более высокой награды: какой-то эллинистический монарх – очевидно, Антигон Гонат – получил две тысячи драхм, и мессенинин Мнасистрат за благотворительную деятельность в пользу святилища

Деметры и Прозерпины был награжден золотым венком стоимостью в шесть тысяч драхм. В основном же в городах увенчивали отличившихся граждан сравнительно дешевыми золотыми венками, в редких случаях совместно со статуей или стелой с рельефом (как, например, боспорских Спартокидов в Афинах). К тому же нередко эти венки награжденные передаривали в святилища. Награда Каллиника вообще уникальна: она в десять раз превышает награду Гоната и более чем в три раза – стоимость венка Мнасистрата. Подарил ли Каллиник свой венок в храм Зевса, декрет в его честь умалчивает.

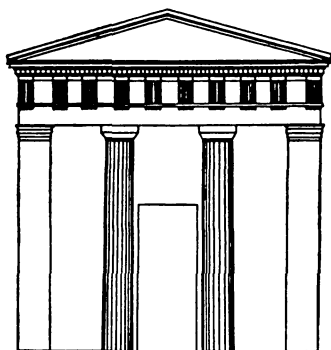
Кроме ΑΡΕΤΗΣ Каллиника, обращает на себя внимание и его ΕΥΕΡΓΕΣΙΑΣ. Этот термин имеет три основных значения: «благодетельство, заслуга, благотворительность». В принципе все вышеизложенное о деятельности Каллиника можно интерпретировать в смысле первых двух понятий. Однако при этом нельзя полностью отбрасывать и его благотворительность. Именно в эллинистический период она нашла особо яркое проявление в чрезвычайных ситуациях. Ведь ольвиополиты наградили его не только за откуп работ по строительству стен и башен, за удачное ведение финансовых операций и предоставление прав гражданства ксе-

*Семейная ритуальная
процессия у храма.
Мраморный рельеф.
По И.В.Тункиной*

нам, за счет которых также значительно увеличилась полисная и храмовая казна, а за целый комплекс очень важных для полиса мероприятий. Среди них, по всей вероятности, немаловажное значение имела и эвергетия во всех проявлениях, вовсе не стоящая в противоречии с его непосредственной деятельностью. Он заслужил уважительное отношение к себе, избирался на разные должности, входил в Совет и умел выступать на собраниях с разумными речами. Последнее может свидетельствовать, что Каллиник получил высшее образование и овладел ораторским искусством, хорошо разбирался во внешней и внутренней политике.

Сокровищница в Восточном теменосе. Реконструкция С.Д.Крыжицкого и А.В.Буйских

Декрет в его честь был издан, очевидно, когда влияние Каллиника в Ольвии достигло апогея. Он относится к редчайшим случаям в истории полиса, когда столь высокие почести присуждались при жизни. Сохранившиеся декреты в основном принимались после смерти заслуженных деятелей. Возможно, что такая практика была введена специально во избежание больших расходов при подведении итогов всей деятельности на благо полиса того или иного гражданина, которого хоронила вся община и над могилой которого насыпался в эллинистическое время курган. По верованиям греков, благодетели и герои и в потустороннем мире способствовали спасению сограждан и сородичей. Думается, что Каллиник, при помощи которого установилась радикально-демократическая власть в Ольвийском полисе, произошло разительное обновление многих сфер жизни и обогащение его жителей, а главное – спасение от македонского завоевания, также получил большие посмертные почести и вечный памятник в виде кургана возле одних из ворот Ольвии или в непосредственной близости от города.

Таким образом, время жизни и деятельности Каллиника отмечено не только большими испытаниями, но и значительными

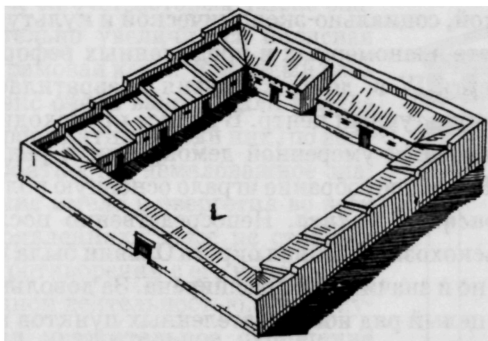

сдвигами в политической, социально-экономической и культурной сферах. В результате планомерных и продуманных реформ уже в последней четверти IV в. до н. э. Ольвия превратилась в крупный торговый и культурный центр. В полисе происходил сложный процесс перехода от умеренной демократии к радикальной, при которой Народное собрание играло основную роль.

Экономический расцвет полиса. Непосредственно после похода Зопириона сельскохозяйственная округа Ольвии была не только восстановлена, но и значительно расширена. За довольно короткий срок возник целый ряд новых населенных пунктов на обширной территории от нынешних Одессы – на западе, Николаева – на севере, Днепра – на востоке. Вполне вероятно, что еще при жизни Каллиника Ольвийский полис превратился в значительное территориальное государство, которое не уступало Херсонесскому по количеству сельских поселений. Однако они отличались тем, что не имели оборонительных сооружений, что является ярким показателем добрососедских эллино-варварских контактов. При этом также необходимо учитывать, что скифские вожди более всего были заинтересованы в связях с богатыми царями Боспора. Огромное количество скифских воинов принимало участие в междоусобной войне за престол на Боспоре после внезапной смерти царя Евмела в 304 г. до н. э. Видимо, вследствие этого с конца IV в. до н. э. началось резкое угасание причерноморской Скифии, вожди которой в течение этого столетия владели огромным количеством разнообразных золотых и серебряных изделий греческих мастеров. Среди них, как это видно из раскопанных скифских курганов, преобладали украшения боспорских ювелиров. Воспроизведение головы Борисфена – речного божества – на монетах раннеэллинистического времени свидетельствует о возросшей роли в экономике полиса восточных земель с их водными богатствами.

Демографические подсчеты и анализ материальной культуры свидетельствуют о значительном увеличении в это время производительных сил на ольвийской хоре по сравнению с классическим периодом. Такое увеличение здесь земледельческого населения и его дифференциация могли произойти за счет вышеупомянутых реформ, когда иностранцы вошли в состав граждан, а рабы получили свободу. Б.В. Фармаковский считал, что

*Усадьба в урочище Дидова Хата.
Реконструкция В.В.Рубана*

мер, вообще полагал, что дарование гражданских прав новым лицам приносит вред, вызывает внутренние распри. Другой знаменитый греческий философ – Платон – допускал прием новых граждан лишь в случае крайней необходимости (война, эпидемия) и при соблюдении их строгого отбора. Однако пополнение ольвийской общины новыми гражданами, обладавшими большими средствами, стало одним из важных факторов ее наивысшего экономического расцвета.

*Голова горгоны
Медузы.
Терракотовые
детали*

освобождение рабов было «форменной революцией» ольвиополитов, а Л.М.Славин предполагал, что в Ольвии в это время могло произойти восстание рабов и бедной части населения. Подобные процессы не так часто происходили в античном обществе. Аристотель, напри-

мер, вновь начала привлекать к себе пристальное внимание иноземных торговцев. Их притягивало сюда несомненное стремление получать прибыли в основном за счет доставляемых в свои города разных продуктов, так как после расширения ольвийской сельской округи здесь значительно увеличилось производство зерна и других продуктов, излишки которых шли на продажу. В такой же мере рыбный промысел давал многим ольвиополитам и жителям хоры возможность стать зажиточными. На многих урбанизованных поселениях строили каменные дома с замо-

ценными дворами. В это время продолжались тесные связи не только с Афинами, Хиосом, Фасосом, Гераклеей Понтийской, Синопой, но и с Родосом, Александрией Египетской, Калхедоном, Византием, Косом, Херсонесом Таврическим, Месембрией и др. Как и в былые годы, в Ольвию привозили в основном вино и оливковое масло в амфорах. Именно благодаря их повсеместным находкам археологи устанавливают основные пути развития торговых отношений. Кроме того, увеличился импорт парадной столовой посуды, различных тканей, украшений, красок, мрамора, небольших памятников скульптуры, мраморных и терракотовых архитектурных деталей и т. д.

*Мраморная
статуэтка
танцовщицы*

Впервые в конце IV в. до н. э. в Ольвии появились золотые монеты с изображением головы Деметры. За всю историю этого полиса не было выпущено такого огромного количества бронзовых монет, как в этот период. Среди них преобладали так называемые «борисфены»: на лицевой стороне изображалась голова бородатого речного божества Борисфена, а на оборотной – секира и горит. Их находки на всех поселениях ольвийской округи и в самой Ольвии свидетельствуют о значительном расширении денежного обращения и внутривоспольской торговли. За правильностью торговых операций наблюдение вели агораномы. Клейма с их именами отбивались на специально изготовленных мерных сосудах. На некоторых бронзовых гирях изображались даже головы божеств –

*Золотая монета с изображением
Деметры и полисной эмблемы*

Бронзовая монета-«борисфен»

Горгона Медуза, Аполлон
и дельфины. Гири

Аполлона и Деметры. Они в период расцвета стали особыми символами единства города и его сельской округи.

Союзный договор с Милетом. В период расцвета произошло расширение культурных связей Ольвии как с метрополией, так и с многими другими центрами Эллады. Большое значение для развития и укрепления полиса имело вторичное подтверждение договора об исополитии между

нею и Милетом в 20-е гг. IV в. до н. э. Несмотря на прошедшие столетия со времени основания Ольвии, и милетяне, и ольвиополиты не забывали о родственных узах и стремились к укреплению взаимоотношений. Об этом красноречиво повествует текст договора, высеченного на мраморной плите, хранившейся в милетском Дельфинионе. Не исключено, что его копия также была выставлена в ольвийском святилище Аполлона Дельфиния. Поскольку полный перевод этого документа опубликован давно и в малодоступных для читателя изданиях, здесь целесообразно привести его текст полностью.

«Ниже следуют отеческие установления для ольвиополитов и для милетян. Милетянин в городе Ольвии приносит жертвы как и ольвиополит на тех же самых алтарях и имеет доступ в те же самые святилища, на тех же основаниях, что и ольвиополиты. Милетяне пользуются ателиями (то есть свободны от уплаты податей и пошлин) на тех же основаниях, как они пользовались и ранее. Если милетянин желает отправлять (в Ольвии) государственные должности, ему надлежит обратиться в Совет; когда он будет зарегистрирован, он может отправлять эти должности и должен, наряду с прочими гражданами, платить подати. Он имеет право на проедрию (то есть занимать почетные места), принимать участие в состязаниях, возносить молитвы в поминальные дни (триакады) на тех же основаниях, как он делает это

в Милете. Если у милетянина будет тяжба в Ольвии, он должен иметь доступ к суду, и его дело должно разбираться в пятидневный срок в том отделении суда, которому подведомственны дела между гражданами. Все милетяне должны пользоваться ателиями, за исключением тех, которые имеют право гражданства в другом городе, участвуют в его правительстве и в его судебных установлениях. Точно так же и ольвиополиты должны в Милете пользоваться ателиями, и вообще они имеют в Милете таким же образом те права, какие милетяне имеют в городе Ольвии».

Как явствует из данной надписи, исполития между Милетом и Ольвией существовала со времени превращения ее в полис. Но сам Милет длительное время находился под властью персов и только с 332 г. до н. э., благодаря его освобождению Александром Македонским, стал автономным с восстановленными вновь законами и демократическим строем. Несомненно, это способствовало налаживанию политических, торговых и культурно-религиозных взаимоотношений с таким дочерним полисом, как Ольвия. Сохранились крайне отрывочные сведения об установлении таковых только с Кизиком. Поэтому имеются все основания считать, что Милет из всех многочисленных колоний более всего ценил Ольвию как в самый ранний период ее истории, так и в последующее время.

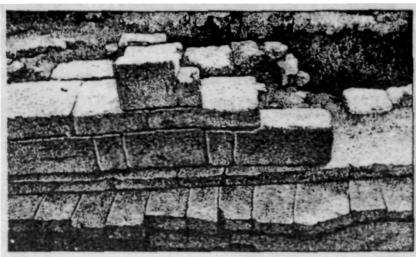
Дружеское отношение более развитой метрополии, имевшей тесные контакты с соседними малоазийскими городами и основными центрами материковой и островной Эллады, не могло не сказаться на общекультурном развитии Ольвии. Приезжавшие милетяне знакомили ольвиополитов с новыми достижениями в сфере государственного устройства, проведения религиозных праздников и поминальных триакад, спортивных агонов, ведения торговых операций, благоустройства города и т. д. И сами ольвиополиты вновь беспрепятственно могли посещать Милет, пользоваться, наравне с его жителями, всеми правами, знакомиться и воспринимать все то новое, что было свойственно для их метрополии. Зажиточные ольвиополиты посылали туда и своих сыновей для получения высшего образования. Как долго действовал этот договор и имел ли он силу в кризисный период ольвийской истории, ничего не известно. Скорее всего, что

милетяне в таких случаях воздерживались от поездок в столь отдаленный город, а ольвиополиты, наоборот, могли находить прибежище в метрополии.

Основные преобразования в городе. Экономический подъем способствовал значительным преобразованиям в самом городе. Здесь была произведена массовая перестройка во многих районах, в том числе и периферийных, за счет чего увеличилась его территория и возросло количество жителей. По данным С.Д.Крыжицкого, в период расцвета площадь всего города составляла 50–55 га, а жившего в нем населения приблизительно было 13–21 тысяча человек. В раннеэллинистическое время он в основном с суши был обнесен каменными оборонительными стенами высотой до 8 м с прямоугольными башнями. Две большие башни фланкировали главные входы в город с северной и западной сторон. Общая длина стен, по подсчетам А.Н.Карасева и Е.И.Леви, составляла примерно около 2900 м. Отдельные башни имели названия, например, Придорожная, Посия, Кафетегорова, Эпидавриева. Они возводились как за счет государства, когда полис обладал достаточно большими средствами, так и за счет отдельных богатых граждан, – особенно в трудное время. Безусловно, что устройство монументальной оборонительной системы придавало Ольвии совсем иной облик в архитектурном и экологическом плане, создавало гражданам благоприятную психологическую атмосферу большей уверенности в своих силах и надежной защищенности от внешних врагов.

Культурный облик города в процессе масштабных перепланировок, массового строительства новых жилых домов, общественных и культовых сооружений резко преобразился. Изучив все особенности планировок античных городов Северного Причерноморья, С.Д.Крыжицкий пришел к выводу, что планировка Ольвии в наибольшей степени отвечала рекомендациям Аристоте-

Часть оборонительной стены

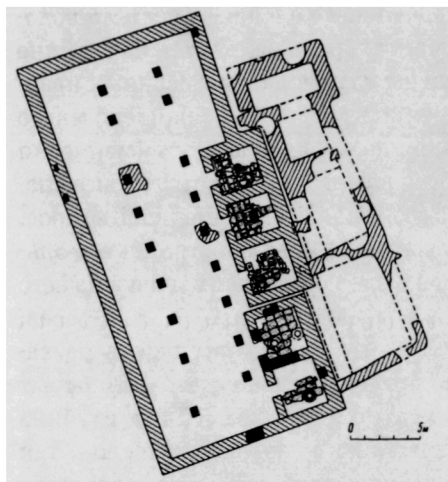

ля. Этот философ считал, что город более красив тогда, когда улицы в нем совсем прямые – то есть проложены по Гипподамовой системе. «Однако для безопасности в военном отношении наоборот, – отмечал он дальше, – лучше тот способ планировки города, какой существовал в старину: эта планировка была такова, что при ней с трудом могли найти выход из города чужеземные войска и нападающим на город трудно было в нем ориентироваться. Поэтому следует придерживаться обеих этих систем... Не нужно устраивать город так, чтобы он весь в целом имел правильную планировку; надо, чтобы планировка шла правильно только по отдельным частям и кварталам: так будет лучше и для безопасности города, и для его благообразия». Находясь в окружении воинственных варваров, ольвиополиты на самом деле рационально распределяли участки с жилыми кварталами вдоль узких улиц и переулков, сакральные зоны и главные общественные сооружения – поблизости от агоры.

Вследствие того, что после гетского нашествия в первые века новой эры жители Ольвии в основном обитали в южной части, строительные остатки многих жилых кварталов, святилищ, различных зданий эллинистического времени сохранились знач-

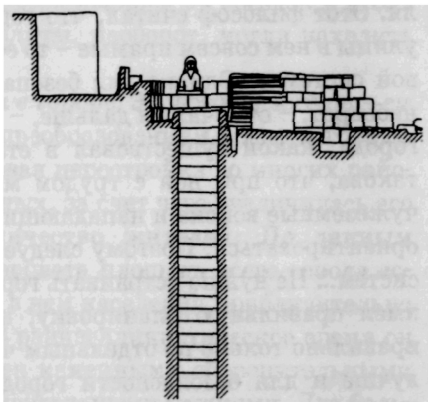
чительно лучше. Они не подверглись полному разрушению в результате мощного строительства в римский период. Все общественные и сакральные сооружения в основном были сосредоточены вокруг хорошо замощенной агоры в центре Верхнего города Ольвии как главного средоточия всей жизни ольвиополитов.

С южной стороны к агоре примыкали новое здание гимнасия и сооружения административ-

План зала гимнасия с банными помещениями. Реконструкция А.Н.Карасева и Е.И.Левы

ного назначения, в которых могли заседать какие-то государственные коллегии. Гимнасий был построен на месте более раннего, но отличался от него значительно большей площадью. Главное место в нем отводилось залу. Посередине его проходили два параллельных ряда колонн. По остаткам их местонахождения удалось установить, что зал был 18-колонным. При раскопках гимнасия час-

План помещения и колодца.
По Е.И.Леви

тично раскрыта система водоснабжения длиной 33 м, состоявшая из гончарных труб и подогрева воды в банных помещениях.

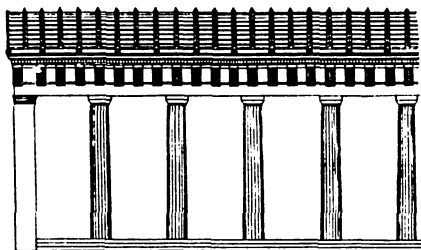
В одном из подсобных помещений открыт уникальный колодец, игравший важную роль в системе водоснабжения гимнасия. Археологи смогли раскрыть его только до глубины 15 м. Предположительно считается, что дно колодца достигало водоносного слоя, который в этой части города находится на глубине 30–35 м. Стенки колодца сложены из прекрасно отесанных квадров известняка. Хотя в заполнении колодца было найдено много интересных вещей, раскопать его до конца оказалось физически невозможным из-за небольшого диаметра (1 м) и отсутствия специальной техники. При этом возникает закономерный вопрос, каким же образом в те далекие времена могли построить его ольвиополиты, если в XX в. нельзя было полностью извлечь из него заполнение из земли, черепков и мелких камней? А.Н.Карасев, проводивший раскопки в этой части, сумел проследить по характеру культурного слоя, что предварительно здесь был вырыт огромный котлован длиной около 36 м, шириной 14 м, глубина которого лишь немногим не доходила до водоносного слоя, так как существовала опасность затопления. В нем и был сооружен каменный колодец, а котлован впоследствии был засыпан. В нише помещения с колодцем стояла известняковая полуфигура Апол-

лона — одного из покровителей ольвийского гимнасия и, соответственно, защитника колодца, вода из которого в случае необходимости могла использоваться и гражданами города.

Гимнасий имел особое значение в общественно-культурной жизни полиса. Ольвийские юноши занимались физической подготовкой и принимали участие в религиозно-спортивных состязаниях, которые устраивали ольвиополиты на празднествах в честь Ахилла, Аполлона, Деметры, Афины и других божеств. Победители в них посылались на спортивные состязания в другие греческие города, в том числе в Милет и Афины, а также в такие крупные религиозные центры, как Олимпия, Дельфы, Делос, Дидимы. Возрастание роли гимнасия и воспитания будущих граждан полиса в эллинско-патриотическом духе диктовалось общим ходом культурного развития Ольвии в раннеэллинистическое время и значительным расширением ее связей с рядом городов Эгеиды и Понта, в каждом из которых были гимнасии. Местонахождение здания гимнасия возле агоры также указывает на то, что ольвиополиты придавали ему особое значение.

На противоположной стороне от гимнасия, с севера, стояла обращенная фасадом на агору большая многоколонная стоя, посвященная Зевсу Сотеру. «Впервые в античных городах Северного Причерноморья, — отмечала Е.И.Леви, — открыты остатки памятника, игравшего большую роль в архитектурных ансамблях Средиземноморья. Большая стоя агоры, построенная по лучшим образцам греческой архитектуры, является одним из примеров высокого строительного искусства ольвиополитов эпохи эллинизма. Замена каменных фундаментов слоевыми в связи с общим недостатком в камне была весьма удачным решением сложной задачи по созданию столь монументального портика и придала этому памятнику особый,

*Большая стоя. Реконструкция
С.Д.Крыжицкого и А.В.Буйских*

местный колорит». Здесь, особенно в ненастные или жаркие дни, любили собираться ольвийские граждане.

Кроме того, с восточной и западной сторон от агоры находились здания с торговыми рядами, в которых располагались лавки по продаже различных продуктов и товаров. Обращенные на площадь фасады были оформлены в виде неглубоких портиков, придававших им более нарядный вид. Предполагалось, что за глухой стеной восточного ряда на нижележащей террасе находился театр. Все попытки найти его остатки пока не увенчались успехом, хотя по надписям точно известно, что он в раннеэллинистическое время уже был построен и в нем не только шли театральные представления, но и проводились народные собрания, на которых награждали золотыми венками заслуженных граждан. По многим соображениям наиболее целесообразно было разместить его в террасном районе Ольвии, откуда открывался прекрасный вид на лиман и противоположный берег.

У пересечения Главной продольной и Западной улиц возле агоры было сооружено здание суда (дикастерий) общей площадью более 800 кв. м на мощных слоевых основаниях. В нем происходили различного рода заседания, связанные с уголовными делами и другими нарушениями гражданских прав. Во время его раскопок найдены амфорные черепки с прочерченными и написанными краской мужскими именами тех ольвиополитов, которые подвергались изгнанию из государства за преступления.

Произошла коренная перестройка и на обоих сакральных участках. При исследовании Восточного теменоса (что затем подтвердилось и в соседнем Западном теменосе) было установлено, что к этому времени разница в уровнях дневной поверхности внутри их и на прилегающих к ним улицах достигла почти полутора метра. К этому следует добавить, что значительно повысился культурный слой на территории жилых кварталов. Теменосы, где постоянно происходила уборка и захоронение «священного мусора» в ямах, оказался, таким образом, в низине. Вследствие этого расположенные недалеко от них богатые двухэтажные жилые дома могли возвышаться над храмами. Поэтому для поднятия общего уровня в сакральных зонах и возведения на них новых культовых сооружений были насыпаны мощные глиняные площадки.

В Восточном теменосе был возведен новый Дельфинион с центральным алтарем, сокровищницей и каменным архивом. Рядом с ним был сооружен небольшой храм Зевса. Очевидно, начало преобразований в ольвийском Дельфинионе стимулировалось возобновлением союзного договора между Милетом и Ольвией, возродившем во многом духовную связь ольвиополитов с метрополией их предков. Как и милетский Дельфинион, ольвийский становится главным духовно-религиозным и идеологическим центром полиса. В нем устанавливались, как и раньше, не только посвятительные памятники Аполлону Дельфинию, но и различные декреты. Их количество значительно увеличилось в IV–III вв. до н. э. Вследствие этого правомерно считается, что здесь находился «каменный архив». Почетные декреты выставлялись в основном возле храма Аполлона. От портика у Главной продольной улицы к нему была проложена каменная дорожка. В теменосе обнаружены декреты в честь иностранцев из разных греческих городов. За заслуги перед Ольвией им предоставлялись торговые льготы и почетное гражданство, а также другие почести.

В Западном теменосе перестройки были сравнительно скромнее. Но и здесь были сооружены новые каменные алтари, ограды, портики, пропилеон, небольшие здания с полуподвалами, которые служили для хранения культового инвентаря, устройства мастерских и для других нужд святилищ. В северо-восточном углу теменоса стояло большое каменное здание, очевидно, гептадейон, в котором заседала коллегия Семи. Рядом с ним и вдоль всей восточной части теменоса была устроена уникальная вымостка из крупных привозных булыжников, доставленных в виде баласта в Ольвию на кораблях из Эгеиды. В настоящее время от нее сохранилась лишь совсем небольшая часть.

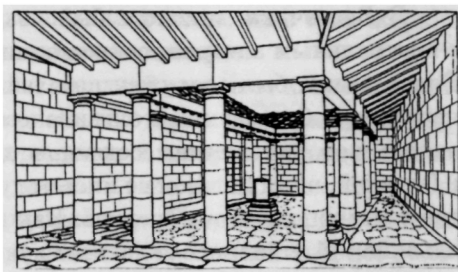

*Остатки культовых сооружений
в Западном теменосе*

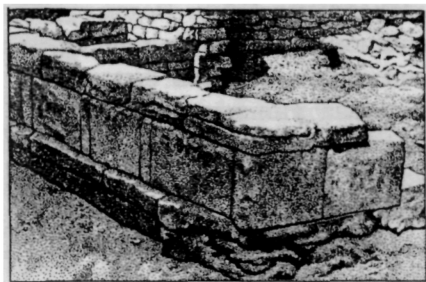

В период расцвета особенно преобразились жилые кварталы. За относительно короткое время были построены и перестроены многие дома, увеличена их площадь, улучшено благоустройство, отдельные из них имели портики и украшались архитектурным декором. Жилые здания в основном строились по Г-образной форме с внутренним двором и состояли из отдельных помещений, количество, площадь и убранство которых зависели от социального статуса ольвиополитов. Так, в Верхнем и Нижнем городе открыто два сравнительно больших дома, в которых полы андронов были выложены мозаичными узорами из синей, желтой и белой гальки. Лучшее сохранилось мозаики в доме возле «Зевсова» кургана с изображением идущих грифонов, львов, пантер и кабанов. В центре выложенного каменными плитами двора дома в Нижнем городе стоял каменный алтарь. На нем его хозяева совершали жертвоприношения и возлияния в честь особенно почитаемых божеств – Кибелы и Афины. Исследователи этих домов предложили их различные графические реконструкции, которые показывают, каких больших успехов достигли ольвиополиты в архитектурном оформлении жилых домов.

В процессе столь значительных строительных работ, направленных в основном на улучшение жизни и культурные преобразования, большое внимание уделялось благоустройству улиц и площадей. К этому времени относятся многие откры-

*Двор с алтарем в жилом доме.
Реконструкция Н.П.Калачева*

*Каменная стена жилого дома
в Нижнем городе*

тые вымостки, состоящие в основном из битых черепков и черепицы, мелкого щебня и известняковой крошки. Под вымостками некоторых улиц были проложены каменные стоки канализационного назначения и для отвода дождевых вод, с выходом за оборонительные стены. Мусор вывозился в основном на городские свалки. В жилых кварталах ольвиополитов открыто огромное количество ям, в которые они также сбрасывали мусорные отходы, в том числе разбитые сосуды и старые, непригодные к употреблению разнообразные изделия из железа, бронзы, кости, камня. Сейчас они служат археологам неоценимым источником для изучения материальной культуры, развития ремесел и быта ольвиополитов.

*Каменный водосток
в Нижнем городе*

Для снабжения водой устраивались колодцы и большие цистерны в подвалах и дворах жилых домов, а также общественных зданий и в сакральных зонах. Вода для цистерн привозилась из естественных источников. Самые глубокие цистерны (9 и 9,10 м) открыты в Восточном теменосе и в жилом доме возле Главной улицы. Большие запасы воды некоторые граждане делали в основном на зиму, когда трудно было доставлять ее из источников в Нижнем городе. Здесь чаще всего строились неглубокие каменные колодцы вдоль улиц и во дворах жилых домов. В большинстве случаев производился специальный каптаж источников для направления воды в близлежащие домашние колодцы через каменные водопроводы, а для подачи воды на более далекие расстояния использовались гончарные трубы. В конце IV – начале III вв. до н. э. были созданы две гидросистемы агоры, состоящие из большого каменного водоема, гончарного водопровода, обложенного каменными плитами, круглой цистерны, вырытой в материковой глине, и подземной галереи. В общем весь комплекс является неоспоримым свидетельством высокого инженерного и строительного искусства ольвиополитов.

Творческая инициатива проявилась также в других отраслях хозяйственно-ремесленной и культурной деятельности: массовом производстве местной керамической посуды, в том числе и художественной, разнообразных изделий из металлов и кости. Впервые за весь период существования Ольвии началось широкое изготовление памятников каменной скульптуры и терракотовой пластики, терракотового декора с рельефными украшениями и изображениями мифологических персонажей. В городе были организованы отдельные мастерские скульпторов и коропластов, отличительной особенностью которых было стремление к самостоятельным поискам. Мастера не ограничивались переработкой заимствованных образцов и использованием только привозных форм, но создавали самостоятельные и оригинальные художественные произведения.

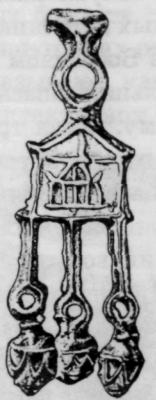

*Мать с ребенком,
Гермес и Харон
в лодке.*

Погребальная ваза

*Полуфигура Деметры.
Терракота*

*Подвеска с изображением
пятиколонного храма*

ПРЕОДОЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КРИЗИСА И ПЕРВЫЙ ЗАКАТ

В жизни все непостоянно:
Звезды, беды и богатство.
Неустойчивое счастье
Неожиданно исчезло,
Миг – и радость возвратилась,
А за нею – вновь печаль.
Софокл

Столь стремительный подъем во всех сферах жизни населения Ольвийского полиса длился сравнительно недолго. Уже с начала второй трети III в. до н. э. наблюдается постепенный экономический кризис, повлекший за собой и упадок в духовной культуре. Значительные изменения произошли в государственном устройстве. От радикальной демократии ольвиополиты постепенно перешли к элитаризации всей власти, когда основную роль начали играть коллегии магистратов, состоявшие в большинстве случаев из представителей олигархических родов. Они начали вносить в Совет, а затем и в Народное собрание проекты наиболее важных постановлений. В период расцвета ольвийские граждане пользовались более широкими политическими правами. На какое-то время здесь установилась практика издания декретов в основном от имени всех ольвиополитов. Со второй половины III в. до н. э. она была упразднена и заменена на формулировку: «Совет и народ постановили...», что явственно указывает на ограничение прав большинства граждан и преимущественное влияние Совета, куда обычно входили богатые граждане. В критических ситуациях большинство из них не воспринимало пожелания рядовых и малоимущих ольвиополитов, находившихся в их полной зависимости.

В каталоге ольвийских жрецов-эпонимов, сохранившемся частично на большой мраморной плите, отмечены через определенные промежутки имена отцов и сыновей. Последние явно занимали в свое время те же должности, что и их отцы. При этом важно отметить, что не все из них вели свое происхождение из аристократических родов первопоселенцев. В период столь зна-

чительного экономического развития сумели обогатиться многие граждане, в том числе и получившие гражданские права иноземцы. Благодаря этому они могли исполнять высшие государственные должности. В Ольвии имеются достоверные источники о том, что лишь отдельные олигархии предпринимали все возможное для улучшения ее экономического положения и занимались благотворительной деятельностью в интересах всего полиса ради сохранения его свободы и дальнейшего процветания.

Обширная сельскохозяйственная округа Ольвии вновь и уже надолго прекратила существование. Очевидно, лишь поблизости от города оставались не заброшенными отдельные поселения, снабжавшие ольвиополитов зерном и другими продуктами. В особенно тяжелые годы обеспечение горожан происходило за счет привозного хлеба, местных промыслов, в особенности рыбного. С международной арены навсегда исчезла Великая Скифия, символом которой в Степи оставались лишь высокие курганы. На смену ей в северопричерноморские степи пришли многие разрозненные группировки варваров, среди которых самыми многочисленными и мобильными были разные сарматские племена, первоначально совершавшие только грабительские рейды на греческие города с требованием дани.

Главными причинами сложившейся тяжелой обстановки в Ольвийском полисе считаются взаимосвязанные между собой непрерывные угрозы варваров, войны и неурожаи в засушливые годы, а также нехватка продуктов питания в результате потери большой сельской округи. По отдельным эпиграфическим источникам видно, что около 260 г. до н. э. Ольвия была втянута в военные действия между Истрией и Каллатисом, с одной стороны, и Византием, – с другой, за контроль над морским портом западнопонтийского города Тома. Вследствие этой войны ее отношения с родственной и наиболее близкой в идеологическом аспекте Истрией были нарушены. Ольвия поддержала более важного для нее партнера – Византий, который контролировал узкие проливы в Пропонтиде. Немаловажными в данном конфликте были и торгово-территориальные притязания истрийцев в регионе между Дунаем и Тилигульским лиманом. Но несоиз-

меримо в большей мере ольвиополиты страдали из-за постоянно-го, говоря современным языком, террора, пленения ольвийских граждан ради выкупа, вымогательств дани царями и вождями воинственных кочевников, постоянных угроз нападения и даже полного уничтожения их города.

Почетный декрет Протогена и его благотворительная деятельность. Наиболее достоверное представление о постигшем Ольвию бедствии дает декрет в честь Протогена, сына Геросонта. Его по праву относят к одной из ярких и редкостных жемчужин понтийской античной эпиграфики. Во всех отношениях он представляет собой уникальную, талантливо написанную хронику Ольвийского государства в связи с эвергетической деятельностью его выдающегося гражданина в тяжелейший период жизни ольвиополитов. На мраморной прямоугольной плите с двух сторон мелкими и тщательно вырезанными буквами зафиксированы свидетельства о разных племенах и их контактах с городом, сложности во взаимоотношениях элитарной верхушки с простыми членами гражданской общины, попытки

преодоления голода и страха перед угрозой нападения варваров. Здесь отражен и ряд моментов, характеризующих психологическое состояние демоса в период кризиса, столкновение доброты и злобы, проявление патриотизма и безразличия к судьбе отчизны, моральное падение отдельных личностей и величие души – других.

Такому его восприятию помогают введенные в канву декрета отдельные эпизоды: прибытие в Канкит царя Сайтафарна, постоянно требовавшего от ольвиополитов дани и драгоценных даров, отдача под залог священных сосудов и их выкуп у ростовщика, закупка больших партий хлеба во время голода,

Фрагмент декрета
в честь Протогена

гнев сарматского царя и страх демоса перед его наступлением, полное безразличие многих зажиточных граждан к судьбе Ольвии и их бегство в канун нашествия галато-скиров из подвергнувшегося засухам и войнам края. Все эти и многие другие события совершались не одновременно, а на протяжении многих лет жизни и деятельности Протогена – приблизительно во второй половине III в. до н. э. Из декрета ясно, что это был наиболее тяжелый период в истории полиса.

Почти единодушно исследователи ольвийской хоры считают, что в основной части она была потеряна около середины III в. до н. э. В декрете также не имеется сведений о том, что голодающий город еще владеет какими-то поселениями. Только в двух случаях указано, что «вместе с тем в стране случилось много других печальных событий». В данном контексте следует понимать приольвийскую полисную территорию, так как рассказ касается ольвиополитов. Возможно, в этом пассаже отмечен тот факт, свершившийся десятилетия тому, когда в связи с войнами и неурожаями им пришлось оставить значительную часть аграрной зоны. Отмечено также, что Протоген никого из откупщиков податей не выгнал из их владений, которыми, вполне вероятно, назывались хозяева ольвийских усадеб.

Социально-экономический кризис охватил многие регионы на Балканах, в Малой Азии и Причерноморье. Неурожаи вызвали катастрофический недостаток хлеба и даже голод, особенно в среде беднейших слоев населения. Вместе с этим, постепенные экологические изменения на обширных территориях (возможно, несколько лет подряд длившаяся засуха) стали причиной небывалого до того времени движения разных племенных объединений. Основные их силы, естественно, были тоже направлены на поиски всего необходимого для выживания, в результате чего участились грабительские нападения на города, святилища и корабли.

Исходя из Протогеновской хроники, с запада Ольвии угрожали галаты и скиры, с севера и востока – скифы, савдараты, тисаматы и, особенно, сайи во главе с Сайтафарном. Впервые в ольвийском документе засвидетельствовано такое четкое размежевание и наименование этнонимов угрожавших городу разных

племен. Ольвиополиты, несомненно, хорошо знали эти воинственные группировки, благодаря доходившим к ним так или иначе рассказам и слухам.

Сравнение с этнографической картой Геродота представляет неоспоримое доказательство того, что Ольвия не имела постоянных соседей со стороны Степи. К этому времени из поля ее зрения совсем исчезли каллипиды и алазоны. Более того, упоминание скифов, пытавшихся найти какое-нибудь укрепленное место, свидетельствует о том, что это племя было уже численно небольшим, разгромленным сарматами и вытесненным ими из Приазовья и Поднепровья. Возникновение многих укреплений в Северо-Западном Крыму во второй половине III – первой половине II вв. до н. э. было вызвано, видимо, тем, что упомянутые в декрете скифы стали инициаторами и основателями небольшого скифского царства в этом регионе.

В протогеновское время сильнейшими среди многих племен считаются галаты (исторические кельты) и сарматы. Однако те завоевательские походы, которые часто приписываются галатам в отношении Ольвии, кажутся все-таки преувеличенными. Вряд ли именно галаты, проводившие активную военную деятельность на Балканах и в Подунавье еще в первой половине III в. до н. э., стали единственными виновниками гибели ольвийской хоры, которая якобы была полностью ими уничтожена вследствие нескольких опустошительных рейдов.

Если вдумчиво прочитать текст декрета в честь Протогена, то становится совершенно ясно, что галаты вообще не доходили до границ Ольвийского государства. Тем более не может быть речи об их нескольких грабительских нападениях. Нет сомнения, что если бы галаты в союзе со скирами напали на Ольвию, то она, как и во время гетского нашествия, была бы полностью разгромлена и разграблена. Ведь в рассматриваемом документе четко сказано, что «перебежчики сообщили, что галаты и скиры образовали союз и собрали большие силы, которые и появятся зимой». Из-за таких слухов в городе началась паника, а иноземцы вообще уехали отсюда. Однако оставшиеся жители предприняли все возможное для укрепления города. В декрете не имеется даже намек на то, что галато-скирский союз совершил-таки

грабительское нападение на Ольвию или ее поселения. Отсутствие массовых убийств, пожаров и разрушений – явное свидетельство того, что хора была оставлена населением, забравшим с собой все имущество, как и в предшествующие периоды, когда появлялась угроза варварских нашествий. Тисаматы, савдараты, скифы, сайи не менее страшили ольвиополитов, чем более далекие галаты и скиры.

Несомненно, что ольвиополиты были хорошо осведомлены о походах галатов, вторгшихся в Македонию и захвативших значительную часть северной Эллады, дойдя до границ панэллинского святилища Аполлона в Дельфах. Разгром галатов возле этого знаменитого святилища все эллины восприняли с радостным ликованием. По случаю этих событий были учреждены ежегодные празднества с жертвоприношениями и агонами – сотерии. Считалось, что победа произошла благодаря помощи почитаемой в Дельфах семейной триады – Лето, Аполлона и Артемиды, а также Зевса Сотера. Жители Ольвии слышали о воинственности и силе галатов, что и стало истинной причиной их паники, бегства некоторых граждан и ксенов. Возможно, что многие из них возвратились после той злосчастной зимы, когда галато-скирский военный поход не состоялся. Однако в данном аспекте весьма любопытно, что галаты собирались напасть именно на Ольвию. Косвенным образом это показывает, что она действительно достигла больших экономических успехов, если представляла интерес как один из важных городов для нападения и разграбления.

Относительно периодических набегов сарматов в Днепро-Бугском регионе во второй половине III в. до н. э. существуют диаметрально противоположные точки зрения. Одни исследователи считают сайев сарматами (или царскими сарматами), другие – не менее убеждены в том, что это царские скифы. Тот факт, что Сайтафарн только наездами требовал даров, к тому же находился на «том берегу» (то есть на левобережье Гипаниса или же даже Борисфена, так как владения ольвиополитов простирались до Нижнего Приднепровья), а также ранее неизвестный в Северном Причерноморье этноним не могут вызывать сомнения о его принадлежности к сарматскому этносу, начавшему выходить на

широкую международную арену. При этом нельзя игнорировать знания ольвиополитов, которые в декрете отмечают конкретные названия независимых от них племен и объединений, в том числе и скифов, которых они хорошо знали.

Таким образом, жизнь Протогена протекала в те годы, когда внешнеполитическая обстановка становилась крайне опасной, близкой к той, которая таки случилась, но намного позднее, когда жителям Ольвии пришлось на какое-то время совсем оставить город в связи с нашествием гетов под предводительством Буребисты. Естественно, такое тяжелейшее экономическое положение в той или иной мере затронуло все слои населения. Необходимо отметить, что большинство граждан не было аполитичным, а тем более – Протоген. Согласно всей информации декрета, он не стал ни выдающимся государственным деятелем, ни предводителем военно-политических сил; очевидно, ни разу не избирался в коллегию архонтов или стратегов. Во всяком случае, если бы это было так, то вряд ли ольвийский «летописец» при перечислении его должностей забыл бы отметить и столь важные в государственном строе Ольвии магистратские должности. Первые фразы декрета указывают на генетическую, унаследованную от отца, благосклонность к народу и на его умение говорить, то есть выступать на народных собраниях с речами – советами и увещаниями.

Поскольку его отец Геросонт принадлежал к зажиточным гражданам и в городе при его жизни функционировал гимнасий, то Протоген, конечно, получил образование, очевидно, даже высшее, изучал ораторское искусство и прекрасно знал математику. С одной стороны, об этом может свидетельствовать гуманизм его мировоззрения, а с другой, – ярко выраженное рациональное мышление, умение удачно и безошибочно проводить сложные финансовые операции не только с целью собственной прибыли, но и для обогащения полиса, улучшения его экономического состояния, освобождения от внешних долгов и т. д.

Декрет информирует об эвергетической и взаимосвязанной с ней политической и финансовой деятельности Протогена. Он был избран членом коллегии Девяти, прерогативой которой являлись полисные финансы, а также на должность казначея –

верховного распорядителя финансами. Он оперировал важнейшими городскими доходами, удивляя сограждан справедливостью и мягким поведением с теми, кто вследствие тяжелых экономических обстоятельств не мог выплачивать в определенные сроки подати и долги. Как показывает автор декрета, Протоген не выгонял из домов (а значит, были такие, что выгоняли за долги) и не отбирал ничего из имущества. Очевидно, такая практика существовала и являлась закономерной в государственной политике Ольвии. Протогену его филантропия засчитывается как одна из его многих заслуг и, вероятно, совсем незначительных, так как стоит на последнем месте в декрете.

Понятно, что не все ольвийские казначеи могли и хотели за свой счет погашать городские долги. Беднейшим он вообще отпускал долги, другим удлинял срок уплаты податей без учета процентов. С самого начала, когда его избрали членом Девяти, Протоген внес в государственную казну 1500 золотых статеров в счет будущей прибыли для покупки даров Сайтафарну и скипетроносцам. В должности казначея Протоген пробыл три года и за это время сумел освободить город от всех долгов и процентов. Из других декретов (например, в честь родосца Гелланика или трех сыновей херсонесита Аполлония) известно, что в тяжелые времена своей истории Ольвия вынуждена была брать большие кредиты у иностранцев.

В освобождении полиса от долгов проявились бескорыстность и гуманность Протогена. Он простил задолженность и тем, кто задолжал его отцу, очевидно, уже умершему, и самому себе на общую сумму 6000 золотых статеров. Во время такого тяжелого положения должность казначея являлась важнейшей, почетнейшей и наиболее ответственной в голодающем городе, ибо именно она требовала добродетельного служения демосу, собственной порядочности и бескорыстности, а также разумного проведения финансовой политики. Об исполнении своих обязанностей Протоген ежегодно отчитывался перед Народным собранием и за безупречную работу избирался трижды, хотя такие магистратские должности, как и другие в демократической Ольвии, должны были быть одногодичными. В декрете особенно подчеркнуто как большая заслуга Протогена, что демос, несмотря

даже на конституционные установления, только ему доверил в тяжелое время финансовые дела на протяжении трех лет. В особенно кризисных ситуациях это был единственный выход для спасения полиса. Его финансы рискованно было доверять тем, кто не имел средств.

Сразу же, как только в Ольвии было налажено финансовое хозяйство, Протоген приостановил исполнение обязанностей верховного казначея. Если бы в данном случае на самом деле произошло серьезное нарушение демократических правовых норм и Протоген стремился бы к захвату единоличной власти, то в таком тяжелом положении, в каком находилась ольвийская община, безусловно, ему удалось бы это совершить при помощи подачек, подкупа и обещаний. Тем более, если бы Протоген действительно был тираном, коммерческим монополистом, мироедом и ростовщиком, каким его иногда представляют некоторые ученые, то ему удалось бы исполнять обязанности главного финансиста полиса, даже не внося в казну собственных денег, а манипулируя финансовыми операциями и распродавая имущество граждан-должников и неплательщиков налогов. Ситуация в Ольвии была очень удачной для захвата власти и установления единоличной тирании. Ведь весь эллинский мир был охвачен кризисом и даже разрушением старых полисно-демократических основ.

Однако в декрете нарисована совершенно иная картина. И представляется, что если бы Протоген олицетворял только черты ростовщика, эксплуататора и монополиста, мы бы никогда не увидели такого документа, который оставили нам ольвиополиты о своем знаменитом гражданине. Очень рискованно сквозь призму лишь одного Протогена делать окончательные выводы о том, что в III в. до н. э. руководящие должности занимали только представители богатой знати, если это даже и соответствовало историческим реалиям. Относительно именно такой политической ситуации сохранилось очень мало надежных и конкретных документов.

Кроме финансовой, Протоген занимался также организационно-строительной деятельностью. Причем и этот род деятельности был вызван угрозой возможного нападения галато-скиров.

Город все еще оставался не обнесенным со всех сторон оборонительными стенами. Демос приглашал всех зажиточных людей помочь и не допустить, чтобы отчизна оказалась под властью врагов, но никто, кроме Протогена, не откликнулся на просьбы и призывы сограждан. Это подчеркивается в декрете и, очевидно, не только для того, чтобы еще больше оттенить самопожертвование Протогена, а скорее потому, что так оно и было. Не все люди, где и когда бы они ни жили, наделены чертами альтруизма и глубочайшей преданности своему народу и земле.

Выступая на народных собраниях, Протоген пообещал «сам построить две стены» за 1500 золотых статеров и сразу же после этого принес на собрание часть этой суммы в виде залога. Более того, во время строительства стен он лично руководил работами. В результате все это обошлось без убытков для города. Отстроил он также две старые башни возле больших ворот, очевидно, с северного въезда в Ольвию, и прясло стены возле башни Посия. За его счет были отремонтированы житница, где сохранялось общественное зерно на случай неурожая или войны, пилон возле выставки товаров и государственные корабли. В.В.Латышев прав в том, что при общем патриотическом подъеме демоса перед угрозой нападения галатов все сделали в течение года.

При жизни Протогена Ольвия вынуждена была неоднократно выплачивать дань царю Сайтафарну. Судя по всему, подвластное ему племя сайев не подходило непосредственно к самому городу, тем более не был в нем и царь. Не известно даже, на берегу какой реки он останавливался с воинами, имел ли в ближайших к Ольвии местах постоянную базу, где необходимо искать Канкит, в котором проездом остановился Сайтафарн, требуя даров от ольвиополитов. Сайи вряд ли часто переходили Гипанис, а тем более Борисфен, так как через эту реку было труднее всего переправляться. Царю достаточно было послать доверенных лиц, чтобы уведомить о прибытии за очередным форосом. В нескольких случаях Протогену приходилось давать свои деньги для уплаты дани сарматскому царю, не желавшему пойти на уступки ольвиополитам в связи с их тяжелым положением и невозможностью выплачивать ее и постоянно преподносить дорогие дары.

Упоминается участие Протогена в очень рискованной посольской миссии к Сайтафарну. Из-за отсутствия средств в городской казне Протоген и Аристократ, взяв 900 золотых статеров, отправились к Сайтафарну, однако его не удовлетворила принесенная сумма. Разгневанный царь выступил походом против Ольвии. Текст декрета в этом месте оборван, и вообще не ясно, чем закончилась такая угроза. Исходя из того, что о ней столь детально рассказывается в почетном декрете, все в конце концов удалось урегулировать в пользу ольвиополитов – естественно, снова-таки с помощью золотых статеров Протогена. Неизвестно, в какую сумму обошлась для него угроза Сайтафарна разгромить его родную Ольвию. Очевидно, царя не удовлетворила последняя сумма потому, что она должна была быть больше той, которую принесли послы: по договору ольвиополиты платили ежегодную дань, но сайи, находясь на больших расстояниях, прибывали за ней sporadически, и тогда сумма значительно возрастала.

Косвенным образом это также свидетельствует о том, что сайи не относились к местным скифам, а время от времени появлялись с востока, по-видимому, из-за Дона, только за тем, чтобы получить очередной форос. Если это так, то военный отряд Сайтафарна состоял из всадников, был небольшим, но мобильным, хорошо вооруженным, наводившим страх на всех, кто встречался на его пути или отказывался платить требуемую дань. Какое-то время он держал под контролем не только эллинов, но и небольшие племена кочевников в Степи.

Много полезного сделал Протоген и в те годы, когда на Ольвию обрушился голод. При жрецах Геродоре и Плейстархе – а это соответствует двум годам – с его помощью в полисной житнице было заготовлено достаточное количество хлеба. Удачные финансовые расчеты и услужливость Протогена принесли денежные прибыли и значительное количество хлеба для ольвийского демоса, несмотря на неурожайные годы. За это время Протоген продал в рассрочку и по дешевой цене за год 4500 медимнов пшеницы (около 11250 пудов). Автор декрета не раскрывает, каким образом Протоген, даже при неблагоприятных климатических условиях, имел столь большое количество зерна и денег. Неизвестно также, владел ли он собственными землями

и кораблями. Так, для перевозки камня при сооружении оборонительных стен использовались разные частные суда за оплату, пока Протоген не профинансировал ремонт прохудившихся государственных судов.

Благотворительная деятельность Протогена, согласно декрету, продолжалась на протяжении всей его жизни, хотя и нельзя точно установить хронологию его эвергетики по отдельным годам. Хронист и не ставил перед собой цель раскрыть год за годом все действия эвергета. Отсутствует четкая хронология и в той части декрета, которая размещена на лицевой части плиты. Возможно, в Ольвии не велись ежегодные хроники. Но так ли важна эта хронология для документа об эвергетике? В первую очередь, в нем отражены важнейшие моменты благотворительной деятельности Протогена, навсегда оставшиеся в памяти ольвийских граждан, и те события, которые происходили в полисе незадолго до его смерти. Он сыграл значительную роль в сохранении автономии Ольвии. Об этом свидетельствует прежде всего постоянное предупреждение нападений Сайтафарна. Экономическая зависимость от этого царя, которому необходимо было периодически платить дань и преподносить дорогие дары, становилась все более обременительной, особенно в те годы, когда наступал сильный голод. В критических ситуациях, когда Сайтафарн угрожал войной, ольвиополиты вынуждены были отдавать последнее, лишь бы избежать столкновений с варварами. И, во многих случаях благодаря Протогену, Ольвия сумела так выстоять в этом противоборстве.

Для ольвийского демоса многое значило и то, что Протоген за 100 золотых статов выкупил священные сосуды, которые архонты заложили иноземцу Полихарму для получения средств на городские нужды. Когда срок возврата денег миновал, Полихарм решил переплавить эти драгоценные сосуды из храмовой сокровищницы. Сумма, уплаченная Протогеном за их возвращение в святилище, была самой маленькой среди всех его пожертвований, однако она отмечена в самом начале декрета. Очевидно, как для демоса, так и для Протогена эти сакральные вещи имели особое значение. Они символизировали верность ионийским традициям и полисным божествам. Потерять их – значило бы

похоронить в себе часть того, что духовно соединяло жителей Ольвии и в тяжелейшие времена.

Благодаря Протогену, ольвиополиты сумели в голодные годы обеспечить себя хлебом: «И когда при жреце Плейстархе снова случился сильный голод и хлеб продавался по одному и два третих медимна за золотой статер, но было очевидно, что будет дороже, — как и стал вскоре же продаваться медимн по одному и две третих золотого, -- и потому народ испугался и считал необходимым сделать закупку хлеба, а для этого приглашал зажиточных оказать услуги, Протоген первый, когда состоялось собрание, обещал на закупку хлеба 1000 золотых статеров, которые немедленно принес и дал, из того числа 300 без процентов на год, и, дав всю сумму золотом, получил медью из 400; первый же обещал 2500 медимнов пшеницы, из которых 500 дал по четыре и одной шестой медимна (за золотой статер), а 2000 по два и семь двенадцатых медимна за золотой статер, и между тем как другие, предложившие хлеб в это время, немедленно получили следовавшие им суммы из доставленных денег, он, оказав снисхождение на год, получил деньги без всяких процентов, и вследствие этой услужливости Протогена народу было доставлено много денег и немало хлеба...». Как видно, и в этой торговой операции Протоген сыграл главную роль, заслужив справедливой деятельностью благодарность ольвиополитов.

На оборотной стороне стелы упоминаются и давно минувшие события: страх перед наступлением галатов, подготовка всех имеющихся сил для борьбы с ними, срочное строительство оборонительных стен и ремонт старых, освобождение города от всех долгов, погашение таковых всем своим должникам и должникам отца на общую сумму 6000 золотых статеров. Последняя сумма была довольно значительной для того времени. В общем Протоген истратил на пожертвования городу и его демосу более 15000 золотых статеров (50 талантов).

Поскольку в декрете сказано, что он всю жизнь «продолжал говорить и действовать лучшим образом», эту сумму (учитывая сложность выяснения действительной хронологии его эвергетики) можно разделить на тот отрезок времени, когда он мог тратить собственные средства на пожертвования. Если предположить, что

он прожил минимум 50–60 лет, то приблизительно за 30 лет он вполне мог истратить определенную сумму собственных прибылей на эвергетию.

Ни в одном случае автор декрета не намекает на то, что во времена Протогена, при существовании в Ольвии разных социальных прослоек населения, случались такие ситуации, когда какая-нибудь группа людей считала возможным поднять бунт против более зажиточных. Не имеется в нем сведений и о том, что этот заслуженный ольвиополит вынужден был пойти на такие пожертвования. Якобы он лишь потому погасил долги, что боялся должников, а также вследствие сильных волнений среди незажиточного населения, требовавшего отмены долговых обязательств. Если бы Протоген, помогавший соотечественникам на протяжении всей жизни, за что неоднократно увенчивался золотыми венками, действительно вынужден был погасить долги, боясь должников, то автор декрета не отметил бы этот факт как одну из важных его заслуг перед демосом. Награждение золотым венком, как видно и из других декретов, происходило на Народном собрании. Такая почетная награда присуждалась только в том случае, если тот или иной ольвиополит действительно отличился своей деятельностью перед демосом, способствовал его процветанию или героически погиб, защищая соотечественников.

Благотворительную деятельность Протогена необходимо оценивать в совокупности. Из многих эпиграфических памятников эллинистического времени известно, что именно в этот период наибольшее развитие получила эвергетия разных уровней и в разных государствах. На фоне благотворительности отдельных граждан аристократического происхождения, среди которых, естественно, были и такие, которые стремились завоевать славу знаменитых эвергетов или же занять выгодные государственные должности, Протоген выделяется не только значительными многолетними и разнообразными пожертвованиями, добротой и благосклонным отношением к согражданам.

Осознание гражданского долга, благочестие и взаимопонимание, что связывали его с демосом, не позволили ему оставить город ни перед возможным нашествием галато-скиров, когда

многие бежали, ни в голодные годы, когда ольвиополиты запа-
сали зерно, ни во времена домогательств дани Сайтафарном
и его угроз разгромить и разграбить Ольвию. При его богатстве
Протогену было совсем просто уехать отсюда навсегда и жить спо-
койно в любом эллинском городе. Однако он всю жизнь оставался
с народом. В его декрете названы и другие зажиточные люди, но
они даже из меркантильных соображений не следовали его при-
меру: отмалчивались или же покидали город, чтобы не потерять
имущество. Исходя из этого, видно, что судьба полиса их мало
волновала. И на фоне таких людей Протоген также выступает
как неординарный деятель и гражданин, строго придерживаю-
щийся полисных традиций верности коллективу ольвиополитов.

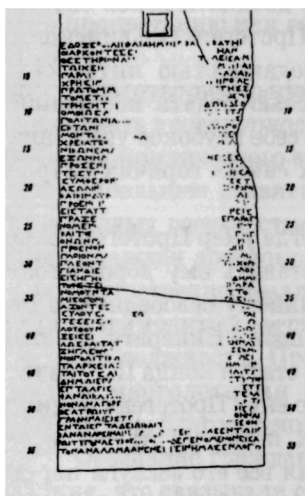
В декрете его образ выступает как важный элемент мораль-
ной и политической жизни Ольвии, олицетворяя выразительную
систему духовных и этических ценностей, в которой большое зна-
чение имели защита и пропаганда полисных традиций единства
гражданской общины. Заслуженная оценка его деятельности
дана В.В.Латышевым, в которой вряд ли следует видеть какие-
либо преувеличения: «Каковы бы ни были оказанные ему поче-
сти, они исчезли без следа, но мрамор сохранил благодарное
слово сограждан о его заслугах и более двадцати веков спустя
воскресил из забвения благородное имя Протогена Ольвийского,
который своею самоотверженною преданностью интересам
отечества, своею постоянною готовностью отдать последний
грош на его нужды невольно внушает к себе глубокое уважение
и заслуживает почетного места в рядах самых горячих патри-
отов всех времен и народов!»

Вполне вероятно, что в то время, когда умер Протоген, оль-
виополиты не имели возможности поставить ему дорогостоя-
щий памятник, как, например, безымянному освободителю от
пиратов острова Левке, Каллинику или позже Никерату. Не так
давно найденная надпись на постаменте статуи конца III – нача-
ла II вв. до н. э. свидетельствует о том, что внук Протогена Евник,
сын Евдора, отслужив должность жреца, посвятил статую свое-
го деда Аполлону Дельфинию. Учитывая все его заслуги перед
ольвийским демосом, Протоген, бесспорно, достоин намного
большего. Как бы то ни было, но хроника о его деяниях и зверге-

тии, хотя в ней и отсутствуют чересчур хвалебные эпитеты по сравнению с почетными декретами первых веков нашей эры, осталась навеки его наилучшим памятником. Благодаря ему, Протоген навсегда вошел в историю Ольвии и античного мира. Вместе с тем, декрет в его честь – уникальный документ об истории и экономическом положении Ольвии в тесном переплетении со множеством событий, которые в III в. до н. э. происходили не только в самом городе, но и в окружающем его мире.

Другие данные о преодолении кризиса. Без существенной поддержки государственных коллегий и стоявших во главе их деятелей вряд ли одному Протогену удалось бы достичь весомых результатов. Значительную роль в преодолении кризиса в третьей четверти III в. до н. э. играл Антестерий, отличившийся государственной и благотворительной деятельностью. За свой счет он починил транспортные и военные корабли, построил военный корабль, одержал победу в какой-то стычке с врагами, организовал ситометрию – то есть раздачу равных пайков хлеба и многое другое. В отличие от декрета Протогена, мраморная стела с текстом постановления в честь Антестерия сохранилась только по краям, все буквы на большей части ее поверхности были стер-

ты еще в древности. По прошествии какого-то времени она была вынесена из теменоса и уложена лицевой частью вверх на пороге жилого дома поблизости от агоры. «Трудно, однако, себе представить, чтобы столь важный государственный акт вместе (что особенно симптоматично) с высеченными на нем святынями – рельефами с изображением Аполлона Кифареда и алтаря – осмелилось бы в буквальном смысле попирать ногами следующее поколение сограждан выдающегося политического деятеля и эвергета, – писал Ю.Г.Виноградов. – Остается признать, что это было актом умышленного надру-

Декрет
в честь Антестерия

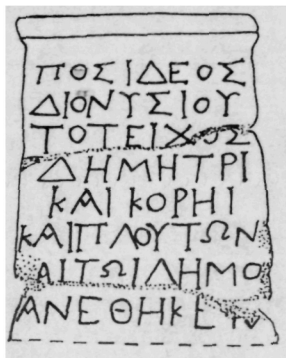
гательства: если Антестерий действительно изгнал из отечества противников существовавшего тогда государственного порядка, то им, вернувшимся через некоторое время на родину, ничего не стоило предать его имя особенно жестокой *damnatio memoriae*».

Зажиточные граждане

Ольвии в это время выделяли собственные средства на укрепление оборонительной системы города. Построенные башни и стены они посвящали отдельным божествам и обожествленным героям, которые, по их верованиям, более всего могли предотвратить вражеские нападения и угрозы. Посидей, сын Дионисия, посвятил стену элевсинской триаде – Деметре, Коре, Плутону и обожествленному Демосу. Насколько важными были такие благотворительные проявления ольвиополитов, свидетельствует строительная эпиграмма, в которой более детально раскрывается реальная деятельность одного из эвергетов: «Клеомброт, сын Пантакла, посвятил башню Гераклу и Демосу. Геракл, тебе и Демосу посвятил Клеомброт эту башню у берега этой реки, прекрасную на вид и защитницу всех граждан во время войны, превзойдя славу предков; за это счастливая отчизна вознаграждает бессмертными почестями потомка Пантакла». Отсюда ясно, что Ольвия только в преддверии вражеских нашествий начала возводить оборонительные стены с башнями и со стороны лимана. Не исключено, что в это время впервые появилась реальная угроза нападения с моря, если в разных документах отмечаются отдельные постройки оборонительной прилиманной линии.

*Во время находки декрета
в честь Антестерия*

*Посвящение Посидея,
сына Дионисия*

Фрагмент декрета
в честь родосца
Агесикла

Ольвийские деятели всячески привлекали для помощи городу иностранных граждан, которые по тем или иным причинам проживали в нем. Так, по фрагменту декрета в честь родосца Гелланика второй половины III в. до н. э. известно, что он не только оказывал услуги отдельным ольвиополитам, «содействовал всему полезному для города», но и собрал средства, из которых покупались дары и выплачивалась дань местным царям, а также выделялись

определенные суммы для устройства общественных жертвоприношений. В проксеническом декрете в честь другого родосца – Агесикла, сына Агесандра, также отмечается, что он оказал большие услуги городу, за что был удостоен прав гражданства и торговых привилегий. В свободном поле между пилястрами на мраморной плите с его декретом высечена в рельефе голова юного Гелиоса с пышной прической, скопированная с родосских монет.

Видимо, в этот тяжелый период и другие родосцы помогали ольвиополитам, что находит подтверждение в особой популяризации культа Гелиоса как главного покровителя Родоса, где в 407 г. до н. э. была воздвигнута его гигантская бронзовая статуя, которую причисляли к Семи чудесам света. Она служила символом государственной и торговой мощи родосцев. На ольвийских монетах второй половины III–II вв. до н. э., имитирующих родосские драхмы, изображалась голова Гелиоса и производилась перчеканка многих монет клеймом с головой этого бога на аверсе и изображением его коней на реверсе.

Декрет в честь сыновей херсонесита Аполлония, предоставившего Ольвии кредит в 3000 статеров золотом на определенный срок под какие-то проценты, также свидетельствует о ее тяжелом экономическом положении в третьей четверти III в. до н. э. Городские власти не смогли возратить ему вовремя одолженную сумму, которую начали требовать три его сына. Во избежание конфликта на Народном собрании ольвиополиты проголосовали

за то, что деньги будут возвращены, но без процентов, согласно предварительной договоренности с ними. За такие уступки в честь молодых херсонеситов был провозглашен декрет, восхваляющий и их отца, награжденного еще раньше «величайшими почестями». По отрывочно сохранившейся надписи и ее восстановлению, известны установка скульптурных изображений отца и сыновей, а также мраморной стелы с текстом декрета в святилище Аполлона, предоставление гражданства, увенчивание золотыми венками в театре на празднике дионисии, приглашение сыновей на угощение к жрецу Аполлона.

Храм Аполлона Дельфиния, имевший собственную сокровищницу, в которой за время расцвета города скопилось немало средств, также принимал активное участие в политической и культурной жизни. Члены ольвийского Совета с помощью коллегии Семи в святилище этого бога устраивали общественные приемы для иностранных граждан, торговцев, послов и других деятелей, которые так или иначе помогали ольвиополитам преодолеть кризис. Именно в этот период расширяется деятельность ольвийского Дельфиниона. В нем по традиции контролировались и защищались права почетных граждан, рассматривались жалобы о нарушениях законных прав и свободы ксенов и фео-ров. Не исключено, что в особенно тяжелые годы здесь давали обеды и для голодающих жителей Ольвии.

Для борьбы с продовольственным кризисом, а нередко и с голодом, в полисе избиралась специальная коллегия ситонов. Главная ее обязанность заключалась в оптовых закупках зерна государством. Затем оно перепродавалось населению по достаточно умеренным ценам, видимо, с расчетом на то, чтобы даже наиболее бедные жители могли приобрести его. Прекрасным памятником коллегии ситонов во второй половине III в. до н. э. является небольшая мраморная плита с рельефным изображением пяти ее членов у алтаря рядом со сценой трапезы и с посвяtitельной надписью: «Бывшие ситонами Феокл, сын Фрасиадама, Деметрий, сын Фокрита, Афеней, сын Конона, Навтим, сын Героксена, при секретаре Афенодоре, сыне Демагора, это изображение Герою Внемлющему посвятили». Внимание привлекают фигуры ситонов, в образах которых как бы запечатлены портретные черты, дающие общее представление об ольвийских

*Посвяtitельная
плита ситонов*

гражданах. Первый из них, Феокл, изображен у алтаря. Голова мужчины со слегка морщинистым лицом отличается правильными чертами. У него курчавые, коротко подстриженные волосы и такая же курчавая борода, мускулистая фигура. Деметрий одного роста с ним, имеет такую же прическу и бороду. Но волосы

на лбу уложены более аккуратно, глаза ярче, губы жестко сомкнуты, у рта – две глубокие морщины. У Афенея, стоящего анфас, лицо более широкое, с бугристыми щеками и круглыми глазами, обрамлено густой массой волос, соединяющихся с бородой. Он ниже ростом двух первых ситонов, но такой же, как и рядом с ним стоящий молодой Навтим с длинными прядями волос и короткой бородой. В маленькой фигуре секретаря Афенодора представлен юноша с небольшой головой и бородатым лицом. Каждый из них наделен индивидуальными чертами. Первые три ситона соответственно своему положению выглядят старше остальных.

Алтарь, у которого изображены ситоны, свидетельствует о том, что по традиции после успешного исполнения должностей, они, как и другие магистраты, приносили жертвоприношения тем божествам, покровительство которых более всего способствовало им в их нелегких мероприятиях по доставке хлеба и его продаже населению. Юноша с фиалой ведет жертвенного барана к алтарю. С правой стороны стелы изображена сцена ритуального пира, символизирующая благоденствие и полное умиротворение семейной пары: возлежащий на дорогом ложе бородатый мужчина с полным вина ритонном в поднятой вверх руке, сидящая с ним рядом на скамейке с резными ножками в богатом костюме женщина, маленький слуга-виночерпий стоит возле столика с яствами.

Благодаря предпринятым мерам, о которых сохранилось очень мало письменных свидетельств, оливииopolиты смогли выжить и на какое-то время лишь в определенной мере улуч-

шить положение в полисе. После затяжного хлебного кризиса, в наибольшей степени затронувшего Ольвию, которая не только потеряла значительную часть плодородных земель, но и раньше других подверглась непосильной дани со стороны сарматских царей, во всех античных государствах наступила временная стабилизация. Это непродолжительное затишье во многом совпадало с улучшением международной политической и экономической обстановки в Причерноморье. Отдельные лидеры в северопонтийских государствах вновь обратили внимание на упрочение политических и экономических контактов с более сильными городами в надежде на их поддержку в случае вторжения варваров.

Большую роль в их политике начали играть цари малоазийских эллинистических монархий. В 179 г. до н. э. был заключен первый мирный договор между некоторыми из них. Фарнак I Понтийский, Эвмен II Пергамский, Прусий I Вифинский, Ариарат IV Каппадокийский пришли к мирному соглашению ради сохранения своих территориальных владений. К нему незамедлительно присоединились и отдельные причерноморские города: Гераклея, Херсонес, Кизик, Месембрия, а также сарматский царь Гатал и армянские правители Артаксий и Акусиллах. Была ли среди них Ольвия, точно не установлено, хотя нахождение в ней многих малоазийских вещей, в том числе даже золотых и серебряных украшений, а также ее политическое положение и постоянные угрозы варваров (как скифов, так и сарматов), скорее всего, говорят о том, что этот город, как и западнопонтийский Одессос, вскоре заключил соглашение с Фарнаком I Понтийским. Интенсивные экономические связи были налажены с Пергамом.

Очевидно, если между Ольвией и Херсонесом продолжались старые дружественные отношения, то сложившаяся в регионе обстановка позволила и нижнебутскому полису хотя бы частично заниматься аграрным хозяйством на ближней хоре, расширить торговые связи с нижнеднепровскими городищами и стабилизировать экономическое развитие. Об этом свидетельствуют монументальные статуи отдельным божествам и заслуженным гражданам, а также увеличение приношений в святилища привозной керамики позднеэллинистического времени.

Подвиги Никерата. События, происходившие в Ольвийском полисе в первой трети II в. до н. э., наиболее точно описаны в декрете в честь Никерата, сына Папия. По количеству перечисляемых в нем событий и заслуг он значительно уступает декрету Протогена. Однако в нем также имеются отдельные сведения, бесспорно указывающие на присущий Никерату, как и знаменитому эвергету, «полисный патриотизм» и преданность гражданской общине, ее исконным традициям, ради защиты которых он даже жертвует своей жизнью.

Текст декрета Никерата вырезан тоже на мраморной плите. Надпись в отдельных местах повреждена, поэтому не вся отраженная в нем информация к нам дошла. Но в ней достаточно сведений для того, чтобы составить представление об этом военном, политическом и культурном лидере ольвийского общества, его характерных чертах и достоинствах, а заодно с этим, – и о положении города. Исходя из разных допущений о том, что Никерат погиб, будучи боеспособным и не старым, можно предположить, что он жил в пределах последней трети III – первой четверти II вв. до н. э., мог слышать о Протогене, читать его почетный декрет, что закономерно должно было повлиять на его мировоззрение и отношение к родному полису.

Первые строки Никератова декрета не сохранились, поэтому не известно, какую должность он исполнял хотя бы в последний год жизни или во время исполнения ответственной миссии в Херсонесе. Из того, что осталось от шестой строчки надписи, ясно, что он возвратился в отечество, возможно, урегулировав какие-то особо важные для Ольвии дела. После этого автор декрета отметил, что Никерат побывал в Херсонесе и «увидел обуреваемый постоянными войнами город, разрешил распрю между ними и умиротворил город, за что и был почтен от них постановкой статуи и посвящением бюста, во всем для отечества совершая полезнейшие деяния, а себе приобретая славу и честь». В этом пассаже отмечены два важных свидетельства: Херсонес проводил постоянные войны, очевидно, с варварами, пытавшимися его захватить и разграбить; в нем произошла распря между гражданами, что случалось здесь и раньше и что является обычным в кризисных ситуациях.

Слава о Никерате как умиротворителе конфликтов была хорошо известна в этом городе, если он прибыл туда специально со столь сложной миссией, очевидно, не во главе военного отряда, а по предварительной договоренности, чтобы мудрыми советами помочь выйти из критической ситуации, которая здесь сложилась. Никерат настолько умело и решительно, мудро и удачно «умиротворил город», что его благодарные жители поставили ему статую и изображение, вероятно, портретное, выполненное в технике энкаустики на мраморной плите.

О том, что Никерат был неплохим оратором и умел давать разумные советы, говорится в следующих параграфах его декрета. Он постоянно отражал «устремляющихся на город врагов и в большинстве случаев, спасая граждан, он обезопасил положение города, в каждом случае подавая разумные советы и еще лучше исполняя постановления». Исходя из этих данных следует, что Никерат входил в коллегию стратегов и нередко лично руководил отражением наступающих на город врагов. Вместе с тем, в этом кратком отрывке имеются сведения и о том, что в большинстве случаев он спасал граждан, но, очевидно, иногда положение складывалось таким образом, что они погибали либо были захвачены в плен. Отсюда можно допускать, сколь опасные ситуации складывались за пределами стен Ольвии – на ее хоре, куда ольвиополиты отправлялись для обработки полей или сбора урожая, а также, как видно из последующего текста, в дни празднеств на Ахиллодроме и в других внегородских святилищах.

В итоге наилучшего исполнения постановлений Совета и Народного собрания, выполнения гражданами его разумных советов, достижения многих побед в стычках с варварами, в городе наступило затишье. Видимо, набег кочевников на какое-то время прекратились, и группа ольвийских граждан безбоязненно переправилась в Гилею. Как ни странно, но и в этом случае Никерат отправился вместе с ними, но без воинов, а посчитав, что он сможет лично охранять их от врагов. Очевидно, что никто в Ольвии не догадывался о том, что в Гилее на них может быть совершено нападение. Никерат, как гражданин полиса, на всякий случай взял с собой оружие. Иначе вряд ли,

если бы в Гилее было неспокойно, туда отправились оливиополиты, тем более без сопровождения охраны. В этом случае Никерат предстает как человек или чересчур самоуверенный в своей силе и неуязвимости, или понадеявшийся на то, что в тех местах некому было нападать на его сограждан.

Но произошло все наоборот. Никерат увидел врагов и отправил всех граждан в город, а сам остался, чтобы отразить нападение врагов. Какое количество их было, автор декрета не отмечает. Показывая необыкновенное мужество Никерата, оставшегося в одиночестве на противоположной от Ольвии стороне, он не счел нужным объяснить, почему так случилось и почему соотечественники оставили его без защиты. Возможно, что это была небольшая группа неприятелей, которых Никерат знал, и потому «считал необходимым наказать» их, так как заботился о полисе и его святилищах, подвергавшихся чаще всего ограблению варварами.

Оливиополиты переправились в Гилею для отправления одного из культов своего божества. Никерат был среди них как один из его почитателей. Как видно из дальнейшего текста, не исключено, что этим божеством был Ахилл, которого почитали как на Ахиллодроме, так и в священной роще Гекаты на Кинбурне. Любопытно, что враги, «испугавшись его непобедимой доблести, не осмелились напасть явно, но устроили ночью засаду и вероломно умертвили его». Как бы то ни было, но данные о сопровождавшем его отряде воинов в декрете не отмечены. Можно, конечно, предполагать, что таковой уже находился в Гилее. Для того, чтобы особенно подчеркнуть героизм Никерата, автор декрета, видимо, специально ни словом не обмолвился об отряде. Не вызывает сомнения тот факт, что оливиополиты любили Никерата и ценили его самоотверженность. Необдуманный поступок в Гилее, приведший его к смерти, и такая неожиданная вероломная смерть, постигшая его от более хитрых, все продумавших врагов, не могли затмить его героизм и славу.

В его декрете впервые и прямо отмечено, как был проведен погребальный обряд, о чем раньше вообще не упоминалось в надписях. Это единственное свидетельство стало, по сути, классическим примером при характеристике погребальных обрядов

населения Ольвии. Узнав о смерти доблестного гражданина, полис с трудом перенес свою печаль и негодовал против жестокости его врагов. Тут же были собраны Народное собрание и Совет, где было решено незамедлительно перевезти тело Никерата в город для надлежащего погребения. Можно представить себе, как на улицах и агоре его жители говорили и вспоминали Никерата, который на протяжении, вероятно, двух-трех десятилетий был для них залогом мира и успешного отражения вражеских нападений. Эта потеря нашла отпечаток в сердце каждого ольвиополита, ибо все они, живя в неспокойной обстановке, надеялись на храбрость и мужество таких деятелей, как Никерат.

То, что он чрезвычайно много полезного сделал для города, нашло особенное выражение в постановлении срочно созданных Народного собрания и Совета. В нем подчеркнуто, что Никерат должен получить «более выдающиеся сравнительно со всеми другими почести». При его погребении все мастерские (или лавки), находящиеся в пределах города, должны быть закрыты, а граждане, одевшись в траурные одежды, будут идти в процессии в соответствующем порядке. При выносе тела, очевидно из дома, Никерата увенчали золотым венком, в котором он и был погребен. О захоронениях знатных и заслуженных ольвиополитов в золотых венках свидетельствуют находки отдельных частей от них в разграбленных могилах. Никерата наградили также конной статуей с указанием поставить ее на том месте, где пожелают его родственники. В декрете приведен и текст надписи, которая должна была быть высечена на постаменте его статуи: «Демос (поставил) статую Никерата, сына Папия, бывшего от предков благодетелем и оказавшего много добра городу за его доблесть и благодеяние к себе».

Впервые в эпиграфике Ольвии мы встречаем и такое неординарное награждение, как посмертное ежегодное увенчание золотым венком на Народном собрании, предназначенном для выбора полисных магистратов, и в период конных агонов, установленных «в честь Ахилла по предсказанию Пифии, причем глашатай должен произносить провозглашение по формуле, заключающееся в подписи статуи». Как раз эта часть декрета может свидетельствовать, что Никерат не только погиб во время

празднеств в честь Ахилла, но и принимал в них непосредственное участие.

Кроме того, если его наградили конной статуей (награда чрезвычайно редкая в античном мире, тем более в Северном Причерноморье), то это свидетельствует о том, что он в свое время побеждал в состязаниях на Ахиллодроме. Несмотря на все тяготы жизни и варварские набеги, ольвиополиты старались проводить празднества здесь регулярно, приглашая на них представителей из многих городов античного мира. В состязаниях на ахиллеях чаще всего принимали участие наиболее зажиточные граждане города, нередко аристократы, имеющие средства купить, содержать и готовить специально для соревнований породистых лошадей.

Наградив Никерата конной статуей, ольвиополиты этим самым продемонстрировали преданность древней традиции возвеличивания победителей в агонах. «Как особого рода сакральное действие, знаменующее торжество цивилизации над варварством, гармонии над первородным хаосом и, наконец, божественного разума над неистовством и безумием сил мрака, агон, в особенности агон всеэллинский, требовал всеобщего мира и, стало быть, хотя бы временного прекращения хронических военных конфликтов, раздиравших большой греческий мир на множество маленьких, непрерывно враждующих между собой мирков отдельных полисов» (Ю.В.Андреев). При проведении празднеств в честь Ахилла, которые также имели панэллинский характер, — естественно, далеко не столь масштабный, как олимпийские или пифийские игры, — ольвиополиты не могли остановить военные конфликты с соседними варварами. Те вообще не осознавали правомерности проведения празднеств и значения их в жизни понтийских эллинов. Поэтому гибель Никерата в поединке с врагами была возведена в Ольвии до высшей степени героизма, а сам Никерат стал идеалом для молодых граждан.

Как и предки, Никерат, помимо всего остального, являлся еще и эвергетом, заботился о гражданской общине, на свои средства ремонтировал оборонительные стены и, выполняя должность стратега, вообще занимался делами обороны города. Автор декрета, в отличие от Протогенова, не называет конкретные этносы, относящиеся к врагам, — ΟΙ ΠΟΛΕΜΙΟΙ. В его время они

могли представлять собой небольшие группы сарматов или скифов, которые занимались разбоем и грабежами. Ольвийское народное ополчение вряд ли могло бы отстоять полис при нашествии большой массы всадников-кочевников.

Характерно, что декрет в честь Никерата открыто демонстрирует «полисный патриотизм» не только своего героя и эвергета, но и всех граждан. В нем звучит призыв следовать по пути благочестия и более ревностного служения на благо отечества. Исходный круг норм и правил морально-этических и культурных ценностей показан здесь на примере Никерата. Гордость за то, что такой доблестный гражданин был защитником города и его традиций, ярко демонстрируется текстом постановления. Вместе с тем, оно свидетельствует о том, что, только благодаря мужеству Никерата и неоднократным его победам над врагами, полис имеет возможность отметить его за огромные заслуги такими почестями, которых здесь никто пока не удостаивался, даже в лучшие времена истории Ольвии.

Целенаправленно и непротиворечиво подчеркивается в декрете, что Никерат всегда действовал в интересах родного города: и когда выступал в роли «третейского судьи» в Херсонесе, и когда неоднократно спасал граждан в боях с врагами, и когда был эвергетом, и, наконец, когда в последние часы своей жизни остался, отправив соотечественников домой, чтобы спасти их в очередной раз и даже отплатить неприятелю, несмотря на то, что оказался на противоположном от Ольвии берегу. Таким образом, в этом документе более выразительно, чем в остальных декретах, выступает идеал героического гражданина, самостоятельно принимающего решения и чрезвычайно решительного в своих действиях и поступках.

С самого начала Никерат поставил на первый план интересы государства и следовал этим принципам до конца жизни. Ольвия для Никерата – вся отчизна, маленькая и одновременно большая, имеющая свою историю, своих богов и единый гражданский коллектив. В трудные времена для ее спасения необходимо было воевать, выступать с речами-советами, рационально использовать собственные средства с благотворительной целью. Значительная роль разумных советов ольвийских лидеров определяется тем, что они особенно подчеркивались в отдельных

почетных декретах. В чем заключалось конкретное содержание этих советов, ни в одном из декретов не указывается. Если речь идет именно о разумных советах, то они могли касаться различных сфер жизни города и были направлены на ее улучшение. Этим самым декрет Никерата акцентирует внимание граждан на рациональности управления и хозяйствования, осознания правильности собственных поступков на благо полиса.

Однако в декрете не упоминаются конкретные дела Никерата и те или иные причины, приводившие его к прямым сражениям с варварами. Не исключено, что, как и в год посещения Ольвии Дионом Хрисостомом в конце I в. н. э., она подвергалась частым набегам небольших групп скифов, сарматов и других племенных объединений. Одной из вероятных причин смерти Никерата могло быть специальное преследование с целью его уничтожения, поскольку он и среди врагов прославился храбростью и непримиримостью. Занимавшая экономически важное положение в Днепро-Днестровском регионе Ольвия, оправившаяся от кризиса и стремившаяся всеми возможными средствами к стабилизации и упрочению авторитета на Понте Евксинском, продолжала привлекать пристальное внимание варваров, привыкших получать дань и дорогие дары. По всей видимости, Никерат являлся противником такого рода взаимоотношений с варварами, ставя превыше всего свободу и независимость родного полиса и его граждан. Вполне вероятно, что в городе в период его жизни снова появилось немало зажиточных граждан.

Взаимоотношения ольвиополитов с царством Скилура в Крыму. Во второй половине II в. до н. э. Ольвия привлекла к себе внимание крымских скифов в лице их вождя Скилура. Некоторые ученые считают, что город находился под его протекторатом, поскольку на ольвийском монетном дворе чеканились монеты с изображением головы и именем этого царя. Так, по мнению Ю.Г.Виноградова, Скилур получал от ольвиополитов, кроме дани, и торговый флот, одним из крупных судовладельцев которого был Посидей. Его тесные связи с богатыми островными городами, прежде всего Родосом, способствовали обмену скифской пшеницы на вино, масло, предметы роскоши, различные изделия греческого ремесла. Все это привлекало ольвийских богачей в скифскую столицу, где они становились советниками,

экспертами, военачальниками и т. п. Одним из них, самым деятельным и инициативным, был Посидей. По приказу Скилура он проводил военные операции на море против пиратов, чтобы обеспечить безопасность морской торговли Скифского царства.

Действительно, важную роль во взаимоотношениях ольвиополитов с крымскими скифами, в частности их столицей Неаполем, сыграл Посидей, сын Посидея. Посвятительные надписи различным божествам от его имени найдены в Ольвии (одна) и в Неаполе (четыре), что, в свою очередь, указывает на определенные отношения между этими двумя центрами. Ни в одном из скифских укреплений в Крыму не выделяется такой уникальный архитектурно-строительный комплекс, как в скифской столице. В общем он более характерен для культуры эллинов. Синхронны с ним и многие другие материалы греческого происхождения. На базе их комплексного изучения вырисовывается несколько иная картина относительно основания Неаполя и деятельности Посидея.

Исходя из его посвящений только родосским божествам (Зевсу Атабирию, Афине Линдии, богине Родос) в Неаполе и Афродите Эвплоей в Ольвии, считалось, что по происхождению Посидей – родосец. Торговые операции, проводимые им в основном с Ольвией, якобы способствовали предоставлению ему ольвийского гражданства. Будучи гражданином Ольвии и проводя интенсивную торговлю с Родосом, он одновременно был и правой рукой Скилура в роли военачальника. Однако не будет большим преувеличением относить Посидея к известному в Ольвии роду Дионисия, сына Дионисия, тесно связанного с религиозной сферой. Многие представители из этого рода, в котором часто встречается имя Посидей, исполняли должности жрецов в святилищах разных божеств. Дионисий, его внук, правнуки и праправнуки известны из эпиграфических источников Дельф, Делоса, Ольвии и Неаполя. Отдельные из них были проксенами и заодно феорами

*Посвящение храма
и алтаря
Афродите Гликейе*

дельфийского и делосского святилищ Аполлона. Дионисий, сын Агрота, его сыновья Агрот и Посидей исполняли эпонимные и жреческие должности в культе Аполлона Дельфиния в Ольвии. В роду, из которого происходил Посидей, установилась традиция давать теофорные имена сыновьям, а также имя отца одному из сыновей. Не исключено, что Посидей был младшим сыном Посидея, сына Дионисия, проксена делосского святилища Аполлона.

Следует думать, что религиозно-энергетическая деятельность Посидея была наследственной, диктовалась его воспитанием, а затем – собственным мировосприятием и менталитетом. Ни один из известных деятелей античных государств Северного Причерноморья не поставил так много сакральных памятников. К тому же, только благодаря ему в данном регионе стали известны те божества, которые пользовались большой популярностью на Родосе. Вероятно, посвящение Афродите Эвплойе относится к первым благодеяниям Посидея в Ольвии. Постановка памятника богине под культовым именем, известным на Родосе, Косе, Тенедосе, вряд ли случайна. Функционально этот эпитет богини близок к ее эпиклезе Понтия, которая немногим ранее появилась в Ольвии. Причем не исключено, что небольшой храм, алтарь и золотой венок этой покровительнице мореплавания посвятил дядя Посидея – Агрота, отслужив должность жреца в ее святилище.

С потерей собственной продовольственной базы морская торговля для Ольвии имела превалирующее значение. Очевидно, Посидей играл важную роль в обеспечении ее населения разными продуктами и товарами. Начиная со второй половины III в. до н. э., вследствие войн и неурожаев Ольвия постепенно превращалась в бедный, пустеющий город. Преданные своему полису граждане предпринимали все возможное, чтобы выжить, укрепить оборонительную систему и наладить разнообразные экономические и культурные контакты с основными центрами Эгеиды и Понта. Другие же, видя бедственное положение города и боясь потерять накопленные богатства, уезжали из Ольвии.

В первой половине II в. до н. э. в степях Северного Причерноморья наступает временное затишье, в результате чего стабилизировалась обстановка и в Ольвии. Это могло послужить

одним из стимулов к тому, что ранее покинувшие ее граждане и ксены, а также их потомки начали возвращаться в город, что в значительной степени способствовало подъему его экономики. Учитывая редчайший случай учреждения сразу нескольких родосских культов божеств как в Ольвии, так и в Неаполе на протяжении короткого хронологического отрезка времени, выпуск серебряной монеты по родосской системе, интенсивную торговлю с Родосом, наличие родосских ксенов в Ольвии и громадное количество амфорной тары родосского производства, в которой поставлялось сравнительно дешевое вино, предположительно можно считать, что, помимо других причин существования столь тесных связей, установились и родственные связи между представителями ольвийских и родосских семейств.

Поскольку самой яркой фигурой в отправлении и учреждении родосских культов в Ольвии и Неаполе выступает Посидей, то вполне вероятно, что его отец и он сам были женаты на женщинах с Родоса. В конечном итоге это могло содействовать тому, что Посидей как проксен какое-то время проживал на Родосе, достигшем тогда наивысшего экономического развития. Здесь он проникся верой в божества, почитаемые на острове, воспитывался в духе несколько иного религиозного мировосприятия, нежели в Ольвии. Во всяком случае, вряд ли только эпизодические визиты Посидея на Родос для продажи товаров и закупки родосского вина могли бы столь резко сказаться на его мировоззрении, приведя, по сути, к отказу от почитания исконно ольвийских богов, за исключением разве что Ахилла – защитника и спасителя на море.

Затем в результате разных событий, сильно подорвавших экономику Родоса, около середины II в. до н. э. Посидей, как и другие ксены, вынужден был покинуть остров, чтобы не потерять собственный торговый флот. В Греции нарастало недовольство римской политикой, постоянно возникали локальные конфликты и ширились слухи о войне. Так что создававшаяся в Средиземноморье ситуация вполне могла стать причиной возвращения Посидея на исконную родину. Много повидавший и разбогатевший, проникшийся верой в необычную силу родосских божеств, под покровительством которых Родос стал одним

из самых развитых государств, он попытался сначала внедрить их культы и в Ольвии. Вместе с этим он стремился наладить экономические дела в сильно обедневшем полисе, очевидно, вмешиваясь в его политику. Коренные ольвиополиты, усмотрев в этом нарушение их полисных и демократических традиций, могли выступить против его нововведений. Их нетерпимость к нему стала бы особенно сильной, если его отец в трудное время покинул город или же длительное время жил вдалеке от него. Крайнее недовольство ольвийского демоса, возмущенного отъездом зажиточных граждан и теми, кто уклонялся от эвергетики, хорошо прослеживается в декрете Протогена. После каких-то неугодных для ольвиополитов действий со стороны Посидея ему вместе с родственниками и сторонниками пришлось, по своей воле или по решению сограждан, покинуть Ольвию. В противовес им, как жителям ОΛΒΙΝ ΠΟΛΙΣ, он решил основать новый полис – ΝΕΑ ΠΟΛΙΣ в Таврике.

В Северном Причерноморье нет ни одного названия населенного пункта, составной частью которого являлся бы столь прозрачный термин, как ΠΟΛΙΣ. Поэтому в наименовании нового городища несомненна связь с Ольвией, в нем закодировано стремление создать полисное образование по древнейшим канонам. Вообще, религия представляла стержень идеологии и всегда была главным символом каждого греческого полиса, всех сфер духовной жизни гражданских общин. То же самое мы наблюдаем и в других северопонтийских полисах. Гражданская община, какой бы маленькой она ни была, первоначально закладывает теменос, чтобы и на новом месте заручиться поддержкой и защитой почитаемых божеств. С этого же начал организацию своего полиса и Посидей.

Если земли в районе будущего Неаполя уже находились под контролем скифов, то Посидей за соответствующие дары и организацию торговли с ними смог легко получить разрешение на его основание в Таврике. Согласно Страбону, скифы-кочевники в Крыму предоставляли землю всем желающим за умеренную плату. Более того, скифский царь был бы заинтересован в таком мероприятии эллинов. В Неаполе имеются данные о том, что примерно в пределах 160–140 гг. до н. э. здесь отсутствовали

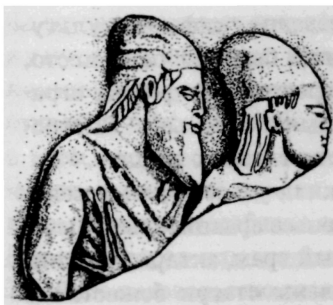

какие-либо выразительные следы собственно скифской культуры. Любопытно, что для этого городища было избрано место, которое в плане напоминает Ольвию: треугольная форма, ограничение с двух сторон глубокими балками и с третьей – быстроводной рекой, что создавало в целом естественную защиту.

Здесь переселенцы сразу же заложили участок для теменоса и ряд усадеб греческого типа. В теменосе сравнительно быстро были сооружены небольшой каменный храм, алтари, портик, другие культовые постройки, поставлены статуи божеств на невысоких постаментах. Причем большинство из известных по посвячительным надписям поставил Посидей, одну – Деметре – Евмен, судя по имени, безусловно, ольвиополит. Отсутствие в их посвящениях традиционного указания на этникон может свидетельствовать только о том, что они уже считали себя неаполитами – гражданами новообразованного полиса. По-видимому, одновременно проводилось строительство оборонительных стен, которые по технике и внешнему виду весьма сходны с ольвийскими. Для проведения столь масштабных работ требовалось много рабочей силы, состоявшей, очевидно, из наемных рабочих как греческого, так и негреческого происхождения. Архитектурное сходство с ольвийскими сооружениями и строительная техника указывают на то, что в данном строительстве принимали участие архитекторы и строители из Ольвии. Из Родоса сюда доставлялись не только амфоры с вином, но и другие керамические изделия, а также скульптура и терракотовые статуэтки.

По всей видимости, почти сразу, как только были возведены первые культовые сооружения и поставлены статуи, Неаполь был захвачен Скилуrom. Таким образом, первоначально быстрый расцвет уникального по своей сути небольшого политического и культурного центра в сердцевине варварского окружения был вскоре прерван. Сакральная зона эллинов Неаполя была превращена в царскую резиденцию. Однако вряд ли когда-либо можно будет точно установить, как поступили в таком случае основатели Неаполя во главе с Посидеем: остались ли они на службе у Скилура, погибли или же перебрались снова в Ольвию.

Время жизни и царствования Скилура устанавливается приблизительно. Страбон привел два разных свидетельства

*Скилур и Палак.
Известняковый рельеф*

о том, сколько у Скилура было сыновей: по Посидонию – 50, по Аполлонию – 80. Даже если речь шла вообще обо всех детях царя, то их большое количество можно объяснить существующей в скифском обществе полигамией. Исходя из разных источников, успешное и деятельное правление Скилура относится ко второй половине II в. до н. э., до начала войны с Диофантом в Таврике.

Медные монеты с его именем и портретным изображением, выпускавшиеся на ольвийском монетном дворе приблизительно в 140–120 гг. до н. э., вне пределов Ольвии пока не найдены.

Вместе с тем, Ольвия продолжала чеканить собственную монету, оставаясь независимой политически и экономически, если имела возможность проводить самостоятельную финансовую политику, внутреннюю и внешнюю торговлю, религиозные мероприятия и т. д. Определенная зависимость состояла лишь в том, что она вынуждена была выплачивать дань, но был ли здесь на самом деле «военно-оборонительный» союз или протекторат, выяснить трудно. Образы греческих божеств и их атрибутика на монетах с именем Скилура, очевидно, более реально символизируют характер взаимоотношений этого царя с Ольвией. Преобладание на них Гермеса может свидетельствовать как о налаженном торговом обмене между греками и скифами, так и о религиозных симпатиях Скилура, его знании эллинских культов и их функций. Определение женской головы в покрывале как Деметры или какой-то скифской богини на Скилуровых монетах неубедительно. Деметра изображалась обычно с присущими для нее атрибутами или эмблемой Ольвии без головного убора. Повозка на реверсе этих монет дает основание предполагать, что на них представлена голова скифской царицы, одной из жен Скилура, ольвиополитки по происхождению.

Для заключения подобного брака у Скилура были все возможности и сложившаяся в его время внешнеполитическая

обстановка. То, что Ольвия, в отличие от Херсонеса, не подвергалась нападениям скифов и не стала их вассалом, в значительной мере является показателем каких-то более тесных взаимоотношений Скилура с ольвийской аристократической знатью. Если это так, то отсюда могли вытекать и стремление подражать эллинским правителям, и желание иметь собственную монету наподобие ольвийской. Но ольвиополиты, как, видимо, и сам царь, не обладали настолько большими средствами, чтобы выпустить золотые или хотя бы серебряные монеты. Сходная ситуация уже была в истории Ольвии, когда скифский царь Скил женился на ольвиополитке.

Монеты Ольвии времени царствования Скилура содержат множество быстро сменявших друг друга образов разных богов с их защитными символами: Геракл и палица; Афина, круглый щит и копье; Артемида, лук и горит; Гермес и кадуцей. Таким образом, Ольвия, хотя и не потеряла автономию, однако находилась в постоянной тревоге за судьбу полиса, надеясь на помощь исконных богов-защитников.

Ольвия в составе Понтийской державы. После смерти Скилура какие-либо связи ольвиополитов с крымскими скифами не известны. Они были прекращены вследствие военных действий скифов с Херсонесом Таврическим, на помощь которому был послан известный стратег Понтийской державы при Митридатe VI Евпаторе – Диофант, который разгромил войско Палака – сына Скилура. В итоге всех мероприятий, предпринятых царем Митридатом VI для покорения всех понтийских античных государств и окружающих их племен, Ольвия, наряду со многими, вошла в состав огромного Понтийского царства. Очевидно, как и херсонеситы, проводившие затяжные и разорительные войны со скифами, ольвиополиты так же предпочли оказаться под военной опекой Митридата VI, провозгласившего себя эллинофилом, освободителем эллинов и даже новым Дионисом.

Главным документом, подтверждающим подчинение Ольвийского полиса этому царю, является декрет в честь неизвестного по имени амисского капитана, находившегося на службе у Митридата VI. Декрет был принят от имени Совета и Народного собрания. Причем, постановление датировалось не годом отправ-

ления службы избранного жреца, как раньше, а жречеством самого бога Аполлона, выступавшего в роли эпонима. По многим сведениям из других античных городов, аналогичная форма эпонимата применялась в тех случаях, когда они находились в бедственном положении. Среди достойных этой должности не было гражданина, который бы за собственные средства согласился ее исполнять. В это время Ольвия претерпевала еще большую нищету, вызванную набегами варваров и истощением даже храмовой казны, чем во второй половине III в. до н. э.

Согласно сохранившемуся тексту вышеупомянутого декрета, считается, что на рубеже II–I вв. до н. э. в Ольвию в разное время было направлено два отряда воинов-арменийцев для борьбы с варварами. Арменийцы – профессиональные воины-лучники и конники – были уроженцами Малой Армении, входившей в состав Понтийского царства. Отправленный Митридатом VI морской транспорт под командованием амисского капитана, вопреки всем опасностям на море, доставил в Ольвию не только вспомогательный отряд, но и продовольствие, а также ольвийских послов из Синопы. Последние были направлены туда раньше с целью непосредственного обращения к понтийскому царю с просьбой предоставить военную защиту и продовольственную помощь их полису, что, как видно из этого декрета, было выполнено. Ольвиополиты за свой счет уже не могли содержать понтийский гарнизон.

В Ольвии найдено сравнительно много понтийских автономных монет, которые выпускались на протяжении 111–80-х гг. до н. э. По данным С.Ю.Сапрыкина, наибольшее количество понтийской меди в Ольвии и Херсонесе приходится на 111–105 гг. до н. э., то есть они почти одновременно были включены в державу понтийского царя после успешных походов Диофанта на Скифию. Периодические выпуски собственных полисных монет, как и в предыдущее время, свидетельствуют, что Ольвия по-прежнему сохраняла все внешние признаки автономии: Совет и Народное собрание, издающих от своего имени государственные постановления, а также коллегия архонтов, которая выносила их на обсуждение. В своем летоисчислении ольвиополиты не приняли понтийскую эру, традиционно отмечая годы по именам жрецов Аполлона и в редчайших случаях – самого бога.

Очевидно, что понтийского царя, проводившего жестокие длительные войны с римлянами и стремившегося к созданию огромной мировой державы, мало интересовала обнищавшая Ольвия. Она не могла предоставить ему действенную помощь в этих войнах, где он терпел одно поражение за другим. Не исключено, что для пополнения армии Митридата VI отсюда был выведен и армянский гарнизон. Оставшиеся в городе ольвиополиты вынуждены были самостоятельно бороться за выживание. Крайне скудные остатки материальной и религиозной жизни дают основание считать, что здесь обитало очень мало жителей, очевидно, тех, кто еще не потерял последней надежды на бывшее возрождение полиса. Создается впечатление, что во второй четверти I в. до н. э. приходят в упадок основные общественные сооружения возле агоры, в частности торговые ряды, дикастерий, гимнасий, водоемы и водосточные каналы. Запустение и отсутствие ремонтных работ прослеживаются и несколько раньше. Такую же неприглядную картину представляли в это время и культовые постройки в главных святилищах города. Судя по всему, как и во времена Протогена, наиболее обеспеченные ольвиополиты покинули город.

Нашествие гетов под предводительством Буребисты.

И тем не менее, как это не удивительно, обнищавшая вконец Ольвия привлекла внимание вождя гетов Буребисты. Именно этот факт можно расценивать с точки зрения того, что в ней еще оставалось не так мало жителей, владевших каким-то имуществом и средствами, которых можно было подвергнуть ограблению. После смерти Митридата VI в Пантикапее в 64 г. до н. э. и прекращения его изнурительной войны с римлянами некоторые ольвиополиты начали более интенсивно заниматься торговой деятельностью. Наиболее предприимчивые могли разбогатеть и во время войны. Вполне вероятно и то, что Буребиста надеялся на существование в Ольвии богатой сакральной сокровищницы, средства из которой на нужды населения поступали лишь в исключительно тяжелое время. Очевидно, в теменосах стояли и бронзовые памятники божествам и заслуженным деятелям, которые можно было переплавить для изготовления оружия.

Как бы то ни было, но мы имеем неопровержимое свидетельство о том, что около 55 г. до н. э. Ольвия, наряду с другими

западнопонтийскими городами, подверглась опустошительному разгрому гетским войском Буребисты. Известный вифинский философ и оратор Дион Хрисостом после изгнания его из Рима в конце I в. н. э. посетил Ольвию. Спустя многие десятилетия после трагической гибели греческих городов, он в «Борисфенитской речи», провозглашенной перед гражданами своего родного города Прусы, рассказал о плачевной судьбе Ольвии и, благодаря этому, оставил неоценимые сведения о состоянии города и его жителях. В одном из пассажей этой речи прямо говорится о том, что «город борисфенитов по величине не соответствует своей прежней славе вследствие неоднократных разорений и войн; находясь уже так давно среди варваров, и притом почти самых воинственных, он постоянно подвергается нападениям и несколько раз уже был взят врагами; последнее и самое сильное разорение его было не более как за 150 лет: геты взяли и его и остальные города по левому берегу Понта вплоть до Аполлонии». Полный разгром города и бегство оставшихся в живых ольвиополитов подтверждается, во-первых, свидетельством того же Диона Хрисостома об их возвращении в родные места. А во-вторых, немало важное значение имеют археологические и эпиграфические источники, по которым устанавливается постепенное возрождение Ольвии.

Несмотря на значительно превосходящие по количеству и воинственному духу силы гетов, привыкших не только грабить, но и беспощадно убивать, ольвиополиты все же попытались оказать им сопротивление. Вполне вероятно, что небольшой отряд ополченцев обосновался в наиболее укрепленном месте. У Заячьей балки возле старой оборонительной стены была наспех возведена вспомогательная стена из каменного бута, больших обработанных квадров, архитектурных деталей, постаментов для статуй с посвятельными надписями, которые были вынесены в канун гетского нападения из теменосов. Перед стеной был вырыт глубокий ров. Эти приготовления к обороне, разумеется, были тщетными. Но ольвиополиты, бесспорно, знали о неизбежности вторжения. Раньше Ольвии почти полному разгрому подверглись Истрия и Одессос, сильное разорение постигло и Аполлонию. Правда, остается не известным, в какой ситуации

оказалась ближайшая к Ольвии Тира, следы проживания гетов в которой прослежены по археологическим источникам.

В разные годы раскопок жилых кварталов и теменосов в Верхнем городе Ольвии было обнаружено немало человеческих костяков и разрозненных костей, в том числе и черепов, брошенных без захоронения, а затем просто присыпанных землей. Видимо, оставшиеся жители прятались в каменных подвалах, пытались найти убежище в святилищах, где, по эллинскому обычаю, нельзя было убивать людей, но их безжалостно истребили геты. За короткое время Буребиста впервые создал большое объединение гетских племен приблизительно в 60-е гг. I в. до н. э. По сведениям Страбона, это была великая держава, подчинившая себе большинство соседей. Главная цель правления Буребисты заключалась в грабительских рейдах в разные регионы вплоть до границ римских провинций того времени. В 44 г. до н. э., вскоре после смерти Цезаря, он был убит заговорщиками, не исключено, что с помощью римлян. Так что гетское политическое образование Буребисты просуществовало совсем не долго. Благодаря этому бежавшие из разрушенных им городов эллины смогли возвратиться и вновь их отстроить.

При этом встает закономерный вопрос, смогла бы Ольвия, если не достичь полной победы, то хотя бы оказать действенное сопротивление гетам? Известно, что Истрия выдерживала осаду два года. Месембрия под руководством своих стратегов героически сражалась с гетским войском, и Буребиста не смог захватить этот город. Остался не разрушенным и Дионисополь, благодаря установлению каких-то верноподданнических отношений: в декрете этого города Буребиста восхваляется как первый и величайший из царей Фракии. Представляется, что если бы гражданская община оставалась прежней и в таком составе, в каком она была до наступления кризиса, если бы не ее раскол и бегство многих граждан во время других вражеских набегов и неурожаев, то не исключено, что ольвийское ополчение оказало бы настоящее сопротивление. Однако город был практически брошен самыми богатыми и именитыми гражданами.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ОЛЬВИИ И ЕЕ ПОСЛЕДНИЙ ЗАКАТ

Не тот счастливым вправе назваться, кто
Владеет многим: имя счастливца тот
Носить достойней, кто умеет
Вышних даянья вкушать разумно,
Привык суровой бедности гнет терпеть,
Бойся пуще смерти постыдных дел,
Но за друзей и за отчизну
Смерти навстречу пойдет без страха.
Гораций

Этот период представляет наиболее сложную и во многих отношениях темную страницу в истории Ольвии. Особенно мало освещены достоверными источниками первый этап ее крайне медленного восстановления после гетского нашествия и последний, когда она, оставленная римлянами на произвол судьбы, подвергалась неоднократным варварским набегам, но упорно пыталась отстоять право на жизнь в канун общей гибели античной цивилизации. Тем не менее, вопреки всем трагическим событиям, время от времени происходившим в жизни города, даже временному запустению, возвратившиеся жители оставили его прежнее название. Продолжалась и исконная традиция именовать себя ольвиополитами. Они не пошли на поводу средиземноморских греков, упрямо называвших их город Борисфеном, а их самых – борисфенитами. Надежда на счастье и благополучие на месте полностью разрушенного города со столь громким символическим названием стала основной движущей силой для его восстановления.

Основная форма государственного устройства в общем была сходной с предыдущей элитарной демократией. Главную роль в государстве играли наиболее богатые и образованные граждане. Значительно чаще, чем прежде, одни и те же лидеры периодически избирались архонтами и стратегами. Эта удивительная многовековая преемственность, преданность отчим обычаям, особенно в религиозной сфере, и определенный консерватизм характеризу-

ют гражданский коллектив Ольвии как истинно эллинский. Однако уже наступили совсем иные времена. В связи с выходом на международную арену огромной и мощной Римской империи, как в самом полисе, так и в окружающем его мире, все разительным образом изменялось. Новые кочевые орды заняли степи, в том числе и ближайшие к Ольвийскому государству.

Первые шаги на пути к возрождению города. Сначала в Ольвии обитала численно небольшая гражданская община, которая могла обосноваться в припортовом районе. В случае нападения с суши жители быстрее переправлялись отсюда на противоположный берег Гипаниса и в Нижнее Поднепровье. Очевидно, таким же образом перебазировалась в этот регион основная часть земледельческого населения еще в канун гетского нашествия. В первой половине I в. до н. э. в Нижнем Поднепровье было основано ряд поселений с ярко выраженной, хотя и бедной эллинской материальной культурой. Косвенным образом это указывает на то, что зажиточные граждане нашли убежище в других эллинских городах, в том числе и в Милете. Многие из них так никогда и не возвратились на родину.

Сравнительно бедная и плохо датированная материальная культура I в. до н. э. и I в. н. э. не дает четкого представления о времени возвращения первой части ольвиополитов на прежнее место обитания. Существует точка зрения, что это произошло только через несколько десятилетий. Все это время они якобы находились на нижнеднепровских городищах. Однако несомненная преемственность многих традиций как в сфере государственной политики, так, особенно, и духовной культуры, свидетельствует, что хотя бы небольшая группа ольвиополитов, скорее всего наиболее прогрессивная и патриотически настроенная, прибыла в разоренный город после разгрома гетов римлянами в 48 г. до н. э. или же смерти их вождя Бурбисты в 44 г. до н. э. Особое проявление это нашло в сохранении элитарной демократии, главных структур власти, прежних названий города и граждан, чистоты языка, палеографии, религиозных культов, погребального обряда, антропонимии, полисно-сакральной эмблемы и т. д.

Если бы Ольвия на самом деле на протяжении нескольких десятилетий вообще не существовала, а ее граждане постоянно

обитали в иноэтнической среде, то в городе наблюдалось бы намного больше варварских элементов во всех сферах жизни. В свою очередь, был бы осуществлен прямой перенос всех компонентов ольвийской государственной системы и политики, денежного обращения, торговых связей и вообще культурно-религиозных традиций в нижнеднепровские городища. Однако археологические исследования на них не дают для этого достоверных и конкретных сведений. Поэтому не существует пока и никаких оснований считать, что ольвиополиты просто выжидали, пока не постарели или не умерли, а их дети и внуки возвратились в давно разоренный город с целью его возрождения лишь после того, как их потеснили сарматы. Или по прошествии десятилетий о былом существовании такого города вдруг вспомнили скифы, пожелавшие иметь прежний торговый центр в Нижнем Побужье.

Дион Хрисостом, посетив Ольвию в конце I в. н. э., рассказал, что она представляла собой по прошествии полутора веков после гетского нашествия. Поскольку это единственное литературное свидетельство бесспорного очевидца того времени, приведем несколько ярких пассажей из его «Борисфенитской речи», не требующих особых комментариев. «И вот я в рыночный час прогуливался по берегу Гипаниса. Надо знать, что хотя город и получил название от Борисфена вследствие красоты и величины этой реки, но как ныне расположен у Гипаниса, так и прежде был выстроен там же... После разгрома борисфениты снова заселили город, как мне кажется, по желанию скифов, нуждавшихся в торговле и посещениях эллинов, которые по разрушении города перестали приезжать туда, так как не находили соплеменников, которые могли бы их принять, а сами скифы не желали и не умели устроить им торговое место по эллинскому образцу. О бывшем разорении свидетельствуют плохой вид построек и тесное расположение города на небольшом пространстве: он пристроен лишь к небольшой части прежней городской черты, где остается еще несколько башен, не соответствующих ни величине, ни силе нынешнего города; находящееся между ними пространство тесно застроено домишками почти без промежутков и обнесено очень низенькою и непрочною стенкою. Некото-

рые башни стоят так далеко от заселенной ныне местности, что нельзя даже представить себе, чтобы они принадлежали одному городу. Все это служит явными признаками его разорения, и затем еще то, что в храмах не осталось ни одной целой статуи, но все они изуродованы, так само как и надгробные памятники».

Рассказ Диона Хрисостома подтверждается археологическими материалами. Действительно, территория бывшего цветущего города значительно сократилась. Даже в период относительного экономического расцвета он так и не был полностью застроен жилыми домами. Вся жизнь Ольвии отныне была сосредоточена в его южной возвышенной и прилиманной части, поблизости от гавани, игравшей важнейшую роль в жизни и взаимоотношениях ольвиополитов со всем греческим миром. Важно то, что, несмотря на неприглядный вид и небольшие размеры послегетской Ольвии, Дион Хрисостом называет ее все-таки **ΠΟΛΙΣ** – то есть город. Для сравнения можно привести сведения Страбона, который для обозначения Истрии и Томиса употребил термин **ΠΟΛΙΧΝΙΟΝ** – «городишко». О последнем особенно яркое представление оставил в стихах и письмах выдающийся поэт Овидий, изгнанный сюда из Рима в 8 г. н. э. Большинство жителей г. Томиса составляли тогда драчливые геты и сарматы, а эллины переняли у них и выговор, и одежду. Обитавшие за Дунаем группировки варваров совершали набеги на окрестные земли возле Томиса. Их стрелы падали даже на его городских улицах. Нередко сходная ситуация складывалась и в окрестностях Ольвии, поблизости от ее оборонительных стен.

В представлении Диона Хрисостома, побывавшего во многих греческих и римских городах, Ольвия, как бы то ни было, обладала всеми элементами городской структуры. Очевидно, в его время еще стояли старые храмы, в которых он видел изуродованные статуи ольвийских богов. Были построены новые храмы Зевса и Ахилла. Ольвия чеканила собственные монеты и имела сельскохозяйственную округу. В городе проводилась интенсивная торговля в утренние часы, по всей видимости, на рынке возле гавани, где Дион Хрисостом совершал прогулки. Судя по тому, что ольвиополиты снова подвергались вражеским набегам, о которых он неоднократно упоминает в своей речи, это был наиболее безопасный район Ольвии. Скифские и сарматские всадни-

ки-лучники по-прежнему совершали набеги со стороны степи. В городе Дион Хрисостом слышал только эллинскую речь, в которой сохранялось даже ионийское диалектное произношение.

Несомненно, ольвийские граждане, хотя об этом можно судить по косвенным источникам, были обязаны своим возвращением в Ольвию римлянам, разбившим гетов и покончившим с угрозой их нападения. Ярким проявлением прямых связей с Римом в истории послегетской Ольвии является деятельность Абаба, сына Каллисфена. Она имеет немаловажное значение для выяснения того, что могли представлять собой в это время как сам город, так и его гражданская община. В надписи на мраморной плите сообщалось, что Абаб, сын Каллисфена, посвятил «императору цезарю богу сыну бога Августу, величайшему первосвященнику, отцу отечества и всего человеческого рода, императору Августу сыну бога Тиберию цезарю и Демосу на собственные средства стою». Очевидно, плита была вмонтирована в указанное в посвящении сооружение, остатки которого до сих пор не открыты. Поскольку титул ΣΕΒΑΣΤΟΣ перешел к Тиберию после смерти Августа в 14 г. н. э., то надпись единодушно датируется учеными близко к этому времени. В ней применена почти вся титулатура, которой обладал Октавиан, получивший божественный культ после смерти. Почитание Августа особенно популяризировалось в восточных провинциях, чему содействовал разосланный манифест с повелением сооружать в его честь храмы, алтари, портики, а также статуи императора для украшения городов. Нового «богочеловека» знали не только в малоазийских городах (Эфесе, Сардах, Милете), но и на Понте. Примечательно, что, согласно Аммиану Марцеллину, на берегу Борисфена также был установлен алтарь, посвященный Августу. Этому сакральному акту могли содействовать и ольвиополиты после получения специального манифеста.

Сооружение в честь императора стои в самом городе указывает, что он хотя бы частично был не только отстроен на высоком южном плато и, особенно, в прилиманной части, но и возобновил прежнее государственное устройство, наладил экономические и политические связи. Абаб выступает как лидер ольвийской гражданской общины и видный государственный деятель. О том, что он являлся именно таковым, прямо указывает и про-

ксенический декрет города Византия в честь его сына Оронта. Копия этого документа явно была выставлена и в Ольвии для всеобщего ознакомления по старой полисной традиции. Оронту предоставлялись потомственные права гражданства Византия. Его позолоченная бронзовая статуя была установлена там в булевтерии за заслуги в том, что он, выполняя обязанности ольвийского магистрата, относился с уважением и благосклонностью к иностранцам – византийским купцам, приезжавшим в Ольвию. Считается, что эта надпись по времени близка посвящению Абаба. В ней отмечено, что он, как отец Оронта, являлся «первенствовавшим не только в отечестве, но и во всем понтийском народе», возвысился до известности Августам и принес много пользы городу Византию, где также удостоился проксении.

Исходя из этого, можно уверенно считать, что Абаб занимался как торговлей, в результате которой приобрел значительные средства, так и государственной деятельностью. Термин ΠΟΛΙΣ, бесспорно, свидетельствует о том, что Ольвия представляла собой автономный город, который Абаб считал своей родиной. Выполняя здесь различные должности, очевидно, попеременно архонта и агораномы, и не брезгуя торговыми делами, он особенно содействовал прибывающим в город купцам, вследствие чего добрая слава о нем распространилась во многих регионах При-

черноморья. По всей видимости, как и в предыдущие времена, Ольвия главным образом торговала хлебом и рыбой. Приезжие купцы могли доставлять сюда наиболее необходимые ее жителям товары и продукты. Среди них основное место занимали вина и оливковое масло, краснолаковая столовая посуда, стеклянные изделия, ткани, готовая одежда и обувь, украшения и т. д.

В этот труднейший период восстановления разрушенного почти до основания города Абаб принадлежал к тем немногим гражданам, которые обладали не только большими богатствами, но и пользовались особым авторитетом. Не исключено, что он часто

*Афина с копьем
и щитом.
Мраморный
рельеф*

избирался на высшие государственные должности, нередко выполняя их за собственный счет во благо всего демоса. Косвенно это подтверждается потомственными проксениями Византия ему и его сыну Оронту. Они происходили из аристократического рода Каллисфена. Это чисто эллинское имя было широко распространено в античном мире, в отличие от имен его сына Абаба и внука Оронта. Представляет большой интерес то, что если первый из них носил редкое греческое (малоазийское) имя, то Оронт – персидское. Известно, что отец первого династа из рода Митридатидов имел имя Оронтобат. Близкие к этому имена носили и другие знатные персы.

Наличие персидского имени в семье ольвиополита можно объяснять двояко. С одной стороны, родственными связями отца или деда Абаба с какими-то представителями разветвленного рода Митридата VI Евпатора или близко стоящих к нему людей в период вхождения Ольвии в Понтийское царство. В то время здесь находился специальный отряд, присланный понтийским царем для ее защиты от нападений варваров и укрепления собственной власти. Не исключены при этом и связи самого Абаба с Синопой и Боспорским царством, где тогда жило немало наследников и приверженцев политики понтийского властелина. То, что Абаба считали первенствовавшим на Понте, говорит также о том, что он целеустремленно, соответственно своим возможностям и амбициям, стремился к такому лидерству, как и некогда, возможно все еще почитаемый им, Митридат VI Евпатор.

С другой стороны, вряд ли можно сомневаться и в том, что Абаб принадлежал к древнему аристократическому роду по линии отца, очевидно, Евресибиадов. Это подтверждается декретом начала III в. н. э. в честь Каллисфена, сына Каллисфена, в котором упоминаются его предки, известные Августам. В период нашествия гетов отец Абаба Каллисфен, по-видимому, нашел временный приют в Синопе, с которой Ольвия всегда поддерживала теснейшие экономические связи и куда было послано посольство за помощью к всесильному понтийскому царю.

Очевидно, только благодаря поддержке синопцев, а затем и римлян, Каллисфен сохранил свои сбережения, ставшие залогом успеха его сына Абаба. Вскоре после 14 г. Абаб уже имел

достаточно средств, чтобы соорудить стою в честь Августов и Демоса. Поскольку она посвящалась римским императорам, то вряд ли была маленькой и плохо построенной. Посвятительная надпись с пышной титулатурой обязывала, чтобы памятник обращал на себя внимание не только жителей Ольвии, но и приезжавших сюда иноземцев, в том числе и римлян. В.В.Латышев предполагал, что стоя предназначалась для собраний граждан, для их бесед о политике, общественных и торговых делах. Поэтому, как и в других городах, она была построена в близком соседстве с городской площадью, местонахождение которой для этого времени пока не известно. В конце I в. н. э. эта стоя, видимо, уже не стояла в Ольвии. Побывавший в ней Дион Хрисостом при описании города не упоминает ни о каком памятнике, посвященном императорам, хотя не преминул особо отметить, что ольвиополиты с презрением относятся к тем соотечественникам, кто следует римским обычаям и моде. Отсюда ясно, что по какой-то причине взаимоотношения Ольвии с Римом были нарушены. Возможно, римские владыки не предпринимали решительных мер для постоянной защиты города от набегов варваров.

Близко ко времени сооружения стои Диомед – управитель дома Оронта, сына Абаба, подарил своему хозяину экседру. Так как он об этом даре оставил надпись на мраморной плите, то, следовательно, поставил ее в общественном месте, то есть в стое, возможно, той, что была сооружена на средства отца Оронта – Абаба. Если бы экседра, согласно римской архитектуре, была помещением типа гостиной в жилом доме, то вряд ли Диомед по такому случаю оставил бы специальную надпись, предназначенную для всеобщего ознакомления. Очевидно, постаревшему уже Оронту было особенно приятно сидеть с друзьями и поклонниками в полукруглой, защищенной от ветров нише на специальных скамейках, поставленных в сооруженной на средства его отца стое.

Из проксении в честь Оронта известно, что Абаб добился своей известности у Августов. Он лично предпринимал какие-то действия, чтобы познакомиться с императорским домом еще до смерти Октавиана. Если только в Ольвии в это время Абаб не являлся единоличным правителем, что вряд ли возможно, то без

решения Народного собрания и Совета, а также коллегии архонтов он не смог бы поставить памятник со столь уникальным для ольвийской истории и культуры посвящением. Из этого можно сделать вывод, что Ольвия, испытывавшая страх перед новым вторжением варваров, а также большие трудности, особенно в ранний период восстановления, была очень заинтересована в постоянной помощи Рима. Другое дело, что римских правителей мало интересовал этот провинциальный и полностью так и не восстановленный город, лежащий в стороне от главных морских путей.

Верноподданнические чувства Абаба к императорам могли быть вызваны разными причинами. Среди них – удачные дипломатические переговоры с Римом в налаживании хороших отношений с империей и ее помощи в случае опасности. Разнообразные контакты с Римом имели большое значение для стабилизации обстановки и всесторонних связей с другими государствами, как это видно по многим данным из северопонтийских государств. Для Ольвии, находившейся в тяжелых условиях восстановления экономики и возобновления прежнего авторитета на Понте, весьма важным являлось развитие международных отношений. При этом дипломатические функции обычно переплетались с религиозными, сакральная сфера по-прежнему играла огромную роль в установлении политических и экономических контактов. Принимая во внимание первенствующее место Абаба среди «понтийского народа», а также его знакомство с Августами, можно предположить, что он хорошо знал сложившуюся внешнеполитическую обстановку. И, вероятно, его действия на короткий срок что-то изменили в судьбе Ольвии, однако никаких свидетельств об этом не сохранилось. Город после вышеописанных событий еще около тридцати лет не чеканил собственную монету, и его внешний вид производил тягостное впечатление.

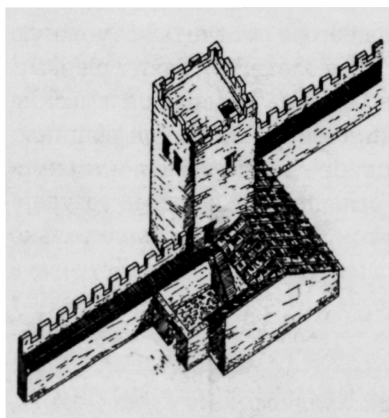
Взаимосвязь деятельности Абаба с политической жизнью Ольвии подтверждается посвящением стои не только римским императорам, но и Демосу. Традиция посвящений Демосу совместно с божествами была заложена здесь еще в раннеэллинистический период и продолжалась в первые века н. э. Персонификация демоса как олицетворения гражданской общины автономного государства в сочетании с римскими императорами носит, естественно, противоречивый характер. Однако такая акция свидетель-

ствуует о патриотизме Абаба, пытавшегося смягчить возможную двойственность в государственной идеологии в связи с первым признанием римского влияния в Ольвии. Утверждая высокие полисные ценности свободы и единства гражданской общины, служения ее интересам, он исходил прежде всего из понимания важности дальнейшего развития отношений с другими государствами. Он видел свою миссию в том, чтобы поднять не только собственный авторитет, но своей деятельностью способствовать сохранению и упрочению отечества. Как раз в этом следует видеть залог силы и успехов Абаба, утверждавшего себя в единении с ольвийским демосом.

Пример Абаба, как и его отца Каллисфена и сына Оронта, показывает, что движущей силой в духовно-моральном и психологическом аспектах возвращения ольвиополитов в Ольвию были прежде всего полисные традиции единства гражданской общины, патриотизм, любовь к отчизне и ее свобода. Только на этой земле они оставались полноправными гражданами, творцами государственной политики и хозяевами собственной земли, а не беженцами или переселенцами без гражданских прав. Только здесь они имели возможность почитать исконных богов, сохраняя отчие обычаи и обряды, проводить собственную внешнюю политику, воспитывать детей по давно установленным правилам и законам.

Ольвия и сарматы. Во второй половине I в. н. э. ближайшая к Ольвии Тира была включена в состав римской провинции Нижняя Мезия. Еще раньше в ее состав вошли западнопонтийские города. В 50-е гг. этого века на помощь Херсонесу от варварских нападений был послан военно-морской отряд во главе с легатом этой провинции Плавтием Сильваном. В 44–49 гг. на помощь боспорскому царю Котису I в его борьбе за власть с братом Митридатом VIII Рим также отправил военный отряд. О взаимоотношениях ольвиополитов с римлянами во второй половине I в. н. э. не имеется каких-либо достоверных источников. Несмотря на усилия Абаба, Ольвия пока оставалась вне прямых интересов римлян. Представляется, что в какой-то мере этому мешали ее взаимосвязи с сарматами.

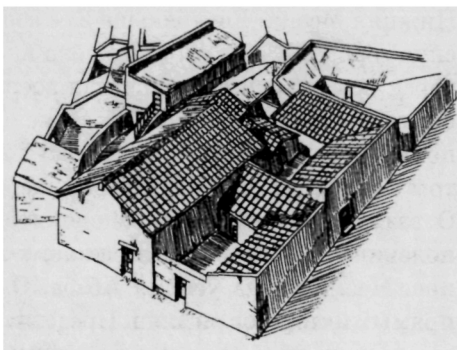

Оборонительный комплекс
городища Скелька.

Реконструкция С.Б.Буйских

надлежавшее супруге сарматского царя. Еще раньше Плиний Старший, будучи хорошо информированным о делах Рима и его провинций, указывал на размещение одного из сарматских племен – сираков – поблизости от ольвийской святыни Ахиллодрома. Они перебазировались сюда после поражения в боспорской междоусобной войне Митридата VIII и Котиса I, где сражались со сторонниками последнего – аорсами.

Ольвийское государство снова оказалось как бы в кольце различных варварских группировок, тревоживших его население набегами. Поэтому на местах неукрепленных раньше сельских поселений были основаны укрепленные рвами и оборонительными стенами с башнями городища. Впоследствии они представляли собой своего рода общую систему обороны принадлежащих Ольвии земель. Вследствие сло-

Жилые дома Козырского городища.
По С.Д.Крыжицкому и А.В.Буракову

Золотые монеты Фарзоя

жившейся обстановки ольвиополитам, видимо, не оставалось ничего другого, как заключить какой-то договор с одним из наиболее влиятельных сарматских царей.

Наиболее важные сведения об ольвийско-сарматских взаи-

моотношениях во второй половине I в. н. э. дают золотые монеты, чеканенные на ольвийском монетном дворе, с изображением царя Фарзоя и серебряные монеты, вероятно, его сына Иненсимея. Фарзой – один из немногих правителей в Северном Причерноморье, чье имя и образ засвидетельствованы только на золотых монетах. По внешнему признаку их разделяют на две группы. В первой – имя и титул царя расположены на реверсе, около изображения орла с тамгой в лапах, а на аверсе – голова Фарзоя. На второй – надпись помещена вокруг его портрета на лицевой стороне, а на реверсе возле орла поставлено сокращенное имя ольвийского магистрата. На монетах представлена голова Фарзоя с длинным, расширяющимся книзу носом, круглыми, слегка прищуренными глазами под нависающими надбровными дугами, выдвинутым вперед или приподнятым подбородком, подчеркивающим его волевой и упрямый характер. Иногда царя изображали в шапке с меховым околышем, над которым просматривается диадема. На одной из монет он представлен еще очень молодым, на другой – в пожилом возрасте с худым лицом, а на большинстве монет – в зрелом возрасте.

Длительное время из-за некоторого сходства монет Фарзоя с монетами Скилура Фарзой считался скифским царем. Датировка его монет колебалась в пределах II в. до н. э. – II в. н. э. В результате сравнительного анализа тамгообразных знаков и монограмм на боспорских и ольвийских монетах П.О.Карышковский окончательно установил, что монеты Фарзоя и Иненсимея, как и монеты боспорского царя Аспурга, – сарматского происхождения, имеют тамги. Поэтому этих царей следует относить не к скифам, а к сарматам, что признается сейчас большинством ученых.

Однако относительно локализации царства Фарзоя высказаны различные версии. По находкам трех монет этого царя в разных местах и несколькими более-менее синхронным им погребениям, его размещают то на северный запад от Ольвийского государств или на огромных степных пространствах от Борисфена, включая Левобережье, до Тираса или Истра; то всего лишь в Нижнем Поднепровье или непосредственно возле границ Нижней Мезии и т. д. При этом никто не обращает внимания на то, что такие находки случайны. Не известно, где была найдена основная часть монет (всего 14), которые разбросаны сейчас по разным музеям мира, принадлежат коллекционерам или навсегда утеряны. Ни в одном из сочинений античных авторов какое-либо сарматское царство, а тем более Фарзоя, в этих областях не упоминается, хотя многие из них писали о набегах и военных столкновениях римских солдат с сарматами. Однако это не мешает считать, что чрезвычайно мощное царство во главе с Фарзоем сразу же установило протекторат над Ольвией и стало вассалом Римской империи.

Прямой политической зависимости или полного подчинения города Фарзоем все-таки не было. Ольвиополиты одновременно с его монетами выпускали собственную медную монету и посылали посольские миссии в разные места. Тем не менее, как известно из раскопок города и «Борисфенитской речи» Диона Хрисостома, они не достигли пока не только экономического расцвета, но и относительного благополучия. Чеканя золотые монеты Фарзоя, Ольвия оставалась чрезвычайно бедным государством. Очевидно, на протяжении более двадцати лет, когда выпускались эти монеты, Фарзой, как в былые времена Сайтафарн, собирал с ольвиополитов дань. В такой же степени вероятно, что он, как и Скилур, контролировал торговые пути, но помогал городу в случаях, когда тому угрожали нападением другие варвары. Вместе с этим, он держал в своей ставке советников и помощников из Ольвии, стремился внедрить сарматский элемент в культуру и этнический состав ее населения путем заключения межэтнических браков и т. п. Только правители такого царства, которое имело все традиции и компоненты царской власти, теснейшие и давние отношения с Ольвией и Боспорской державой, хорошо знали эллинскую культуру, могли выпускать собствен-

ные монеты со своими портретами и сложной эллинской и сарматской символикой.

Ведь совсем не исключено, что золотая монета Фарзоя, как один из ценных предметов, служила для царских наград и даров с целью пропаганды его силы и влияния, имени и авторитета. В то же время она представляла собой своего рода символ принадлежности греческого города к царским владениям при сохранении политической автономии, поскольку обширный регион находился под контролем и охраной сарматского царя, а Ольвия, как бы то ни было, располагалась на земле, окруженной варварским миром. Точно так же ольвиополиты по собственной инициативе могли выпускать эти монеты для удостоверения лояльного отношения к сарматам при подношении Фарзою даров или ежегодной дани. Фарзой был хорошо знаком с эллинской культурой, религиозными культами и их символикой, представленной на его золотых монетах. Даже поверхностное сравнение монет Фарзоя и Иннесимея показывает, что это были не просто дикие варвары, а достаточно эллинизированные правители, остававшиеся при всем этом верными своим этническим традициям.

Комплексный анализ письменных и археологических материалов, а также различных точек зрения других авторов свидетельствует, что царство Фарзоя необходимо искать в регионе оседлых скифо-сарматских племен. Не исключено, что он создал сильное царство с центром в Неаполе, куда входили непродолжительное время нижнеднепровские городища, земли сираков и Крымская Скифия. Географическая близость, политические и экономические контакты Ольвии, нижнеднепровских и крымских городищ, их постоянная обоюдовыгодная заинтересованность в торговле сделали этот город основным центром притяжения для всех уже достаточно эллинизированных варваров огромного региона.

Интересный фрагмент ольвийского декрета был обнаружен не так давно под Мангупом в Крыму. Неведомо каким образом он попал в столь отдаленные от Ольвии места. Из него можно получить лишь разрозненную информацию. Какой-то деятель (предположительно, ольвиополит, имя которого не сохранилось) сделал ряд полезных дел, которые традиционно в декрете перечислены. В один из голодных годов он сумел достать продо-

вольственные товары, пройдя через враждебную страну. На собственные средства как посол побывал, вероятно, дважды у легатов Нижней Мезии, возможно, даже у Т.Плавтия Сильвана Элиана. Потом он снова занимался доставкой продовольственных товаров в Ольвию. Во время какой-то войны еще раз, исполняя посольскую миссию, но неизвестно в каком месте, выполнил все то, что ему было поручено, в результате чего «...заполнил нашу местность вспомогательным отрядом, что дало возможность возродить... мужество в отчизне и стремление деятельности». В последнем отрывке речь идет о том, что этот деятель «совершил также и посольство к Умабию (...) величественных царей Аорсии».

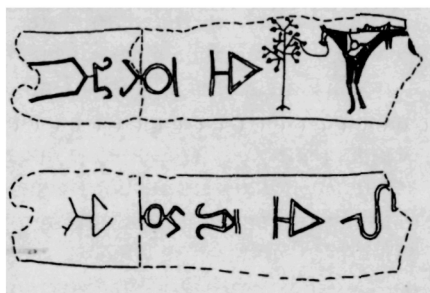
В почетных декретах отличившихся граждан чаще всего перечислялись различные достижения в их деятельности. Кроме того, для ольвиополитов, как и вообще для эллинов, топоним – будь то город, полис, страна – это то, что более или менее имеет давние границы и название. В декрете употреблен географический термин Аорсия, что, безусловно, указывает на известную по другим источникам страну между Танаисом и Прикаспием. Длительный период здесь обитали аорсы, занимаясь не только кочевническим скотоводством, но и земледелием. Они построили на этих землях укрепления, контролировали известные торговые пути, поддерживали теснейшие связи с Боспором.

Посольская миссия анонимного ольвийского деятеля в Аорсию стала возможной лишь в том случае, если сираки, объединившись с поздними скифами, начали притеснять ольвиополитов или пытались силой взять их город, как скифы – Херсонес, требуя непомерную дань. В Ольвии не могли не знать о ходе боспоро-римской войны, тянувшейся несколько лет и ставшей причиной появления сираков вблизи юго-восточных границ Ольвийского государства, а возможно, и на его землях. В этот период оно еще не имело возможности вновь освоить и заселить принадлежащие ему в период экономического расцвета обширные территории. В декрете из-под Мангупа, вероятно, на самом деле речь идет о нижнемезийских легатах, к которым в тяжелых ситуациях Ольвия обращалась за помощью. Но если оттуда и поступала помощь, то она во второй половине I в. н. э. была

краткой и эпизодичной, не внесла в жизнь ольвиополитов каких-либо существенных и заметных изменений. Безусловно, продолжались незначительные торговые связи с некоторыми городами, в том числе и с теми, что входили в состав Римской империи, но постоянной базы римлян здесь еще не было. Обедневший город, не способный быстро подняться в экономическом плане до уровня других греческих городов, к тому же расположенный на определенном расстоянии от главного морского пути, имевшем для римлян стратегическое значение, мало их интересовал по сравнению с Тирой, Херсонесом и Боспором.

Очевидно, только такое первоначальное безразличие римлян к Ольвии побудило ее деятелей обратиться за помощью к сарматам и боспорцам. С целью повышения обороноспособности и ускорения экономического подъема, как и во время осады Зопириона, в гражданский коллектив Ольвии была включена небольшая группа военной элиты сарматского и эллино-скифо-сарматского происхождения. Это произошло приблизительно на рубеже I–II вв. – вскоре после отъезда Диона Хрисостома. Бесспорно, он бы не преминул вспомнить, что в городе совместно с истинными эллинами уже проживали граждане варварского происхождения со столь необычными, а порой и труднопроизносимыми именами.

С этого времени в ольвийских надписях постоянно отмечаются ираноязычные имена ольвийских архонтов, стратегов, агораномов, послов, наряду с чисто эллинскими и смешанными именами. Причем носителей негреческих имен среди стратегов было больше по сравнению с другими магистратскими должностями. Судя по ним, в Ольвии жили потомки царей Фарзоя и Иненсимея, а также представители из племени сираков. В силу происхождения, смешанных браков, понимания преимуществ эллинского образа жизни и эллинского государственного устройства они значительно

*Костяная пластина
с сарматскими знаками*

*Золотая
погребальная маска*

быстрее, чем рядовые зависимые варвары, воспринимали и заимствовали все эллинское, даже в религиозной сфере.

Получив здесь не только гражданские права, но и доступ во все магистратуры, они содействовали увеличению экономического потенциала Ольвии. Так, в посвяtitельной надписи Аполлону Простату первой половины II в. представлены разноэтничные имена стратегов: Сохубаз, сын Антония, Омсалак, сын Евресибия, Флиманак, сын Теагена, Посейдоний, сын Нейлона, Дурпагайс, сын Офелиона, Атадон, сын Метака. При этом следует отметить, что только коллегия стратегов, состоявшая в большинстве из носителей негреческих имен, в конце исполнения срока службы преподносила в дар храму Аполлона дары из драгоценных металлов. Из разграбленных погребений происходят также отдельные сарматские золотые вещи, украшенные камнями, зеркала, золотая погребальная маска и др.

Согласно надписям II – первой четверти III в., носители иранских имен чаще давали греческое имя сыну, чем наоборот, что указывает на процесс эллинизации, а не варваризации ольвийского общества. Феномен заключается в том, что, благодаря сильнейшей полисно-демократической традиции и ее живучести, в Ольвии победила община коренных ольвиополитов, вынужденная в силу экстраординарных ситуаций впервые включить в свой состав выходцев из варварского объединения. Под ее целенаправленным воздействием они не только восприняли демократические установления и специально введенные правила по отправлению обрядов в культах верховных божеств государственными коллегиями, но и стремились к постижению знаний и ведения государственных дел по ольвийскому образцу. Ни одно из античных государств на Понте, за исключением Боспора, не дает такого большого разнообразия как варварских имен, так и сарматских знаков.

Ольвийско-римские взаимоотношения. Ольвия – единственная из всех северо-западнопонтийских полисов сравнительно долго оставалась не включенной в состав римской провинции Нижняя Мезия и сюда не были сразу же введены римские гарнизоны. Сарматско-римские войны, наверно, не стимулировали действий нижнемезийских легатов к окончательному присоединению Ольвии, хотя такие попытки не исключены. Разнообразные высказывания ученых о пребывании здесь солдат А.Дидия Галла и Т.Плавтия Сильвана, более того, о зависимости Ольвии от Рима при Нероне или ее завоевании римским военным отрядом пока ничем достоверно не подтверждены. В данном аспекте наиболее весомым представляется факт посещения Ольвии изгнанным из Рима и антиримски настроенным Дионом Хрисостомом. Из всех эллинских городов на Понте он избрал Ольвию лишь потому, что она единственная в данном регионе в конце I в. н. э. оставалась еще свободной от римского влияния и подчинения. Положение начало постепенно изменяться только во II в.

Очевидно, уже при императоре Адриане произошло улучшение внешне- и внутривосточной обстановки как в окружающем регионе, так, собственно, и в Ольвии. В 118 г. Адрианом были побеждены сарматы, он дважды посетил Нижнюю Мезию, вероятно, и Тиру, где ему поставили мраморную статую. В общем, римские позиции были значительно укреплены в ближайшей к Ольвии местности. Может быть, в это время за Тирой, как пограничным северо-западным форпостом империи, закреплялись аграрные территории, которые могли граничить с землями, находившимися в сфере экономического и политического влияния Ольвии как в эллинистический, так и в римский периоды. Посвятительные плиты Ахиллу Понтарху от коллегий архонтов и стратегов, специально выставляемые, начиная с этого времени в пограничной западной зоне Ольвийского государства, свидетельствуют о том, что ольвиополиты считали эти земли полисной собственностью. Видимо, не случайно в среде ольвийских приверженцев римской политики и культуры популярным стало родовое имя Адриана – Элий: Публий Элий Аргамен, Публий Элий Ахилл, Элий Квинтилий, Элий Навтимов.

Разумеется, усиление римского военно-политического и экономического контроля во всем Причерноморье не могло не интересовать ольвиополитов. Они знали, что западнопонтийские города, несмотря на теснейшие связи с римлянами, сохранили свои права и сельскохозяйственные территории. Более того, в первые десятилетия II в. они создали особое политическое и сакральное объединение Пента/Гексаполис, во главе которого стоял верховный президент – понтарх, избираемый от каждого города или из членов коллегии магистратов. В это же время Ольвия навсегда потеряла контроль над о-вом Левке, который перешел к западнопонтийскому г. Томису. Он представлял собой уже крупный экономический и культурный центр.

*Римский воин со щитом.
Терракота*

Около середины II в. вследствие нападения тавро-скифов и разрушения городищ Ольвия обратилась за помощью к римскому императору Антонину Пию. Из Нижней Мезии на помощь ей были посланы войска, отразившие нашествие варваров и вынудившие их заключить весьма выгодное для ольвиополитов перемирие. В городе по поводу этой победы были устроены большие празднества с жертвоприношениями в честь Аполлона Защитника. Только с этого времени в Ольвию был введен римский военный отряд, состоявший из солдат I Италийского, V Македонского и XI Клавдиева легионов. Однако окончательно власть Рима была признана ольвиополитами лишь при правлении Септимия Севера в 198 г.

Отныне нижнебугский полис более интенсивно включается в ареал римского мира. Значительно расширились экономические и политические связи со многими малоазийскими и балканскими провинциями, понтийскими городами. Ольвия постепенно превращалась в торговый и культурный центр в Нижнем Побужье. Началось, особенно со времени постоянной дислокации

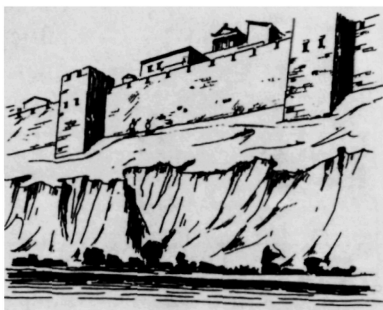

*Фракийский
всадник Рес*

солдат, интенсивное проникновение римских и провинциальных монет. На протяжении 198–235 гг. Ольвия выпускает монеты только с именами и портретами императоров и членов их семейств, в частности Септимия и Александра Северов, Каракаллы, Геты, Юлии Домны и Юлии Мамеи. Тем не менее, наряду с изображениями и именами императоров, на монетах до конца чеканки отмечался демотикон «ольвиополиты». Но только на отдельных из них изображались почитаемые ими божества: Зевс Ольвий, Ахилл Понтарх и Тихе. Столь популярный на протяжении многих веков образ Аполлона со времени признания Ольвией власти Рима так и не появился на ольвийских монетах, хотя этого бога чтили в Риме. Из надписей известно, что в городе были установлены памятники Каракаллы и Геты, построена римская баня. Пребывание в Ольвии римских солдат и их семейств внесло особый колорит в жизнь исконных ольвиополитов. Судя по сравнительно немногочисленным именам римских солдат на надгробиях, они в основном принадлежали к выходцам из Нижней Мезии. Среди них были греки и фракийцы, усвоившие основные черты римской культуры и следовавшие выработанным в армии правилам, в частности установке надгробных стел с эпитафиями на латинском языке. На ольвийском некрополе хоронили и умерших членов семейств легионеров. Римские имена в ближайших городах намного превышают отмеченные в латинских надгробиях из Ольвии. К тому же, они, например в Херсонесе, Истрии и Томисе, не столь обычные и однотипные, как в Ольвии. Длительная и постоянная дислокация здесь римских войск не подтверждается при сравнении латинских надписей с западнопонтийскими городами и Херсонесом. Только отдельным ольвиополитам было предоставлено римское гражданство. Однако в это время они не имели особых привилегий, несмотря на стремление продемонстрировать свое верноподданническое отношение к римской власти. Хотя эти граждане носили римские имена, но они строились по типично

греческой традиции: Аврелий Юлиан, сын Юлиана; Поплий Элий, сын Аргамена; Тит Флавий, сын Филомена и др. В ольвийской антропонимии встречаются даже четырехсоставные имена жителей, не желавших забывать свое исконное происхождение, например, Марк Ульпий Пирр, сын Арсеуаха, Марк Аврелий Микион, он же – Муропсаз. Вместе с тем, нередко и одночастные

Оборонительная стена цитадели.
Реконструкция С.Д.Крыжицкого

имена, среди которых самым распространенным было Антоний. Таким образом постепенно видоизменялись имена и в Ольвии, а вместе с ними – и отношение к исконным эллинским традициям.

Тем не менее, внутреннее самоуправление города с его традиционным Советом, Народным собранием и главными магистратурами исполнительной власти оставалось в основном прежним. Главную роль в государственной и общественной жизни играла элитарная прослойка гражданской общины. С включением Ольвии в орбиту Римской империи эти органы власти контролировались нижнемезийскими легатами. Из фрагментированной надписи известно, что некий ольвиополит, удостоенный почетного звания отца города, исполнял при Северах общественные обязанности в нуждах епархии, встречал сарматских царей, которые, как и прежде, не оставляли ее в покое, и был послом к императорам ради интересов Ольвии.

Отдельные граждане, владея крупными средствами, проявляли заботу о государстве, независимо от того, какие имена носили: Феокл, сын Сатира; Карзоаз, сын Аттала; Каллисфен, сын Каллисфена; Аврелий Юлиан, сын Александра и др. В результате экономической, политической и культурной деятельности Ольвия вновь приобрела определенный престиж на Понте и, особенно, в восточных провинциях Римской империи. В немалой степени этому содействовало возобновление религиозно-спортивных празднеств на Тендре в честь Ахилла Понтарха. В городе значительно усилилась строительная деятельность.

Он вновь приобрел благоустроенный вид. Были построены новые храмы, гимнасий и другие общественные сооружения. Декрет второй половины II в. в честь Феокла, сына Сатира, избравшегося первым архонтом четыре раза, отмечает, что при нем город стал более славен и красив, поскольку этот магистрат уделял много внимания строительству. Как и в былые времена, Ольвия привлекала к себе внимание иностранцев. В этом же декрете перечислено 18 городов, жители которых по тем или иным причинам находились в городе и отмечали заслуги Феокла. Среди них – понтийские и многие малоазийские города, в том числе и Милет, очевидно, все еще не забывший дочерний полис.

Наибольший интерес среди прославленных ольвиополитов этого времени представляет Каллисфен, сын Каллисфена. Сохранилось три фрагмента надписей, благодаря которым можно относительно представить жизнь и деятельность последнего представителя славной плеяды ольвийских граждан. В наибольшей степени она раскрыта в его почетном декрете, изданном после смерти предположительно в начале III в. н. э., когда Ольвия уже входила в состав Нижней Мезии. Подтверждается это надписью, в которой речь идет о посвящении бани отечественным богам и римским императорам Септимию Северу и Каракалле при правителе Нижней Мезии Косконии Гентиане и первом архонте Ольвии Каллисфене, сыне Каллисфена, где он именуется отцом города. Этот титул присваивался государственным деятелям, отличившимся политической и благотворительной деятельностью, им же нередко именовались и римские императоры.

После его смерти был составлен специальный декрет, написанный Каллисфеном, сыном Дада, который на Всенародном собрании прочитал первый архонт Фрасибул, сын Флимнага. В сохранившейся части текста декрета имеются разъяснения и доказательства того, за какие заслуги и почему он удостоился чести быть отмеченным государством: «Так как Каллисфен, сын Каллисфена, муж, происходящий от предков славных и известных Августам, а также основавших город и оказавших ему много услуг в трудные времена, похвала которых невыразима словами, но памятна во времени. Итак, происходя от таких предков, он наследовал не только их имущество, но и доблесть, и украсил их; не принужденный человеческой необходимостью,

*Голова Зевса-Аммона.
Мрамор*

но воспитанный божественным провидением, приобрел самородную несравненную мудрость; возмужав же, приступил к государственной деятельности и верно служил стратегом, оказав всевозможное доброе попечение об охране города, а также досточтимо и справедливо четыре раза исполнял должность первого архонта-эпонима, за превосходные советы и полезную деятельность получил звание отца города; став же жрецом покровительствующего на-

шему городу бога Зевса Ольвия... обратился с мольбою о благоратворении воздушных и вымолил счастливый год; имущество же свое все издержал, давая всем нуждающимся деньги, сколько они просили...». На этом надпись оборвана и осталось неизвестным, какими почестями был посмертно вознагражден Каллисфен.

Даже если почетное звание отца города присвоено ему в последнем десятилетии II в., то годы его жизни и деятельности приходятся на вторую половину II в. Это было то время, когда здесь уже был расквартирован римский гарнизон. Видимо, местная элита, в том числе особенно Каллисфен, была заинтересована во всесторонней поддержке со стороны римских императоров, что было возможным при включении Ольвии в состав одной из провинций империи. Возможно, как наследник известных Августам предков, очевидно, Абаба, сына Каллисфена, он в значительной мере инициировал процесс подчинения города римлянам. Но до конца жизни оставался верен ольвиополитам, занимался благотворительной деятельностью до самой смерти. Исходя из сохранения в Ольвии многих традиций относительно увековечивания заслуженных деятелей, можно полагать, что Каллисфен был похоронен в богатом каменном склепе под высоким, так называемым Зевсовым курганом. Местонахождение этого монументального памятника вблизи границ города римского времени, непосредственно к северо-востоку от главного теменосса, где раньше почитали Зевса, было продиктовано особой приверженностью Каллисфена и его рода к этому богу, верой оль-

виополитов в бессмертие своего благодетеля и его воспитание «божественным провидением».

Вместе с тем почетный декрет Каллисфена дает яркое представление о значительных нарушениях демократических норм правления, когда один и тот же гражданин четырежды исполнял должность первого архонта-эпонима, воздействовал советами и действиями на ольвиополитов, придерживался проримской ориентации. В период его деятельности предпринимались и попытки сохранения автономии Ольвии, а также более действенной эллинизации варварской прослойки в ее гражданской общине. Даже незадолго до первого «готского» разгрома здесь все еще правила коллегия архонтов, куда избирались граждане, носившие не только греческие или греко-варварские, но и чисто варварские и римские имена. Во II – первой половине III вв. они, бесспорно, составляли здесь единую гражданскую общину ольвиополитов с превалирующим эллинским обликом во всех сферах жизни: исполняли одинаковые должности, в том числе и жреческие, поклонялись одним и тем же греческим богам (пусть только официально), увенчивались на Народных собраниях золотыми венками и награждались почетными декретами за заслуги перед отечеством по эллинским обычаям, отправлялись послами к сарматским и скифским царям, а также нижне-мезийским легатам. На последней серии ольвийских монет с римской воинской эмблемой (орел с венком в клюве) изображался венок, внутри которого помещен исконный демотикон *ΟΛΒΙΟΠΟΛΙΤΩΝ*, указывающий, что и в это время гражданская община Ольвии считала себя автономной. Эта самостоятельность была, конечно, во многом номинальной, хотя в монетной легенде и можно усматривать своего рода политическую демонстрацию и стремление к свободе.

Примечательно и то, что во II – первой трети III вв. Ольвия достигла значительных успехов в развитии экономики и культуры. Она вновь обладала обширной сельской округой, но уже с хорошо укрепленными городищами. Не только в городе, но и в городищах возводились каменные дома и оборонительные стены. Римская цитадель в Ольвии стала своеобразным форпостом ее благополучия и надежды на долгую мирную жизнь. Ольвийский гражданин, получивший римское гражданство, Аврелий

Юлиан, сын Александра, за свой счет поставил «храмы от оснований с портиком, черепичной работой, дверями и окнами богам милостивым Серапису и Исиде, Асклепию и Гигиее, Посейдону» в честь императора Александра Севера, римского сената и воинства, а также за здоровье и благочестие родного города.

Огромные зернохранилища находились в непосредственной близости от Восточного теменоса и даже на его территории. По всей видимости, ольвиополиты все еще помнили, где раньше были святилища их любимых богов, если их защите предоставили запасы зерна в этом предместье. В городе по-прежнему работали мастерские по производству самых разных изделий. Более того, отдельные ольвиополиты даже занимались виноделием, несмотря на то, что сюда импортировалось много вина из разных провинциальных городов. Интенсивные торговые связи дали возможность жителям возродившегося государства в Нижнем Побужье укрепить свои позиции. Ольвия и городища в это время наполнились множеством разнообразной краснолаковой и стеклянной посуды. Значительно богаче стали погребальные комплексы, в которых встречаются уникальные изделия лучших мастеров римского времени. Из многих данных видно, что город находился в процессе экономического подъема и даже относительного процветания под защитой римских солдат.

Постепенное угасание Ольвии. Однако стабилизация экономической и политической жизни в Ольвии продолжалась совсем не долго. Серия монет с портретами Александра Севера и римским орлом, Юлии Мамеи со стоящей Тихе завершает вообще ольвийскую чеканку уже в конце первой трети III в. По мнению П.О.Карышковского, «преобладание военной символики на северовских монетах в Нижней Мезии, Фракии и Малой Азии (в Ольвии к этой категории относятся изображения воина, лаврового венка и легионного орла) приводит к выводу, что расширение провинциальных эмиссий имело целью переложить на плечи провинциалов значительную часть резко возрасставшей в первой половине III в. н. э. денежной оплаты воинов, а сам рост жалования командиров и солдат был одним из симптомов неотвратимо приближавшегося кризиса рабовладельческого Рима».

Будучи составной частью (пусть и на самой отдаленной окраине) этого громадного и трудно управляемого государствен-

ного организма, Ольвия, тем не менее, подверглась разрушительному набегу враждебных Риму варварских племен. Предполагается, что было два «готских» или «скифских» нашествия. После первого нашествия в 232–238 гг. Ольвия была быстро восстановлена. Однако после нашествия в 269–270 гг. погибли городища ольвийской округи, а сам город подвергся полному разрушению. Его жители на какое-то время оставили родные места. Жизнь возрождается здесь в 80-е гг. III в., что удостоверяется находками римских монет правления Диоклетиана, и заканчивается в третьей четверти IV в.

На последнем этапе своего существования Ольвия представляла собой маленький невзрачный городишко. Нет никаких письменных свидетельств о том, называли ли по-прежнему себя его жители ольвиополитами, сохранилось ли ее исконное название и существовала ли здесь гражданская община полисного типа. Здесь больше не выпускались собственные монеты, не ставились памятники божествам и не устанавливались стелы с декретами, столь характерные для эллинского образа жизни. Если в духовной сфере население еще отправляло какие-то обряды и праздники по эллинским традициям, то в источниках это не находит отражения. Известное посвящение Зевсу Ольвиополитанскому из Добруджи свидетельствует о почитании его легионером, которого лишь гипотетически можно считать бывшим жителем Ольвии.

Так что, хотя на месте некогда цветущего и известного в греческом мире полиса еще и продолжалась жизнь, она была сосредоточена лишь ради выживания и материального обеспечения в тяжелых условиях в окружении новых варварских группировок. Главное место среди них теперь занимали оседлые племена – так называемые черняховцы, этническую основу которых составляли готы. Раскопками В.В.Крапивиной на юго-восточном плато Ольвии зафиксировано наличие небольших жилых каменных домов и производственно-хозяйственных комплексов последних десятилетий III – первой половины IV вв. На прежней ольвийской хоре появляется много неукрепленных черняховских поселений. В общем, исходя из находок монет римских императоров от Диоклетиана до Валента включительно, считается, что жизнь в Ольвии окончательно прекратилась в пределах третьей четвер-

ти IV в. Крайне интересно то, что одновременно прекращается существование святилища Ахилла на Тендровской косе, которое всегда находилось под попечительством и защитой Ольвии. В сакральном зольнике на Ахиллодроме найдены многие приношения, в особенности монеты из разных центров античного мира. Самые поздние, как и в Ольвии, относятся к чеканке при императоре Валенте (364–378). С политическим и экономическим угасанием Рима с исторической арены навсегда ушли некоторые понтийские города, в том числе и Ольвия с принадлежащими ей святилищами.

На протяжении всей ее истории заметно проявление мировоззренческой позиции по отношению ко всем эллинам и иноэтническим объединениям, с которыми ольвиополиты вели оборонительные войны. В отличие от Херсонеса и, особенно, Боспора, в Ольвии отсутствуют какие-либо источники, которые бы свидетельствовали о том, что она провоцировала военные нападения на обитавшие вблизи ее границ племена или соседние античные города. Отсутствие таких провокационных действий и их неприемлемость для ольвиополитов подтверждаются также всей системой их мировоззрения. В этом также заключалась одна из главных причин живучести небольшого демократического полиса, его умения приспосабливаться к существовавшим историческим условиям, даже мириться с уплатой дани варварским царям и содействовать их торговле с эллинами Средиземноморья, возрождаться после трагических разгромов, успешно утверждая неизменное право на жизнь, на дальнейшее развитие прогрессивной культуры и государственности. В силу неминуемых обстоятельств ей пришлось в конце концов подчиниться Римской империи, которой она, по большому счету, так никогда и не была особенно нужна. Однако вряд ли в окружении столь воинственных варварских орд Ольвия смогла бы просуществовать дольше предназначенного ей судьбой и самой историей срока.

ДУХОВНАЯ КУЛЬТУРА ОЛЬВИОПОЛИТОВ

Ни искусство, ни мудрость не достижимы,
если не учиться. Мудрому человеку открыта
вся земля, ибо родиной для благой души
является весь мир.
Демокрит

Ольвия развивалась в постоянном единстве с греческим, а затем и греко-римским провинциальным миром. Прямая наследница ионийской духовной культуры и религии, она почти все время оставалась их носителем в Причерноморье, сохраняя заложенные еще в период становления полиса основные традиции. Вместе с тем, независимость от метрополии, значительная удаленность от главных центров Эгеиды и близкое соседство с иноэтническими объединениями обусловили особенное своеобразие ее развития. Будучи неотъемлемой частью античного мира, Ольвия прежде всего подвергалась влиянию многих греческих городов, в частности Афин, — знаменитого центра высокой культуры. В эллинистический и римский периоды на смену им пришли другие города, но ни с одним из них уже не были установлены столь тесные и продолжительные культурные связи.

Нравственные идеалы ольвиополитов. Прежде всего необходимо хотя бы совсем кратко отметить, что же представляли собой в духовно-нравственном отношении ольвиополиты. Надписи, конечно, лишь в определенной степени помогают понять их характеры, устремления и присущие каждому свойства. Среди них можно выделить мужество погибшего вдали от города Леокса; расчетливость, способности финансиста, смекалку и доблесть Каллиника; трудолюбие, благородство, патриотизм и ярко выраженную добродетель Протогена; сознание необходимости выполнения своих обязанностей перед гражданами Антестерия; преданность и храбрость Никерата; стремление к личной славе и романофильство Абаба; гостеприимство, способность

справиться с любыми обязанностями и поручениями Карзоаза; дипломатические способности юного Дадага, сумевшего отстоять принадлежавшие городу права; трудолюбие, редкостное попечение о благоустройстве и культурном виде Ольвии Феокла; здравый политический ум, философские увлечения и альтруизм Каллисфена.

Однако лишь Протоген принадлежал к тому типу граждан Ольвии, для которых сохранение и независимость полиса были значительно ценнее собственных богатств и благополучия. Во всех отношениях его характер соответствовал смыслу его имени ΠΡΩΤΟΓΕΝΗΣ — «первороденный, благородный», «знатный». Возможно, если бы в Нижнем Побужье в период его жизни сложилась спокойная обстановка и ничто не угрожало городу, эвергетическая деятельность Протогена не проявилась бы с такой последовательностью в каждом отдельном случае, когда действительно необходимо было становиться в первый ряд для спасения населения и от голода, и от Сайтафарна, и от галатов, и от других варваров.

Мы не имеем никаких сведений о том, как Протоген проводил свободное время, где именно жил и из кого состояло его семейство. Исходя из отдельных косвенных данных, лишь гипотетически можно полагать, что он занимал один из наиболее богатых домов в Ольвии. Из открытых на городище можно привести только ранее упомянутые два больших дома с мозаичными полами в андронах. Поскольку Протоген обладал значительными средствами, то устраивал для друзей симпозиы, игравшие, как общеизвестно, огромную роль в жизни граждан греческих городов. Об устройстве таковых в Ольвии свидетельствуют наличие андронов в жилых домах и многочисленные застольные граффити. Даже в кризисных ситуациях в Ольвию доставлялись вина из разных центров Эгеиды и Причерноморья.

Протоген воплощал в себе славный образ ольвийского гражданина, воспитанного в старых полисных традициях и стремящегося во что бы то ни стало сохранить их ради блага всех ольвиополитов, как единого гражданского коллектива. Он был наделен разумом, трудолюбием, благородством, энергичностью, способностью быстро принимать решения и даже рисковать соб-

ственной жизнью ради общей свободы. Эвергетия Протогена и по прошествии двадцати двух веков поражает размахом, постоянством и разнообразием, сохраняя за собой первое место в эпиграфике Причерноморья по количеству совершенных им дел и проведенных мероприятий. Известные лидеры обладали ораторским искусством, давали разумные советы и оставляли частицу своих знаний в памяти сограждан. В воспитании молодежи большое значение имел пример их жизни и деятельности. О них и их потомках, если они следовали нравственным идеалам полиса, особо отмечалось в почетных декретах. Однако это лишь самые общие представления об отдельных лидерах ольвийской гражданской общины.

Поэтому не остается ничего другого, как снова обратиться к свидетельствам Диона Хрисостома. Конечно, в то время это уже были не счастливые граждане времени наивысшего расцвета Ольвии. Но не менее мужественные и преданные своему городу, в любую минуту готовые броситься на отпор нападавшим варварам. Все они были «на древний манер, как говорит Гомер об эллинах, длинноволосые и бородатые, один только между ними был выбрит, и его все поносили и ненавидели; говорили, что он сделал это... из желания польстить римлянам». Более подробно описан восемнадцатилетний Каллистрат, обращавший на себя внимание необыкновенной красотой и сохранивший в облике много ионийского. В Ольвии он уже успел прославиться как храбрый воин, убивший или взявший в плен многих сарматов. Дион Хрисостом встретил его как раз тогда, когда он верхом на коне возвращался в город вместе со слугой после безуспешной попытки спасти захваченных в плен ольвийских охранников. Каллистрат был одет в шаровары и другое скифское убранство, на плечи наброшен короткий тонкий черный плащ, какой обычно носили ольвиополиты, и имел при себе большой всаднический меч. Как сообщил Дион Хрисостом, Каллистрат прилежно занимался красноречием и философией, восхищался поэзией Гомера и подвигами воспетого им Ахилла.

Несмотря на тревожную обстановку в городе из-за очередного нападения скифов многие ольвиополиты в полном вооружении собрались перед храмом Зевса, чтобы послушать выступление приехавшего к ним Диона Хрисостома. Они удивили его необык-

новенной вежливостью, умением слушать и выступать, а также уникальной приверженностью к поэзии Гомера: «...вероятно, потому, что они и теперь еще воинственны, а может быть вследствие любви к Ахиллу... кроме Гомера ни о ком другом не хотят и слушать. Хотя они по-гречески говорят не совсем уже чисто вследствие того, что живут среди варваров, но все-таки «Илиаду» почти все знают наизусть». Нравственный идеал для ольвиополитов заключался в постоянном стремлении не потерять культурных контактов со всем эллинским миром и быть с ним тесно связанным.

В городе во всех сферах культуры и политики господствовал эллинский язык как канон бережного отношения к традициям, причастности к великой цивилизации и основа основ его тесного с ней взаимодействия. Начиная с позднеклассического времени в языке ольвиополитов постепенно укореняются нормы общепризнанного аттического диалекта – койне. Эпиграфические памятники из Ольвии дают также наглядное представление о развитии палеографии, ее эстетическом понимании и уровне образования ольвийских граждан. Ни официальные документы, ни различные частные надписи даже в первые века н. э. не содержат каких-либо новых слов, которые можно было бы считать не эллинскими, за исключением имен и нескольких латинских терминов. Несомненно, их наличие наложило своеобразный отпечаток и на разговорный язык, особенно после того, как в Ольвии стали обитать скифы и сарматы с их совершенно иными именами. Сохраняя свойственные им имена, они, безусловно, разговаривали на присущем им языке, ставили сарматские знаки даже на отдельных ольвийских памятниках. Создается впечатление, что эллинизированные сарматы в Ольвии стремились к созданию собственной письменности. Возрастание римского влияния и даже дислокация в Ольвии римских legionarii не способствовали переходу ольвиополитов на латинский язык. Многовековое сохранение эллинского языка на далекой окраине античной ойкумены объясняется взаимосвязанными факторами: чрезвычайно высоким полисным патриотизмом и образованием, постоянным сохранением многих отчих обычаев в гражданской общине и религии, целенаправленными разно-

сторонними контактами с высокоразвитыми центрами Эгеиды, быстрым заимствованием новых достижений в палеографии, образовании, литературном творчестве, философии, архитектуре, театральном, музыкальном, изобразительном и декоративно-прикладном искусствах.

Религиозное мировоззрение. Ольвийская религия в основных чертах оставалась эллинской. Другое дело, что ее главные структурные элементы – культы многочисленных божеств – постоянно менялись и видоизменялись, наполнялись новым содержанием. Множество причин влияло на развитие идеологических представлений. И тем не менее, на протяжении многих веков, несмотря на войны и разрушения, ольвиополиты сохранили верность исконным божествам, культы которых были перенесены на берега Гипаниса в период основания полиса.

Организация официального пантеона сначала находилась под значительным влиянием Милета. Однако со временем здесь происходят различные перемены. Они преимущественно заключались в усилении функций отдельных божеств с присвоением им новых культовых имен, периодическом расширении пантеона и выдвигании на первое место одного бога. К верховным полисным божествам в догетский период относились Аполлон Иетрос, а затем Аполлон Дельфиний. В государственной религии периодически большую роль играли Зевс Сотер и Афина, в период интенсивного развития аграрного хозяйства – Деметра и Дионис. Кроме того, почитались, хотя и в меньшей степени, Артемида, Афродита, Посейдон, Гестия, Геката, Гелиос, Плутон, Кора, Гефест, Асклепий и Гигиея, малоазийская Мать богов

*Посвяtitельная
надпись Аполлону
с перечислением всех
месяцев календаря*

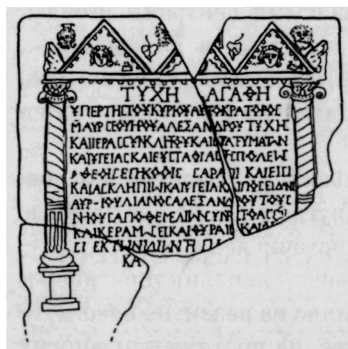

*Голова Асклепия.
Мрамор*

*Мать богов.
Мраморный рельеф*

*Надпись о сооружении храмов
египетским и греческим
божествам*

легионеров и ольвийских приверженцев римской политики и религии. Кроме наиболее чтимого Ахилла, немаловажное значение придавалось культам других обожествленных общегреческих героев – Геракла и Диоскуров. Почитались в Ольвии и местные герои. Проявлением особой демократизации в сфере религии было учреждение культа Демоса под влиянием Афин. Усиление такого культа в кризисный период истории города содействовало сплочению гражданской общины.

Особого внимания заслуживает тот факт, что, когда ольвиополиты вынуждены были включить в свой состав представителей из иноэтнической среды, они решительно реорганизовали пантеон. В этом, несомненно, проявилось их стремление к защите и процветанию исконно ольвийских культов. Четыре бога: Ахилл, Аполлон, Зевс и Гермес – стали главными, заняли доминирующее положение в государственной идеологии, служили политическому и социально-экономическому укреплению Ольвии. Всем были присвоены абсолютно новые культовые имена: соответственно Понтарх – Владыка Понта, Простат – Защитник, Полиарх – Владыка города и Агорей – Рыночный.

Попечительство над ними входило в обязанности отдельных коллегий магистратов. Кроме того, Зевса наделили именами Ольвий и Ольвиополитанский. В конце II в. н. э. в Ольвию была привезена скульптура Зевса – Аммона с закрученными на голове

и др. В позднеэллинистическое время в Ольвии был учрежден культ всех богов. Традиционно эллины клялись всеми богами, под которыми мыслились олимпийские или наиболее близкие человеку божества, в силу которых он особенно верил.

В первые века новой эры здесь появились культы египетских божеств – Исида и Сераписа, иранского Митры, фракийского героя Реса. Они почитались в основном в среде римских

бараньими рогами, свидетельствующая о религиозном слиянии эллинского и египетского божеств. О культе Зевса по-прежнему заботился аристократический род Евресибиадов, представители которого чаще всего избирались его жрецами. Из всех женских божеств в римский период наиболее выделяется Тихе, которая, по сути, заменила в Ольвии многие из них в полисной религии. Такое усиление ее культа произошло и в других регионах античного мира. По свидетельству многознающего Диона Хрисостома, она стала воплощать в себе Немезиду, когда вершит справедливость, ведающую законами Фемиду, Мойру как царящую в мире необходимость, почитаемую земледельцами Деметру и даже покровителя пастухов Пана.

Разнообразие функций Аполлона Простата видно из посвященных надписей стратегов, в обязанности которых входило попечительство над его святилищем. В них отмечены дорогие дары богу (золотые и серебряные статуэтки богини победы Нике, украшенный драгоценными камнями воинский пояс) в благодарность за мир, спасение государства и их самих, его благополучие и могущество. Аполлон, как и прежде, выступал здесь в ипостаси бога-миротворца и защитника, отвратителя войны и болезней, врачевателя и спасителя. В одной из эпитаграмм прямо говорится, что после победы над неприятелем вся отчизна праздновала жертвоприношениями, прославляя стрелка Феба – Аполлона Простата.

Однако в это время его значительно превзошел Ахилл Понтарх. Поскольку покровительство Ольвии над островом Левке перешло к г. Томису, культ Ахилла был перенесен на остров Березань и в сам город, где ему поставили храм. Более того, Ахилл впервые был возведен в ранг верховного бога с присвоением ему уникальной эпиклезы Понтарх. За состояние его святилища, общее почитание и проведение празднеств отныне отвечала коллегия архонтов. Каждый год по истечении службы они ставили благодарственные посвящения Ахиллу Понтарху на мраморных плитах в разных пограничных местностях, но только к западу от города. В основном это были остров Березань, побережья Березанского и Тилигульского лиманов. Известны также посвященные плиты от ольвийских стратегов, агораномов и жреца Зевса.

Молодые магистраты принимали участие в спортивных агонах на ахиллеях, где побеждали в каком-либо из видов пентатлона – беге, прыжках, бросании копья или диска. В надписях отмечалась благодарность за незыблемость, мир и крепость государства, мужество, обилие питьевой воды, благосостояние города и здоровье посвященных. Отсюда ясно, что Ахилл стал в Ольвии универсальным богом-защитником не только государства, но и его границ, способствовал урожайности полей, как и раньше, обладал целительными функциями. В одном из последних декретов он именовался Вечным отцом. Такое сакральное имя указывает, что на протяжении многовековой истории Ольвии он был ее исконным покровителем.

Только здесь воспетый Гомером в эпосе «Илиада» троянский герой в итоге неординарного религиозного творчества ольвиополитов был превращен во всемогущего уникального бога Ахилла в роли Владыки Понта. Сам по себе, изначально как обожествленный герой, он обладал разными свойствами, количество которых с выдвижением его на роль верховного бога значительно увеличилось. Вообще во II в. н. э. Ахилл владел столь многими функциями, что мог бы заменить все божества, если бы здесь не были так сильны политеистические традиции. Ведь, несмотря на постепенное расширение в античном мире монотеистических верований, в том числе и христианства, в Ольвии не известны какие-либо источники об их хотя бы спорадическом проникновении. Более того, память и слава об учрежденном эллинами культе Ахилла пережила Ольвию не только в сочинениях византийских писателей, но и в продолжении обряда приношений даров ему на Левке в V–VI вв.

Такое обширное почитание божеств и героев-богов ольвиополитами объясняется присущим греческой религии политеизмом. По имеющимся источникам, они знали имена почти 50 божеств. Помимо этого, отдельные из них были наделены соответственно своим функциям многими эпитетами. Так, например, Аполлон известен здесь как Иетрос, Дельфиний, Борей, Ликей, Таргелий, Кифаред, Эгинский, Простат; Афродита выступала в роли Урании, Апатуры, Сирийской, Гликейи, Эвплойи, Понтии. В религиозных воззрениях ольвиополитов

Рисунок и надпись
с проклятием Фарнабаза

прослеживаются также отдельные элементы магических и мистических верований, почитание умерших предков. Введение культа самофракийских божеств и новое усиление элевсинской триады (Деметры, Керы и Плутона) дают основание считать, что в Ольвии отправлялись мистерии. Особое развитие получила характерная для эллинского мира мистическая религия Деметры и Диониса, вера в лучшую загробную жизнь.

В религиозных представлениях также заметны элементы фетишизма, нашедшие проявление в почитании различного типа камней, апотропеических амулетов, наделяемых магическими качествами. В культе Доброго Демона и Гестии, воплощающей домашний очаг, запечатлены анимистические мотивы. Среди культовых находок в Ольвии и на ее хоре встречаются различные зооморфные образы мифологических персонажей: кентавра, минотавра, сирены, сидящей богини с головой медведицы и др. Общеполисный апотропей представляла собой голова или маска горгоны Медузы, которая изображалась на многих ольвийских монетах, а также на архитектурных деталях.

Зооморфные головы.
Подвески
из стеклянной пасты

Религиозная активность и тяга к религии уже с VI в. до н. э. засвидетельствованы устройством многочисленных святилищ как в самом городе, так и за его пределами, а также в жилых домах. После гетского нашествия за городской чертой остались главные теменосы с их святилищами, храмами, алтарями и другими культовыми сооружениями. При-

шлось на новом месте строить храмы и устраивать святилища. Ольвиополиты в лучшие времена своей жизни приносили в теменосы большое количество разнообразных даров, в том числе и драгоценных, регулярно проводили религиозные празднества и обряды с жертвоприношениями и установкой дорогостоящих мраморных и бронзовых статуй. Традиционно закладка и завершение строительства любого культового объекта сопровождалась ритуалами с жертвоприношениями и возлияниями. Особенно пышные празднества устраивались после сооружения каждого храма и установки в нем статуи. Сам храм традиционно считался жилищем божества и в нем, якобы, постоянно обитала божественная сила, требующая умиловивления. Нередко ольвиополитам приходилось рисковать, переправляясь на мыс Гипполая, Тендру, Кинбурн и Гилею для организации и проведения празднеств Деметры, Ахилла, Гекаты, Борисфена.

Такое долговечное религиозное сознание ольвиополитов объяснялось не только представлениями о необходимости закрепить верность в памяти богов путем отправления обрядов и молитвами, но и нравственными устоями, желанием продемонстрировать веру в них, а значит, и в силу своего полиса. По решению Народного собрания ольвийские послы обращались к оракулам известных храмов Аполлона. Отдельные граждане за услуги и гостеприимство, проявленное по отношению к послам с Делоса и Дельф, удостоивались почетных декретов этих знаменитых в древности святилищ Аполлона. На празднества в честь Ахилла в Ольвию приезжали представители из других понтийских и средиземноморских городов, что способствовало ее сближению с ними и поднимало авторитет на Понте Евксинском.

Характерной чертой религиозного мировоззрения ольвиополитов является четкое и ясное представление обо всех известных им многочисленных божествах, их индивидуальных именах, функциях, иконографии, атрибутах и мифах. Подобно другим эллинам, ольвиополитам присуща, в основном, идеализация образов почитаемых ими божеств, отсутствие в них каких-либо устрашающих черт, признание тождества божественной и человеческой сущности. Им могло быть известно краткое, точное и популярное изречение Гераклита: «Люди – смертные боги,

Деметра. Зеркало

Голова Деметры и полисная эмблема.

Литые бронзовые монеты

а боги – бессмертные люди». Вместе с тем, встречаются отдельные изображения III–II вв. до н. э., где богини близки к реальным образам женщин. Деметра представлена то в виде полуфигуры полной пожилой женщины с заплетенными в волосы колосьями пшеницы; то грустящей, задрапированной в длинные одежды, в наброшенном на голову покрывале. Мать богов изображали в самом разном возрасте: от совсем юной до пожилой женщины, но всегда восседающей на троне с львенком на коленях, чашей и тимпаном в руках. Только в образе Афродиты наиболее ярко отразилась идеализация. В римское время Аполлон на ольвийских монетах наделялся даже грубыми чертами, сближающими его с портретами императоров.

Каждому божеству был посвящен праздник в соответствующем месяце и заранее выработанные обряды. Главные праздники сопровождались торжественными процессиями, спортивными и мусическими агонами, сакральными общественными трапезами. На ольвийских votivных рельефах показаны сакральные шествия к алтарю с жертвоприношениями быка, барана, кабана и различными дарами в специальных корзинах и сосудах. Творческое обновление ритуалов в том или ином культе обуславливалось во многом личностью жрецов, их образованностью и степенью ознакомления с другими обрядами, возможностью их воспринять и донести до сознания сограждан. Как и в Элладе, в Ольвии отсутствовали догматизм и господство касты жрецов, но не исключен консерватизм – соблюдение исконных обычаев и культовых норм.

Немало внимания уделялось почитанию некоторых божеств в домашних святилищах. В тяжелые времена ольвиополиты как бы «замыкались» в собственных жилищах наедине с теми божествами, в силу которых они особенно верили. По находкам их терракотовых и скульптурных изображений в жилых кварталах выделяются прежде всего Деметра и ее дочь Кора, Мать богов, Афина, Афродита и меньше – Дионис. Верховные мужские божества почитались чаще всего всем сообществом. Тем не менее, верховенство того или иного бога в ольвийской религии не имело ничего общего с пантеизмом и генотеизмом олимпийской религии, где Зевс выступал в роли отца не только разных божеств и героев, но и вообще всех людей на земле.

В общем демократическая по главной сути ольвийская религия содействовала консолидации и жизнеспособности всего населения, укреплению государственности, воспитанию гуманизма, добродетели и патриотизма. Этническое самосознание, осмысление гражданского долга, любовь к богам, отечеству и родителям были взаимообусловлены. Идея взаимосвязанности гражданской общины со своими божествами проявилась в сакрализации политических институтов, в выборе наилучшего места для их святилищ, в сооружении храмов, алтарей, установке многочисленных статуй, учреждении панэллинских празднеств в честь Ахилла и многом другом. Естественно, что эти мировоззренческие позиции были не всегда прочными и неизменными. Периодические изменения в социально-политическом и социально-экономическом развитии Ольвии, трагические события, борьба с набегами варваров вносили смуту и в религиозный менталитет.

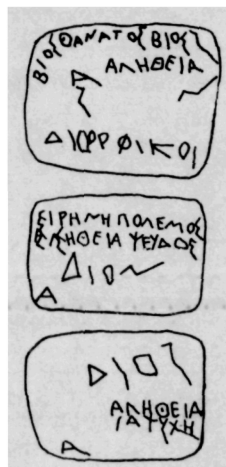
Религиозно-философские знания. Начальные знания основ пифагорейско-орфической философии в Ольвии нашли яркое отражение в уникальных надписях, прочерченных на трех тщательно обработанных костяных пластинках V в. до н. э. Все они представляют собой краткие изречения с заключенными в них противопоставлениями: «жизнь – смерть – жизнь – истина», «мир – война, истина – ложь», «тело – душа». На одной из пластинок прочерчено посвящение «Дионису – орфики», что связывает их с культом этого бога как символом мира и мировой

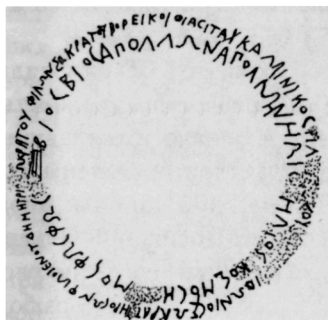
души, господином жизни и смерти в интерпретации древних философов. В это время в Ольвии существовал орфический религиозный союз, члены которого уже знали определенные философско-теоретические учения, уделяли большое внимание понятиям жизни, смерти и возрождению к новой жизни после нее. В ольвийских орфических изречениях ощущается влияние и философии Гераклита Эфесского, хорошо знакомого с дионисийскими мистериями, но выступавшими против них, поскольку они были чужды эллинскому духу.

Эти изречения, как наиболее ранние и оригинальные памятники орфической философии в античном мире, привлекли внимание многих зарубежных исследователей, что указывает на несомненную роль ольвиополитов в их сохранении в сакральной зоне, а заодно с этим, и на неординарное увлечение философией. Следует отметить, что это не какое-то единичное явление в их духовной жизни, а свидетельство непрерывного процесса получения ими научной информации из Эллады и ее творческого переосмысления. Дионисийская философия о жизни и смерти нашла своеобразное воплощение в многочисленных свинцовых букраниях и двулезвийных секирах – символах Диониса-Загрея в ипостаси умирающего и возрождающегося божества. В эллинистическое время эти изделия с особой ритуальной целью клались в насыпи могил ольвиополитов.

В религиозном союзе бореиков, наоборот, главное внимание уделялось философии религии Аполлона, получившей наиболее яркое отражение в одном завуалированном изречении второй половины IV в.

Костяные
пластинки
с изречениями
орфиков

Надпись фиаса бореиков

до н. э. Оно было прочерчено на специально обработанном доньшке чернолаковой чаши: «Аполлон – солнце, солнце – космос, космос – свет, свет – жизнь, жизнь – Аполлон. Каллиник, сын Филоксена, Посейдоний, сын Сократа, Геросон, сын Филоксена, Деметрий, сын Сократа, Филон, сын Сократа – бореики фиаситы». Прежде всего обращает внимание, что три члена союза фиаситов были сыновьями ольвиополита, названного Сократом, возможно, потому, что он увлекался философией Сократа и Платона. Рассуждения бореиков подчинены философско-логическому доказательству, что вся жизнь на земле существует благодаря Аполлону, где он уподоблен солнцу и космосу в его многозначном понимании эллинами, а также свету и вообще всей жизни на земле.

Именно в философии Платона Аполлон изображался как универсальный бог, возглавляющий всю религию и художественную деятельность, всю общественно-педагогическую систему и личное поведение человека, прямо отождествлялся с солнцем и огнем, при помощи музыки устроил и организовал весь космос. Первенствующая роль культа Аполлона в догетской Ольвии, его изображения с музыкальными инструментами на монетах и плитах с почетными декретами подтверждают особую приверженность отдельных групп ольвиополитов к культу этого бога. Ведь именно под его эгидой они не только основали полис, но и достигли больших успехов в экономическом и культурном развитии. Очевидно, что начало традиции создания культовых союзов было положено еще в ранний период истории полиса, когда здесь большую роль играли мольпы и нумениасты, более всего почитавшие Аполлона.

Тем не менее, достоверных сведений о том, что в Ольвии жили и творили местные философы, нет. Однако известны уроженцы этого полиса, получившие образование в Элладе и создавшие там различные сочинения по философии и истории. Это прежде всего представитель кинической философской школы Бийон Борисфенит (III в. до н. э.), историк и софист Посидоний Ольвиополит (рубеж III–II вв. до н. э.). Первый из них, согласно рассказу Диогена Лаэртского, родился в семье торговца рыбой и гетеры. За воровство семья была продана в рабство. Биона купил риттор, после смерти которого он сжег его сочинения, уехал в Афи-

ны и занялся философией. Интерес к ней возник у Биона благодаря его образованному хозяину. Столь целенаправленное желание бывшего раба из далекого периферийного города заниматься философией можно объяснить только его образованностью и предварительным изучением философских учений. Впоследствии Бion достиг больших успехов в мудрых речах и прославился как создатель основного кинического жанра – диатрибы, в которых также рассматривались такие противопоставления, как жизнь и смерть, богатство и бедность, изгнание и добродетель, религия и государство. Уехавший в Афины Посидоний написал несколько исторических сочинений, но от них остались лишь названия. Среди них привлекает внимание «История Таврики».

Наряду с другими культурными достижениями, в Ольвию проникали и представления о важной роли риторики в жизни каждого государственного деятеля. Вполне вероятно, что в период расцвета здесь была открыта риторская школа. Ораторские речи политических лидеров чаще всего были связаны с внутренней социально-экономической и идеологической жизнью полисов, когда на Народных собраниях приходилось провозглашать речи-советы и речи-увещания. Декреты в честь некоторых заслуженных деятелей, хотя и в довольно смутной форме, отражают такого рода выступления на Народных собраниях.

О несомненном распространении философских знаний в возрожденной после гетского разгрома Ольвии в конце I в. н. э. свидетельствует Дион Хрисостом. Многие ольвиополиты отличались удивительной любознательностью, желанием послушать философские речи даже в военной обстановке. Перед известным оратором стояла не просто толпа, а просвещенные и умные граждане, понимающие его речь и разбирающиеся в его философии о человеческом правлении, что явствует из ответной речи старейшего из ольвиополитов мудрого Гиеросонта. Согласно установившейся в Ольвии традиции, он, как один из почитателей философии Платона, был особенно заинтересован речью приезжего ритора, хотя и просил его придерживаться «Платоновой непринужденности», в связи с опасным положением и нехваткой времени излагать то, что особенно интересовало ольвийских граждан, – вопросы божественного мироустройства.

Выступление Гиеросонта, воспроизведенное образованным Дионом Хрисостомом и, может быть, несколько приукрашенное, все же передает знание оливийским гражданином основ риторики и софистики. «Мы с большим удовольствием видим тебя и с меньшим слушаем все, что ты говоришь... Теперь, когда ты в своей речи коснулся божественного мироправления, я сам пришел в чудный восторг и вижу, что все присутствующие напряженно внимают этой речи: все сказанное тобою показалось нам превосходным и достойным предмета речи, как именно мы больше всего желали бы слушать. Мы неопытны в этой точной философии, но любим, как ты знаешь, Гомера, а немногие из нас – и Платона; к числу последних, как видишь, принадлежу и я, постоянно изучая его произведения, хотя, пожалуй, и странно, что наиболее варвароподобный гражданин восхищался и занимался лучшим представителем эллинизма и мудрости...»

Из этой речи ясно, что Гиеросонт не просто восхищался Платоном, но и изучал его, пытаясь постичь учение выдающегося философа, считавшего, что знания должны подчиняться как нравственно-политическим целям, так и служить высокой ступенью восхождения к истине и прекрасному. С большой симпатией Дион Хрисостом отметил образованность, скромность, достоинство и выдержку Гиеросонта. В нем отразились лучшие черты оливииполитов, пользовавшихся заслуженным уважением в общине. Кажущаяся идеализация Гиеросонта не только из-за его знаний философии Платона, но и общественной деятельности, полностью опровергается декретами в честь отдельных оливийских лидеров.

Среди них особо выделяется Каллисфен, сын Каллисфена. Он тоже «приобрел самородную несравненную мудрость», самостоятельно изучая современные ему философские учения. Указанное в декрете исполнение Каллисфеном обязанностей жреца Зевса Оливия, когда он обратился к богу «с мольбой о благорастворении воздушных», в результате чего «вымолил счастливый год», позволяет предполагать о его знакомстве с натурфилософией стоиков. Мир понимался ими как огромное живое тело, его душа являлась творческим огнем или теплым дыханием. Божество (Зевс), пребывающий в центре мира или на Солнце, распро-

странял часть себя в воздух и воду. Последняя под воздействием «сперматического логоса» превращается в землю, другая – остается водой, третья – становится воздухом. Видимо, жрец Зевса Каллисфен применял «практически» философские познания о сущности высшего бога, пантеистически растворенного в природе. Он специально обращался к нему с молитвами о ниспослании благоприятной погоды и дождя в окружении его почитателей. Для религиозной концепции стойков особенно характерны были различные пророчества, магические представления, вера в духов и т. п.

Гемма с
изображением
Сераписа
и надписью

Декрет в честь Каллисфена – последний документ в истории Ольвии, удостоверяющий, что ольвиополиты стремились к образованию и постижению современной им философской мысли. В первые века н. э. сюда начали проникать и отдельные восточно-теософские знания о мистике и магии. Об этом, в частности, могут свидетельствовать найденные здесь перстни-печати с изображением Зевса-Сераписа с солярными и астральными символами, а также надписью «Абрасакс» – именем гностического бога. Он заключал в себе обобщенное понятие об универсальном едином боге как мировой душе, непосредственно творящей мир. Однако новые веяния не изменили религиозные представления большинства ольвиополитов.

Краткие сведения о литературном творчестве, театре и музыке. Знание поэтических шедевров Гомера ольвиополитами, предпочтение его многим другим поэтам и даже почитание его как бога способствовали развитию самостоятельного литературного творчества. Только косвенные данные свидетельствуют о том, что из Ольвии во II в. до н. э. переехал в Милет, а затем в Митилены поэт Дионисий. По свидетельству Диона Хрисостома, ольвийские поэты очень любят Гомера, постоянно упоминают его имя в стихотворениях, которые читают перед сражениями с варварами. Они подражали его стилю, начиная с архаического времени, судя по отдельным фрагментам стихотворных надписей на черепках из Борисфена и Ольвии.

Сохранилось крайне мало эпиграфических источников о самостоятельном литературном творчестве ольвиополитов. Отдельные его элементы нашли отражение в вотивных эпиграммах, гимнах, эпитафиях, застольных стихотворных надписях, письмах и документальной прозе. Все они так или иначе связаны с конкретными событиями в жизни Ольвии. Так, в вышеприведенной эпиграмме Евресибия, сына Сириска, посвятившего статую Зевсу Освободителю, применены эпитеты, характерные для произведений афинских поэтов. В других эпиграммах воспевались заслуги отдельных ольвиополитов (славного Анаксагора, победившего в стрельбе из лука на спортивных агонах; гимнасиарха Никодрома, посвятившего статую сына Гермесу и Гераклу; Клеомброта, посвятившего башню Гераклу и Демосу, и т. д.). По содержанию они лаконичны, состоят в основном из элегических дистихов.

В Ольвии малопопулярными были стихотворные эпитафии. Лучшей всех сохранившаяся – «О, Эпикрат, Исократ дитя! Над могилою стела – памятник это, хотя рано в могилу тебе» – вырезана на небольшой мраморной плитке, которая была вставлена в надгробие. Хотя стих и очень краток, но в нем ярко выражена элегичность – грустная скорбь о рано умершем сыне, столь свойственная вообще всем эллинским эпитафиям. Скорбь отца Аристарха звучит в эпитафии семилетней Партениды, написанной с применением дорийского диалекта. Как теофорное имя девочки, так и язык надписи указывают на то, что Аристарх приехал в Ольвию из Херсонеса Таврического, где верховной богиней была Партенос.

Но наиболее интересной представляется эпитафия II в. до н. э. В отличие от других, в ней не названо имя умершего, но оно раскрывается путем словесной игры и поэтического обобщения всех имен для смертных – Мойродор. «Эта могила, о странник, заключает в себе покойника, дошедшего до обычного всем края жизни. Его родиной был город Ольвия в Скифии, а имя у смертных состоит из слов судьба и дар. Это был уважаемый старик, который, уходя в назначенный роком дом Аида, оставил в живых двоих детей. Его, одинаково желанного и людям и бессмертным, о божество, пошли в жилище благочестивых». Реальный

эпизод о смерти простого человека и его имя автор стиха свел к общим жизненным закономерностям, обобщению понятий порядка и гармонии, жизни и смерти.

Целый ряд коротких шутильных стишков и их отрывков, дошедших к нам на черепках, раскрывает умение их авторов во время застольных трапез и симпосиев заниматься сочинением простых по смыслу элегий. Нередко они процарапывались и на чашах для питья при подношении их в дар. Их бесспорное значение состоит в том, что они представляют собой достоверные документы о грамотности ольвиополитов, знании поэзии, умении импровизировать и сочинять незамысловатые стихи.

В текстах многих почетных декретов эллинистического и, особенно, римского времени последовательно и грамотно описывались деятельность и основные заслуги отличившихся граждан. Больше похож на литературный рассказ, чем на сугубо официальный документ, декрет в честь Никерата, для которого характерна детальная повествовательная стройность, свободное владение языком и грамматическими оборотами. Его автор творчески подошел к сочинению, ясно раскрыл подвиги и причину смерти героя. Однако несравнимы с ним декреты II в. н. э. в честь Дадага, Карзоаза и Феокла. Они насыщены вычурными и пышнословными эпитетами, что приближает их к поэтическим сочинениям. Повышение общественной роли поэзии в Ольвии было продиктовано уже накопленным опытом ее прогрессивного влияния на граждан и практикой ее изучения, в особенности эпосов Гомера.

С поэтическим творчеством была тесно связана музыка. Традиционно поэтические декламации сопровождались музыкальным интонированием. Ольвиополитам были хорошо известны такие музыкальные инструменты, как кифара, лира, сиринга и флейта. Символика первых двух приобрела в Ольвии особое значение в связи с культом Аполлона в эллинистическое время. Их часто изображали на монетах и терракотах. Обломки от составных костяных флейт найдены при раскопках города и святилищ Аполлона. На одной из них сохранилось граффито эллинистического времени: «Он любил муз». Муза Эрато изображалась с лирой в руках, а Эвтерпа – с флейтой. Обе олицетво-

Муза.
Терракотовая
форма

ряли лирическую поэзию и песню. Третья муза – Каллиопа – со свитком и палочкой для письма представляла собой символ эпической поэзии и знания. Очевидно, имена этих муз, как и остальных, предводителем которых выступал обычно Аполлон Мусагет и Кифаред, были известны оливийским поэтам и образованным гражданам.

В период экономического расцвета Оливии был построен театр. Он упоминается в четырех почетных декретах. Многочисленные попытки найти его местонахождение пока что безрезультатны. Расположение театров под открытым небом, устройство театрона на склонах холмов, в которых делали искусственное полукруглое углубление для сооружения зрительских мест с невысокими сидениями, с размещением сцены и оркестры внизу, позволяет считать, что театр находился, как и в Милете, на береговом склоне к лиману. Весь строительный материал из него, видимо, был выбран для укрепления оборонительной стены. В оливийском театре, как и в афинском, на празднике дионисии читались постановления Народного собрания и Совета о заслугах отличившихся граждан. Здесь же они награждались золотыми венками, которыми затем увенчивали наиболее почитаемых богов. На такие общественно-религиозные мероприятия приглашались и иностранные гости. Тесная связь оливийского театра с дионисиями была традиционной для всех эллинских театров. Здесь стояли статуи Диониса и представления давались в основном в дни его праздников. Предположительно можно считать, что в Оливию с постановками трагедий и комедий приезжали актерские труппы из других гре-

Театральные маски

ческих городов. Не исключено, что и в самом городе появилась труппа профессиональных актеров, которые развлекали сограждан представлениями широко известных трагедий Эсхила, Софокла, Еврипида, комедий Аристофана и Менандра. Найденные в Ольвии различные по размерам и технике изготовления терракотовые трагические и комедийные маски украшали стены жилищ любителей театральных представлений.

Основные памятники искусства. Художественное мастерство эллинов и их духовная жизнь нашли яркое воплощение в разнообразных произведениях искусства. Монументальная живопись и мозаика, чаще всего поддающиеся быстрому разрушению, представлены в Ольвии и ее округе лишь незначительными остатками. О практике росписи стен в общественных и жилых зданиях свидетельствуют находки фрагментов полихромной штукатурки. Большинство из них имитирует цветной пятнистый мрамор или же покрыто чередующимися полосами красного, желтого и белого цветов, иногда с рельефной поверхностью. В андронах богатых домов обнаружена мозаика с зооморфными и растительно-геометрическими мотивами, выложенная из морской гальки и камешков белого, желтого, красного и синего оттенков.

Многочисленные и необычайно разнообразные памятники скульптуры представлены всеми видами ваения. Для их изготовления использовались самые различные материалы: мрамор, известняк, бронза и обожженная глина. Наибольшее распространение получила каменная скульптура. В Ольвию привозилось множество преимущественно небольших мраморных статуй и статуэток различных божеств. Они отражают высокоразвитое эстетическое сознание ольвиополитов, стремившихся познакомиться с достижениями мастеров Эллады, украсить свой город, его святилища и дома. Импортные изделия были и первыми образцами для создания местных произведений искусства. Все они пронизаны мифологическим содержанием. Однако, в отличие от архаического времени, эти произведения более реалистичны. В ольвийских надписях на постаментах статуй упоминаются имена талантливых афинских скульпторов IV в. до н. э. — Праксителя и Стратонида. Последнему принадлежит создание брон-

зовой статуи Аполлона Иетроса, которая длительное время стояла в его святилище. Вероятно, в канун гетского нашествия она была спрятана, как и архаическая статуя этого бога. Поскольку обе представляли собой своего рода кумиров, то во II в. н. э. их воспроизводили на монетах. По отдельным фрагментам мраморных статуй Зевса, Диониса, Асклепия, Артемиды, Афродиты V–III вв. до н. э. установлено, что они были копиями или копиями копий известных в Элладе монументальных произведений этих божеств работы выдающихся ваятелей Фидия, Поликлета и Скопаса. Их ученики и другие одаренные мастера сделали эти статуи по заказу ольвиополитов.

Фрагмент
надгробной женской
мраморной стелы

Кроме сакральной скульптуры, из Афин сюда привозились монументальные надгробные стелы из пентелийского мрамора с рельефными изображениями. Уникальным произведением является плита с высеченной фигурой сидящей женщины в изящно задрапированном гиматии и стоящей перед ней служанки. В их позах прослеживаются те же художественные элементы в трактовке одежды и композиционном построении, что и на афинских надгробных памятниках, в особенности Гегесо и Филостраты работы самого Фидия. Очевидно, в Афинах классического времени получил большую популярность подобный тип надгробий, что способствовало их импорту и в столь отдаленные города, как Ольвия. Из Аттики V в. до н. э. происходит и фрагмент монументальной стелы с кистью руки. Однако по ней нельзя установить, над мужским или женским погребением она стояла.

По сравнению с ними весьма скромно выглядят обычные мраморные стелы с архитектурным декором в верхней части и краткими эпитафиями. Под ними были захоронены также и афиняне, жившие в Ольвии. Недорогие известняковые плиты устанавливались над могилами бедных ольвиополитов. Резкий контраст между надгробиями знатных и богатых ольвиополитов и малоимущих граждан является несомненным фактом зна-

чительного социального расслоения в ольвийской общине во время правления олигархии и первоначальной демократии.

Монументально-декоративную скульптуру Ольвии, как и всю пластику этого вида, характеризует сочетание с архитектурной средой, для которой она создавалась. Примером этого является уникальный для всего

Антропоморфные надгробия

Северного Причерноморья памятник – мраморный сфинкс, стоявший, вероятно, у входа в общественное здание IV в. до н. э. В эллинистическое время в Ольвию ввозилась скульптура небольших размеров в основном из Афин, Александрии Египетской, где при Птолемеех обосновалась группа талантливых мастеров, а также из Пергама и других малоазийских городов. Однако из надписей на постаментах известно, что в теменосах стояли монументальные статуи, возможно, бронзовые, которые посвящались разным божествам. В декрете Никерата отмечена его конная статуя. К редким произведениям скульптуры относится небольшая мраморная статуэтка Афины. Скорее всего, она представляет собой копию эллинистической статуи, для которой

*Мраморная
статуэтка Афины*

прообразом послужила не сохранившаяся до наших дней знаменитая Афина Партенос работы Фидия, причисленная в древности к одному из семи чудес мира.

Обломки статуэток обнаженной Афродиты, Артемиды, Афины часто находят при раскопках жилых домов. Среди привозных скульптур александрийской школы особый интерес вызывают три великолепно сохранившиеся мраморные головы Асклепия, Гигиен и Эрота III в. до н. э. В технике их моделировки и трактовке черт лица заметно влияние Скопаса, Проксителя и Бриаксида. Близки

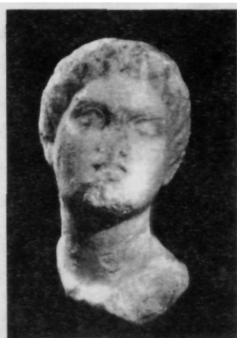

Скульптура
Артемиды.
Мрамор

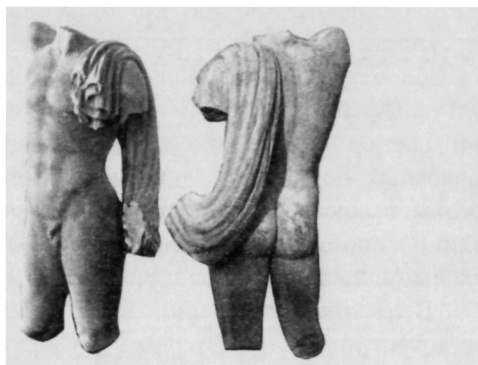
Голова Гигиен.
Мрамор

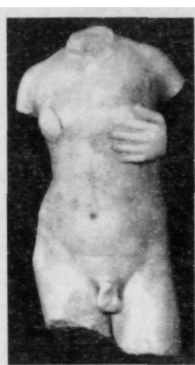
Голова юноши.
Мрамор

к этому кругу памятников голова юноши, возможно, Гермеса, торсы Аполлона и Гермафродита из святилищ в Западном теменисе.

В это время особое развитие получила местная школа скульптуры. В связи с возросшей популярностью культа Матери богов в Ольвии было изготовлено множество небольших мраморных и известняковых рельефов этой богини. На одном из них она представлена в несвойственном для ее иконографии образе пожилой некрасивой женщины. Наибольший интерес представляет рассмотренная выше votive plate с изображением ольвийских ситонов и ритуального пира семейной пары. Трудно

Статуя Аполлона. Мрамор

Гермафродит. Мрамор

сказать, насколько точно она передает портретные черты ольвийских магистратов. Но несомненно то, что каждый из них наделен индивидуальными чертами в изображении фигуры, лица, костюма. Несмотря на многие погрешности, этот памятник является наиболее ценным в ольвийской местной скульптуре.

По сравнению с классическим временем значительные изменения произошли и в надгробной пластике. Монументальные стелы заменили более упрощенные и дешевые памятники, чаще всего выполненные местными скульпторами. От памятников сохранились небольшие фрагменты, свидетельствующие, что здесь ставились надгробия с рельефными изображениями мужчин со слугами, так называемыми загробными трапезами и простые антропоморфы. По-прежнему роль апотропеев над могилами играли небольшие скульптуры львов. Лишь один раз в закладе могилы II в. до н. э. были встречены фрагменты лап колоссальной статуи этого животного. Судя по их размерам, изваяние превышало средний размер льва в два с половиной раза. По стилю и высокому мастерству обработки камня статуя сходна со львами так называемого саркофага Александра Македонского из Сидона в Константинополе. Видимо, в период расцвета полиса одному из богатых граждан был воздвигнут памятник, изготовленный и привезенный из Афин. Талантливые мастера также приглашались в город для установки той или иной статуи. Однако они вряд ли часто приезжали в столь далекую от них Ольвию. Очевидно, и для ольвиополитов дешевле было заказать памятник в хорошо известной мастерской, где существовала возможность отказаться от него в случае неудачного исполнения.

Скульптура римского времени по количеству и качеству значительно уступает произведениям предшествующего времени. По свидетельству Диона Хрисостома, в Ольвии и на некрополе после гетского нашествия не осталось ни одной целой статуи. Постепенно в городе появились новые памятники. От имени Совета и Народного собрания сооружались статуи или погрудные изображения, посвященные гражданам, особенно прославившимся своей деятельностью. Здесь были воздвигнуты монументальные изваяния римских императоров, в частности Каракаллы и Геты. Частные лица также заказывали статуи родственников. Так, Сократид посвятил статую жены в святилище Матери

богов, в котором она служила жрицей; Дад – поставил статую жены Залсии, дочери Арсиваха, ради чести и благочестия.

Среди монументальных произведений следует особенно выделить упомянутую А.С.Уваровым «колоссальную статую, представляемую богиню или жрицу, приносящую жертву на алтаре». Она была высечена из мрамора, а алтарь изготовлен из бронзы. К сожалению, во время срочной перевозки зимой по Бугскому лиману для отправки в Петербург этот памятник затонул. В основном же сакральная скульптура представлена обломками от небольших статуй и рельефов. Лучшее всех сохранились головы Зевса-Аммона и Афины, рельеф с изображением вооруженной Афины.

Значительную роль в распространении камерной скульптуры играли западнопонтийские города, тесно связанные с Римом. Многие изделия камерной скульптуры были непосредственно доставлены в Ольвию legionерами. Это рельефы малых форм из сероватого мрамора с изображениями фракийского всадника Реса, Митры, Сильвана. По художественному качеству, иконографии и стилю они во многом сходны с изделиями такого типа из Нижней Мезии и Фракии II–III вв. н. э.

В мастерских ольвийских скульпторов этого времени основное внимание уделяли изготовлению дешевых известняковых рельефов с изображением харит. Выделяются два основных стиля в показе человеческих фигур, которые условно можно назвать реалистическим и схематическим. Греческие мотивы проявля-

ются здесь во внешнем оформлении плиты с четырехугольным обрамлением, иногда с небольшим фронтоном с акротериями, а также в сохранении композиции, присущей изображению харит более раннего времени. Эта композиция была довольно популярна в античном искусстве, однако нигде не решалась на столь низком художественном уровне, как в Ольвии в первые века н. э.

*Хариты у колодца.
Известняк*

В поздний период истории города продолжает существовать монументально-декоративная скульптура, тесно связанная с архитектурными постройками. Она представлена уже давно известной и на удивление хорошо сохранившейся небольшой статуей обнаженного мальчика, стоящего возле низкой колонны с бурдюком в руках. Специальные отверстия, через которые выливалась вода, свидетельствуют, что статуя находилась в нише и украшала собой фонтан во II в. н. э. в каком-то общественном месте, видимо, возле храма Аполлона Простата, которому была посвящена. В этом произведении прослеживается сюжетная ориентация на садово-парковую скульптуру времен эллинизма, в которой предпочтение отдавалось детским образам.

Найдена в Ольвии и монументальная мраморная статуя кариатиды, выше человеческого роста, восходящая по стилю к греческим оригиналам IV в. до н. э.

Отличительной особенностью изобразительного искусства этого времени является портрет. Общеизвестно, что он составлял один из самых значительных жанров римской скульптуры, создававшейся в основном греческими ваятелями. В Ольвии известно несколько фрагментов портретных статуй, от которых лучше других сохранились головы пожилых и молодых женщин. Все они наделены реалистическими индивидуальными чертами. Стилистические особенности трактовки лиц, причесок, одежды характерны для провинциальной римской скульптуры. Нет никаких свидетельств того, насколько точно они отображали образы ольвиополиток

*Мальчик
с бурдюком.
Мрамор*

*Голова женщины
в покрывале. Мрамор*

или же являлись идеализированным воплощением их облика. Не известно, создавались ли они местными мастерами или же были привезены из других городов. Небольшое количество этих портретов может быть свидетельством того, что ольвиополиты таким образом противодействовали проникновению в их художественную культуру и искусство римского влияния.

По сравнению с Херсонесом и Боспором в Ольвии найдено намного меньше надгробных памятников. К тому же в художественном плане они проще и беднее. Здесь продолжалась традиция установки надгробных стел с изображением «загробной трапезы» и семейной пары в сопровождении слуги. Наибольший интерес представляет невысокое известняковое надгробие с фигурами мужа и жены, задрапированных в хитоны и гиматии, с направленными друг к другу взглядами. В левом нижнем углу стелы стоит маленький мальчик-слуга. На одежде, лицах людей и архитектурных деталях сохранились следы от росписи черной, ярко-розовой, красной и коричнево-красной красками. Этот рельеф характеризуется плоскостностью и застылостью передачи движений и индивидуальных, наиболее характерных черт лица. Но в нем присутствует экспрессивный стиль эллинистических мраморных стел с немного размытыми контурами, которые были

*Надгробная стела
семейной пары.
Известняк*

оживлены яркой полихромной росписью, усиливавшей ощущение жизненности и скорби статуарных образов умерших. Отсутствие в ольвийском регионе подобных памятников указывает на то, что стела зажиточной супружеской пары, вероятно, была изготовлена по заказу приезжим скульптором.

К редчайшему типу ольвийской надгробной скульптуры относится высокая стела, найденная поблизости от города еще в 1794 г. Ее вытянутое по вертикали поле разделено на два яруса с разными изображениями. Вверху – всадник с копьем на коне, перед ним – стоящий мальчик с собакой. Над голо-

вой всадника – лавровая ветвь. Внизу – сцена «загробной трапезы»: полуобнаженный бородатый мужчина с чашей в левой руке лежит на высоком ложе, слева от него сидит в наброшенном на голову гиматии женщина. Левой рукой она подпирает щеку, а правой придерживает сидящего на ее колене ребенка, протянувшего руки к мужчине, который подает ему кисть винограда. Перед ложем стоит столик с различными сосудами. Возле него – мальчик-слуга, а у самого края находится маленькая фигурка служанки со шкатулкой в руках. На верхней раме высечена надпись, удостоверяющая, что стела установлена Стратону, сыну Протомаха. По многим данным она напоминает боспорские

*Надгробная стела
Стратона. Мрамор*

надгробия, однако отличается от лучших из них условно-стилизованной манерой исполнения, плоскостностью рельефа, непропорциональностью отдельных частей тела, небрежностью в декоративно-архитектурном оформлении плиты. Тем не менее, на ней представлена более сложная композиция, чем на остальных надгробиях из Ольвии. Ритуально-погребальный смысл изображений сочетается с передачей реальной жизни всадника как героизированного умершего в сцене передачи кисти винограда в протянутые руки ребенка.

Обращает внимание, что фрагменты отдельных женских надгробий классического времени были обнаружены в оборонительных стенах послезопирионовского времени. В закладах могил также нередко встречались обломки более ранних надгробий. Очевидно, окружающий Ольвию с суши некрополь чаще всего подвергался варварским разрушениям. Кроме того, сами ольвиополиты отдельные памятники использовали вторично, особенно в римский период, для посвяtitельных стел божествам, уничтожая или пренебрегая изображенными на них мифологическими персонажами.

В сюжетах, построении композиции и внешнем декоре скульптуры на протяжении всего периода существования Ольвии продолжали бытовать преимущественно эллинские традиции. Новые веяния, характерные для римских памятников, нашли лишь незначительное проявление. Некоторый примитивизм местной скульптуры объясняется не только общим всевозрастающим упадком античной культуры, но и оторванностью от основных центров ее развития, особенно в кризисные периоды истории Ольвии.

Значительно большее распространение получили здесь разнообразные виды прикладного искусства. Это прежде всего многочисленные глиняные статуэтки, ставшие одним из эталонов культуры эллинских городов. В них нашли отражение образы почти всех почитаемых божеств. Найдено немало фигурок животных и птиц. Терракоты, как и скульптура, в основном привозились из Афин и малоазийских городов. Некоторые из этих произведений представляют собой копии или варианты копий разных статуй Афродиты, Артемиды, Деметры, Коры, Зевса, Диониса. Наряду со множеством привозных терракот, которые довольно часто встречаются при раскопках святилищ и жилых кварталов, ольвиополиты сравнительно быстро наладили их

массовое изготовление в городе сначала по привозным формам. На протяжении IV—III вв. до н. э. производство глиняной пластики значительно возросло, было открыто несколько мастерских, одна из которых находилась в Восточном теменосе. Оттуда происходят в основном вотивные терракоты Деметры, Коры, Матери богов, Афродиты, Афины для приношений в их святилища. В большой ботрос этого теменоса было сброшено около двух тысяч обломков статуэток и форм для их изготовления.

*Полуфигура
Коры-Персефоны.
Терракота*

Серийное производство диктовалось массовым спросом на подобные изделия. Именно их чаще всего находят в эллинистических слоях города. В развитии коропластики этого времени произошли коренные изменения. Отличительной особенностью при этом стало стремление к самостоятельным творческим поискам. Теперь ольвийские мастера не ограничивались переделкой заимствованных образцов и использованием только привозных форм. Так, было создано 80 разных моделей для форм, в которых изготавливали терракоты Матери богов. Множество глиняных статуэток отмечено значительным художественным мастерством. Однако только редкие из них по эстетическим и техническим качествам можно приравнять к лучшим импортным произведениям. Это большие полихромные расписные полуфигуры Деметры и ее дочери Коры, терракоты юной Матери богов, бегущей Артемиды.

*Артемида.
Терракотовая
форма*

С наступлением экономического кризиса количество терракот уменьшается, снижается и их художественный уровень. Чаще всего в это время изготавливались плоские фигурки божеств, переданные упрощенными обобщенными штрихами, без дополнительной обработки инструментами. Очевидно, не было и красок для их росписи. В первые века н. э. снова несколько возрастает импорт терракот, в основном Афродиты, из Мирины и западнопонтийских городов. Некоторые глиняные статуэтки отражают новые веяния в культурной жизни. Изображения солдат со щитами и подвесными конечностями завезены, вероятно, легионерами. Эти изображения могли служить для votивных приношений в культе Митры или же предназначались для устройства кукольных представлений. Редким произведением этого времени является терракотовый орел. Подобного типа изображения данного символа Римской империи часто встречаются в местах пребывания легионеров.

Промежуточное место между терракотами и керамикой занимают фигурные сосуды. В ранний период они почти в точнос-

ти имитировали статуэтки стоящих богинь, чаще всего Афродиты, животных, сфинксов, сирен. В первые века н. э. в Ольвии возрождается обычай класть в погребения фигурные сосуды в основном с изображением божеств и мифологических персонажей, имеющих отношение к подземному миру. Возможно, из районов Северной Африки поступали сюда сосуды в виде голов негрят, взрослых негров и обезьян. Близки к коропластике и рельефные изображения на сосудах, особенно позднеэллинистического и римского времени. Их мастера работали в русле иконографических канонов, созданных в скульптуре и коропластике, одновременно внося и самостоятельные детали, что придавало им своеобразие и особый колорит. Керамика этого типа производилась во многих центрах. В Ольвии известны рельефные сосуды из Александрии Египетской, Пергама, Аттики, Милета, Делоса. Особую группу составляют редкие краснолаковые чаши с портретными изображениями безбородых голов римлян в круглых медальонах. Они могли привлекать ольвийских романофилов, вероятно, даже получавших их в подарок, так как императорские портреты подобным образом распространялись в Римской империи.

Художественные изделия из золота, серебра, электра, бронзы и других металлов найдены в Ольвии в значительно меньшем количестве. Здесь не было таких талантливых ювелиров, как на Боспоре, и сюда не привозились столь дорогие золотые изделия из Афин и других городов, какие поступали к скифским вождям и боспорской знати. По сравнению с архаическим некрополем в погребениях последующего времени найдено очень мало украшений. Традиционной для полиса была чисто эллинская приверженность к миниатюрным ювелирным изделиям. Богатые ольвиополитки носили относительно скромные золотые серьги, украшенные зернью, тонкой сканью с применением сине-зеленой эмали, простые браслеты и перстни. Среди них выделяются перстень с изображением Данаи, протягивающей руки навстречу золотому дождю, браслет с фигуркой Пана, играющего на многорядной свирели, и подвеска с миниатюрным изображением головы Геры в орнаментированной stefane. Интересно, что подобного типа подвески, но более высокого художественного уровня, найдены в погребениях Боспора

*Даная. Электровый перстень.
Пан. Серебряный браслет.
Голова Геры. Золотая подвеска*

и Скифии. Все они являются копиями головы Геры, статую которой из золота и слоновой кости выполнил Поликлет. Очевидно, афинские торговцы продавали их в разных местах Северного Причерноморья. На рубеже I в. до н. э. – I в. н. э. в среде богатых ольвиополиток получают распространение золотые ожерелья, украшенные полудрагоценными камнями и подвесками в виде бабочек.

Через посредничество Афин в Ольвию привозилась и дорогостоящая бронзовая посуда из Этрурии. Богатый комплекс художественной бронзы афинского и этрурского производства был обнаружен у с. Песчаное Киевской области, которая могла попасть туда благодаря ольвийским купцам, погибшим в пути. Некоторые золотые украшения из скифских курганов V–IV вв. до н. э., территориально близких к Ольвии, очевидно, были изготовлены ее мастерами. По художественным качествам они значительно уступают привозным.

При этом следует учитывать, что многие ольвийские погребения, в том числе и самые богатые под курганами, были разграблены. Лишь по отдельным находкам можно говорить о том, что в период расцвета полиса импорт художественной бронзы и ювелирных украшений стал более разнообразным. Основные изделия привозились из Афин, Родоса, городов Малой Азии. Среди них следует отметить сосуд из позолоченной бронзы, под ручкой которого размещена рельефная маска бородатого Диони-

са. Из такого же металла изготовлена патера, длинная ручка которой украшена головой грифона, а лицевая поверхность заполнена рельефными изображениями Гелиоса и двенадцати знаков зодиака. По качеству художественного исполнения, тонкости рисунка, композиционному построению этот предмет можно причислить к одному из лучших образцов эллинистического прикладного искусства. Учитывая интенсивные отношения Ольвии с Родосом, где главным патроном был Гелиос, возможно, эта патера в III в. до н. э. была привезена как дар по случаю установления тут общеполисного культа бога солнца. Более изысканным было гравированное изображение головы Деметры в покрывале и венке из колосьев и маковых головок на бронзовом зеркале. К культовым украшениям относятся серебряный медальон и перстень с изображением Афины в шлеме, а также медальон с Афродитой и эротоми.

Ольвийские же мастера в основном отливали небольшие бронзовые и свинцовые фигурки с изображениями эротов, горгон, всадников, воинов, некоторых животных, птиц и даже храмовых сооружений, которые служили амулетами и вотивами. Еще в V в. до н. э. значительное распространение получило производство вотивов из свинца. Тогда здесь были известны рельефные изображения божественной семьи – Гермеса, Афродиты и Приапа. В эллинистическое время было изготовлено значительное

количество разных типов букраниев, которые представляли собой плоские стилизованные бычьи головы, украшенные лентами и виноградными гроздьями. Большой интерес представляют редкие вотивные пластины с изображениями сцен жертвоприношения: женщина с амфорой на голове идет следом за быком, и мужчина, ведущий быка к алтарю, украшенному гирляндами.

Из надписей известно, что во II – первой половине III вв. н. э.

Свинцовые букрании

в храм Аполлона стратеги преподносили в дар золотые и серебряные статуэтки Нике. Однако ни одна из них не дошла до нашего времени. Нет никаких данных, где они производились. Можно лишь предполагать, что этим занимались ольвийские мастера.

*Сцена жертвоприношения
быка. Свинец*

Они же, как и в эллинистический период, изготавливали золотые венки, которыми традиционно увенчивались отдельные граждане за свои заслуги перед государством. В разграбленных погребениях найдены в основном лишь отдельные детали от таких венков. К уникальным памятникам прикладного искусства принадлежит и вышеупомянутая золотая погребальная маска. Здесь же можно отметить и другие изделия, характерные для сарматской культуры: золотой флакон с миниатюрными рельефными фигурками львов, золотые гривна и браслет, бронзовые зеркала, ажурные золотые и бронзовые пряжки со сложными тамбовидными и геометрическими орнаментами.

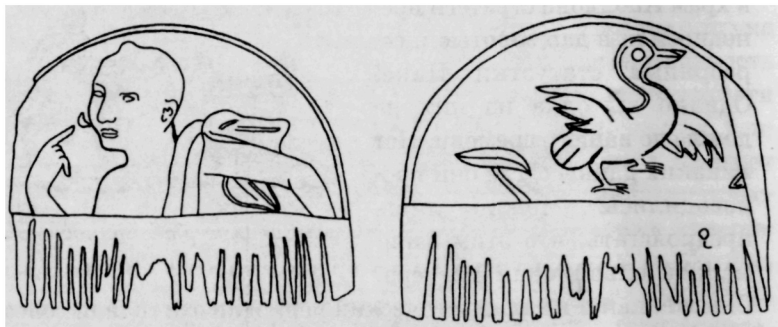
Из множества костяных изделий в Ольвии к художественному ремеслу относятся лишь единичные экземпляры. Это

*Аполлон.
Клык быка*

небольшая статуэтка стоящей Керы в длинном хитоне и гиматии, с венком и цветком в руках, которая была скопирована с коринфской терракоты V в. до н. э. Миниатюрная фигурка обнаженного юноши, видимо, Аполлона, искусно вырезана из клыка быка. Тщательно моделированы небольшая фигурка женщины, сидящей на алтаре, и пиксида из трубчатой кости, стенки которой украшены рельефными фигурками эротов. Столь же редким является костяной перстень, на щитке которого с филигранным мастерством изображена женская головка в профиль. Аккуратно вырезан вотивный алтарик, на котором, свернувшись кольцом, лежит змея.

В первые века н. э. в Ольвии появились совершенно иные костяные изделия. К мало-

Гарпократ и утка. Костяной гребень

азийскому или египетскому импорту принадлежит костяной гребень с гравированным рисунком погрудной фигуры Гарпократа с пальцем возле рта на лицевой стороне и плавающей утки – на оборотной. Интересны парфянские пластинки-обкладки ритона с изображением сцен придворной жизни, где представлены царь, обнаженные танцовщицы, акробаты и музыканты. Возможно, ритон принадлежал одному из зажиточных граждан Ольвии сарматского происхождения, в среду которых чаще всего попадали вещи с Востока. В отличие от Пантикапея, здесь найдена пока одна шашка с рельефным изображением головы Нерона

и его именем. Подобного типа шашки применялись в сложной комбинационной игре, получившей распространение в Северном Причерноморье под влиянием римлян.

Значительного успеха ольвийские мастера могли достичь и в художественной обработке дерева. Они на протяжении веков интересовались развитием всех видов искусств, что давало им возможность заимствовать новые достижения и стилистические приемы путем копирования. Этот широко распространенный во всем античном мире художественный

*Изображения
на пластинках ритона.
Слоновая кость*

метод способствовал тому, что ольвиополиты имели возможность знакомиться с выдающимися памятниками Эллады и созданными там образами божеств. Основная масса произведений как изобразительного, так и прикладного искусства в той или иной степени имела отношение к религиозно-мифологическим представлениям и является одним из важных источников для изучения духовной жизни населения Ольвии Понтийской.

Курганы Ольвии как символ ее славы и сакральной охраны. Некрополь окружал город с севера и запада и значительно превышал его площадь. В погребальном обряде Ольвии, как и во всех сферах ее духовной жизни, происходили определенные изменения. Они диктовались как внутренними социально-экономическими и политическими, так и внешними причинами. С усовершенствованием полисного устройства, усилением экономического самообеспечения и заметным социальным расслоением гражданской общины началось усложнение погребального обряда. Он всегда занимал важное место в жизни каждого человека, связанного тесными узами с родом, семьей и коллективом граждан. Пожалуй, ни в одном греческом центре на Понте Евксинском он не претерпел таких перемен и не содержит столь много разнообразных элементов, как в Ольвии.

К одному из них следует отнести массовое появление курганов на некрополе в период наивысшего расцвета Ольвийского полиса. Погребальные сооружения типа курганной насыпи сначала ольвиополитами не применялись. На протяжении всего периода умерших погребали в основном в простых грунтовых могилах. В V в. до н. э. с появлением подбойных могил с закладами представление о загробном «доме» постепенно меняется, но лишь среди определенной части населения. Со второй половины IV в. до н. э. устройство могил постепенно эволюционирует, превращаясь в более сложные погребальные сооружения — земляные, а затем и каменные склепы с дромосами.

С запада и севера от Ольвии, судя по планам первых исследователей, были расположены различные по размерам курганы. В настоящее время от многих из них не сохранилось никаких следов. Замкнутая балками и лиманом огромная площадь ольвийского некрополя внутри была разделена дорогами на несколько участков, которые в отдельных местах смыкались

с безбрежной степью. Высокие курганы группировались преимущественно вдоль дорог по периметру некрополя на его границах со степью. Большинство курганов находилось на юго-западной оконечности некрополя вдоль Широкой Балки. Эта группа курганов получила название «Урочище Ста могил». Как правило, отдельные крупные курганы находились от города на расстоянии километра или немногим более того. Такое своеобразное и рационально продуманное их расположение дало возможность предположить, что они являлись не только надгробными памятниками, но служили также дозорными пунктами и контрольными постами на дорогах при подступах к Ольвии.

Появление курганной насыпи совпадает по времени с введением в погребальном ритуале ольвиополитов такого важного элемента, как помещение умершего в каменный склеп. По форме и плану он напоминал однокамерное жилище или даже примитивный антовый храмик, что отвечало эллинским религиозным представлениям о сакральной героизации похороненных в них людей. Подобные нововведения обычно связываются с социально-имущественным неравенством гражданского коллектива в Ольвии, выделением особой группы аристократической знати, обладавшей значительными средствами, которая имела возможность сооружать богатые погребальные комплексы для родственников. Однако размещение крупных курганов на значительном удалении от города у дорог при выходе в степь диктовалось и сотерическими целями. Решение об устройстве курганов находилось в ведении государственных органов, гражданской общины и влиятельных в полисе религиозных союзов или жрецов, а не зависело от пожелания отдельных состоятельных граждан. Последние стремились бы похоронить родственников поближе к городу. Возведение первых высоких курганов, по-видимому, совпадает с учреждением декретов в честь особенно выдающихся граждан.

Следствием такого возвеличивания обычно являлись героизация и сакрализация отдельной личности как в роду, так и в государстве. Ольвиополиты, несомненно, знали об исконном обычае эллинов насыпать курганы над могилами местных героев. Им было известно и то, что над могилой почитаемого ими Ахилла на Сигейском мысу стоит курган. Широкое распространение поэти-

ческого творчества способствовало тому, что в сознании эллинов укоренилось представление о кургане как о памятнике героя. Вспомним хотя бы отрывок из тrena Симонида о спартанцах, погибших в Фермопилах: «Курган их – алтарь, возлиянье – память, скорбь о них – хвала, таких похорон не затмит всеукрощающее время». По сведениям Фукидида, и эллинам, павшим при Марафоне, был сооружен монументальный курган на том месте, где происходила битва, как дань их величайшей храбрости и доблести. Он и сейчас находится под государственной защитой в Греции.

Главной причиной сакрализованных действий была традиционная вера в силу умершего героя, якобы способного приносить пользу живущим на земле и после смерти, предотвращать всевозможные беды. Существенную роль играло и желание сохранить в памяти народа его подвиги или деяния, как бы продлить его жизнь, слагая песни, устанавливая почетные декреты и статуи, возводя курганы. Именно курган представлялся ольвиополитам незыблемо вечным памятником. Место, где был похоронен такой гражданин, считалось священным. Сам же курган служил своего рода апотропеем не только могилы, но и всего полиса. Погребенные под курганами у самых стен Ольвии, по верованиям эллинов, должны были и в потустороннем мире способствовать спокойствию и защите города.

Заслуженного гражданина при содействии полисных магистратур и демоса хоронили в каменном склепе, над которым на общественные средства сооружали курган. В более-менее сохранившихся склепах находили остатки золотых венков, которыми увенчивали и умерших, как это видно из почетных декретов. При этом нельзя исключать, что большинство маленьких курганов над земляными и примитивными каменными склепами типа ящичков, расположенных непосредственно на территории некрополя, принадлежало состоятельным гражданам Ольвии. Ее жители быстро заимствовали новые веяния в погребальном обряде.

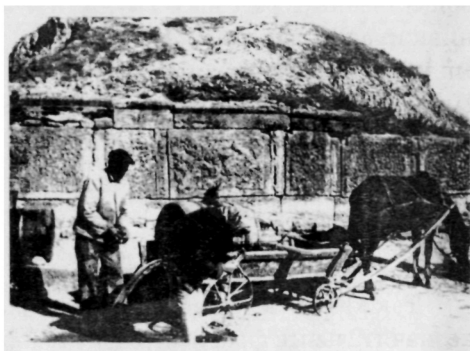
Так как после ограбления в могилах часто оставались лишь незначительные фрагменты погребального инвентаря, то идентификация отдельных курганов с конкретными именами ольвиополитов крайне затруднительна и вообще вряд ли возможна,

*Надпись из склепа
Евресибия и Ареты*

за исключением редчайших случаев. К ним относится курган Евресибия и Ареты, в котором сохранилось две надписи. В одной из них, высеченной на боковой грани трапедзы-жертвенника, значилось: «Евресибий, сын Каллисфена, и Арета, дочь Папия, при жизни соорудили себе надгробный памятник в течение 17 дней». Вторая надпись без указания срока изготовления была вырезана на небольшой мраморной плите. Это свидетельствует о том, что такой дорогой погребальный комплекс принадлежал одному из аристократических семейств, вероятно, не имевших близких родственников. Он почти синхронен «Зевсову» кургану, который датируется началом III в. н. э.

На наш взгляд, под «Зевсовым» курганом был похоронен Каллисфен, сын Каллисфена, младший брат Евресибия, сына Каллисфена. В отличие от брата, Каллисфен прославился не только как выдающийся политический деятель и эвергет, получивший звание отца города, но и как мудрый жрец в культе Зевса. По-видимому, это были последние представители знаменитого в Ольвии рода Евресибиадов. Апофеоз в значении прославления, возвеличивания личности, возникший здесь еще в эллинистический период, нашел прекрасное завершение в лице Каллисфена, который «приобрел самородную и несравненную мудрость», почитался как «отец города», воспитанный «божественным провидением». Два самых известных в Ольвии склепа были героонами. Они свиде-

У «Зевсова» кургана

тельствуют о весьма сложном синкретическом комплексе религиозных представлений ольвийской элиты незадолго до гибели города. Каллисфен и Евресибий верили при жизни в «загробную трапезу», приобщение к божествам и собственное бессмертие.

Таким образом, в силу важных причин, вызванных, в основном, внешнеполитической обстановкой и стремлением рационального осмысления защиты отечества, необходимости введения героизации местных лидеров, в раннеэллинистическое время ольвиополиты начинают отдавать значительно большую дань уважения отличившимся гражданам, чем раньше. Отныне большой курган играл роль алтаря, а в более широком значении – и полисно-сакрального апотропея.

Рассмотренные в хронологической последовательности основные компоненты духовной культуры ольвиополитов свидетельствуют также об их высокоразвитом эстетическом мировидении. Космологические представления для них связывались прежде всего с религиозной сферой, а именно культом Аполлона. Его можно считать непревзойденным символом эллинской эстетики даже на далекой северной окраине античной ойкумены. В общем политеистическая религия Ольвии синтезировала и вобрала в себя мифологию, научные знания, искусство, литературу, театр, музыку. Она на протяжении многих веков служила одной из важнейших форм выражения идеологических и всех культурных потребностей населения этого полиса.

ЭПИЛОГ

Медного Зевсова сына, которому прежде молились,
Видел поверженным я на перекрестке дорог
И в изумленье сказал: «О трехлунный, защитник от бедствий,
Непобедимый досель, в прахе лежишь ты теперь!»
Ночью явился мне бог и в ответ произнес, улыбаясь:
«Времени силу и мне, богу, пришлось испытать».
Паллад

Точно так же, как этому богу, силу времени пришлось испытать и Ольвии. Разгромленная до основания, она на долгие века оставалась безжизненной наедине с солнцем и ветрами, штормами и приboями, уносившими время от времени в водные глубины остатки ее гавани и оборонительных стен с башнями, а за ними – жилых домов и общественных сооружений. Вместе с ней в небытие канули многочисленные боги, в силу и защиту которых верили все эллины античной эпохи. Еще более разрушительная сила постигла Ольвию от рук необразованных и жестоких людей разных национальностей на протяжении последних трех веков ее существования. И тем не менее, Ольвия получила новое возрождение и новую жизнь в научных исследованиях многих поколений археологов, сумевших по крохам воссоздать страницы ее истории и культуры.

С начала основания этой колонии во второй четверти VI в. до н. э. Милет – метрополия Ольвии – уделял ей значительно больше внимания, чем другим колониям на Понте Евксинском. Благодаря этому она вобрала в себя еще в архаический период наилучшие достижения Милета в государственном устройстве и культуре. Это стало главным потенциалом для дальнейшего развития и сохранения полисных традиций. Геродот называл Милет жемчужиной Ионии, а к жемчужинам Причерноморья можно уверенно отнести и Ольвию.

Вопреки всем экологическим бедствиям, войнам, грабительским нашествиям варваров, эллины сохранили до конца существования название города Ольвия и, соответственно, демо-

тикон ольвиополиты. На многие века в их сознании закрепилось понятие того, что полис как единая гражданская община и демократический строй являются самой лучшей формой организации государственной и общественной жизни. Ольвиополиты построили настоящий город и создали автономное государство, наладив мирные взаимоотношения с полиэтническим миром местных и пришлых народов. Тесные связи как с Ольвией, так и с другими античными государствами оказали прогрессивное влияние на их политическое, социально-экономическое и культурное развитие.

Ольвийское государство представляло собой самый северный регион наиболее прогрессивной в то время эллинской цивилизации. Ведь именно эта цивилизация «на общем фоне истории Древнего мира, да и не только древнего, воспринимается как нечто и в самом деле необыкновенное, как некое чудо или, если перейти на язык строгой науки, как резкое отклонение от общих норм, как неповторимое, уникальное явление, нигде и никогда более не встречающееся в истории человечества, — отмечал выдающийся историк Ю.В.Андреев. — Говоря о замечательных культурных достижениях древних греков, все время приходится употреблять слово «первые»: первые труды по математике, медицине, астрономии, логике и т. д., первые философские системы, первые историки и географы, первые театры, стадионы, музеи и многое, многое другое». В той или иной мере достижения эллинской цивилизации были известны гражданам Ольвийского полиса. Они сами содействовали ее развитию путем экономических связей со многими городами, пополняли своим творчеством ее общую сокровищницу созданием мифов, философских сочинений и изречений, писем и оригинальных почетных декретов, отдельных произведений художественного ремесла, учреждением культов героев и божеств с присвоением им уникальных эпиклез. Вместе с тем, Ольвия обладала только ей присущим неповторимым своеобразием, вызванным особыми условиями жизни. В таком неразрывном единении состоит ее значение не только для всей эллинской истории и культуры, но и для развития многих народов на скифской земле, над которой тоже «засиял свет эллинизма».

Однако о том, что в те далекие времена наша земля была причастна к этой великой цивилизации благодаря жившим здесь эллинам, многие стараются не помнить или касаться этого как бы вскользь. В таком случае создается впечатление, будто этот самый цивилизованный, талантливый и трудолюбивый народ в ту эпоху нанес неизгладимый урон нашей истории. Когда пишут об этногенезе украинского народа, называют разнообразные племена, в том числе и пришедших с востока ираноязычных скифских кочевников. Да, они действительно оставили в степях современной Украины богатейшие курганы с широко известными сейчас во всем мире золотыми шедеврами искусства. Но изготовлены-то эти шедевры не кочевниками, а талантливыми эллинскими мастерами. Вряд ли стоит забывать, что и в общеевропейском масштабе, и в более узком, имеющем отношение только к истории древнего населения нашей страны, значение античной культуры неопределимо. Во всех проявлениях она сыграла огромную роль в развитии как древних, так и современных культур разных народов. Именно такой ее высочайший авторитет, не перестающий поражать и сейчас новизной и глубиной мысли, дает все основания для того, чтобы обращение к античной культуре и память о ней не считать чем-то таким, что может унижить традиции и мировоззрение какого-либо народа. Каждая страна, на территории которой в древности находились античные государства, может только гордиться тем, что и ее земля причастна к этой феноменальной культуре, ставшей колыбелью европейской цивилизации.

СПИСОК РЕКОМЕНДОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреев Ю.В.* Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации. – СПб., 1998.
- Анохин В.А.* Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. – К., 1989.
- Античная Греция.* – Т. 1, 2. – М., 1983.
- Античная культура Северного Причерноморья в первые века новой эры.* – К., 1984.
- Античные города Северного Причерноморья.* – М.; Л., 1955.
- Античные государства Северного Причерноморья // Археология СССР.* – М., 1984.
- Античные древности Северного Причерноморья.* – К., 1988.
- Археология Украинской ССР.* – К., 1986.
- Блаватский В.Д.* Искусство Северного Причерноморья античной эпохи. – М., 1947.
- Буйских С.Б.* Фортификация Ольвийского государства (первые века нашей эры). – К., 1991.
- Бураков А.В.* Козырское городище рубежа и первых столетий нашей эры. – К., 1976.
- Великая Скифия.* – К., Запорожье, 2002.
- Виноградов Ю.Г.* Политическая история Ольвийского полиса. – М., 1989.
- Давня історія України.* – Т. 2. – К., 1998.
- Исследования по античной археологии Северного Причерноморья.* – К., 1980.
- Історія культури давнього населення України.* – Т. 1. – К., 2001.
- Карышковский П.О.* Монеты Ольвии. – К., 1988.
- Козуб Ю.І.* Некрополь Ольвії V–IV ст. до н. е. – К., 1974.
- Крапивина В.В.* Ольвия. Материальная культура в первые века нашей эры. – К., 1993.
- Крыжицкий С.Д.* Жилые ансамбли древней Ольвии (IV–II вв. до н. э.). – К., 1971.
- Крыжицкий С.Д.* Ольвия. Историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов. – К., 1985.
- Крыжицкий С.Д.* Архитектура античных государств Северного Причерноморья. – К., 1993.

- Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М.* Сельская округа Ольвии. – К., 1989.
- Крыжицкий С.Д., Лейпунская Н.А.* Ольвия. – Николаев, 1997.
- Крижицький С.Д., Зубар В.М., Русяева А.С.* Античні держави Північного Причорномор'я // Україна крізь віки. – Т. 2. – К., 1998.
- Культура населения Ольвии и ее округа в архаическое время. – К., 1987.
- Лапин В.В.* Греческая колонизация Северного Причерноморья. – К., 1966.
- Латышев В.В.* Исследования об истории и государственном строе города Ольвии. – СПб., 1887.
- Леви Е.И.* Ольвия. Город эпохи эллинизма. – М.; Л., 1985.
- Лейпунская Н.А.* Керамическая тара из Ольвии. – К., 1981.
- Марченко К.К.* Варвары в составе населения Березани и Ольвии. – Л., 1988.
- Мир Ольвии. Материалы юбилейных чтений. – К., 1996.
- Ольвия. – К., 1941.
- Ольвия. Теменос и агора. – М.; Л., 1964.
- Ольвия. – К., 1975.
- Ольвия и ее округа. – К., 1986.
- Ольвия. Античное государство в Северном Причерноморье. – К., 1999.
- Ольвія та античний світ. Матеріали наукових читань. – К., 2001.
- Охотников С.Б., Островерхов А.С.* Святилище Ахилла на острове Левке (Змеином). – К., 1993.
- Парович-Пешикан М.* Некрополь Ольвии эллинистического времени. – К., 1974.
- Пичиков И.Р.* Малая Азия – Северное Причерноморье. – М., 1984.
- Росляков С.Н.* Ольвия. Жизнь и смерть цивилизаций. – Николаев, 2003.
- Русяева А.С.* Земледельческие культы в Ольвии догетского времени. – К., 1979.
- Русяева А.С.* Античные терракоты Северо-Западного Причерноморья. – К., 1982.
- Русяева А.С.* Религия и культы античной Ольвии. – К., 1992.
- Русяева А.С.* Славетний мудрець – скіф Анахарсіс. – К., 2002.
- Северное Причерноморье в античное время. – К., 2002.
- Скуднова В.М.* Архаический некрополь Ольвии. – Л., 1988.
- Славин Л.М.* Здесь был город Ольвия. – К., 1967.
- Тункина И.В.* Русская наука о классических древностях Юга России (XVIII – середина XIX вв.). – СПб., 2002.
- Фармаковская Т.И.* Борис Владимирович Фармаковский. – К., 1988.
- Эллинизм: экономика, политика, культура. – М., 1990.
- Эллинизм: восток и запад. – М., 1992.

СЛОВАРЬ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ

Автохтоны – коренные жители страны.

Агоны – состязания, игры, места для проведения состязаний.

Агора – главная площадь города, окруженная зданиями общественного, административного и торгового назначения.

Акротерий – скульптурное украшение в виде различных изображений над углами фронтона архитектурного сооружения, декоративное навершие стел.

Амфиктиония – религиозный союз, который объединял эллинов под сакральной защитой одного из главных богов.

Андрон – мужская половина в греческом доме, парадная комната с ложами для возлежания во время симпосиев.

Апойки – первые основатели греческих поселений – апойкий.

Апотропей – разнообразные изделия и изображения, которым приписывали магические свойства отворачивать всевозможные бедствия и оберегать от враждебных сил.

Архонты – высшие государственные деятели в греческих государствах.

Ассы – римские медные монеты; нумизматы условно так называли и ольвийские литые бронзовые круглые монеты.

Ателия – освобождение от пошлин и государственных повинностей, привилегия.

Букраний – изображение головы быка.

Ботрос – яма, примитивный алтарь.

Гептадейон – здание коллегии Семи.

Гимнасий – специальное здание для физического воспитания юношей и подготовки к спортивным состязаниям.

Граффити – процарапанные надписи и рисунки на различных изделиях и штукатурке.

Демократия – народное правление, государственный строй, при котором все граждане равноправны и высшая власть находится в руках народного собрания.

Демос – народ, население греческого полиса.

Демотикон – название демоса отдельного полиса.

Дикастерий – здание суда.

Динос – большой сосуд для смешивания вина с водой.

Дром – бег и место для бега.

Исополития – государственный договор о предоставлении равных гражданских и религиозных прав гражданам двух разных полисов.

Канфар – столовый сосуд в виде кубка с двумя ручками на высокой ножке-подставке для питья.

Квадр – четырехугольный обработанный камень для кладки стен.

Кентавр – мифическое существо с мужской головой и туловищем коня.

Килик – широкая чаша с двумя горизонтально расположенными ручками для питья вина.

Коропластика – скульптура малых форм (терракотовые статуэтки) из обожженной глины.

Кратер – большой открытый сосуд для смешивания вина с водой.

Ксен – гость, приезжий иностранец.

Ксоан – древнейшее примитивное, чаще всего деревянное, изображение божества или обожествленного героя.

Курос – фронтальная статуя обнаженного юноши – атлета, а также Аполлона.

Лабрис – изделие в виде двулезвийного топора – атрибута Зевса и Диониса.

Логограф – историк, летописец.

Лекиф – одноручный кувшинчик с узкой шейкой для ароматических масел и заупокойного культа.

Метрополия – материнский полис, родина, отчизна.

Некрополь – город мертвых, кладбище.

Номады – кочевники.

Ойкист – основатель города, предводитель партии колонистов.

Ойкумена – обитаемый мир, совокупность заселенных людьми областей земли.

Олигархия – политическая система, при которой правит небольшая группа людей, в основном богатых или знатных.

Ойнохойя – одноручный кувшин для разливания жидкости с одним или тремя стоками на венчике.

Ольпа – одноручный кувшин для вина.

- Пальметта** – стилизованное изображение пальмовой ветви.
- Пантеон** – все божества, почитавшиеся в городе или государстве.
- Пелика** – небольшой столовый сосуд для жидкости типа кувшина.
- Полис** – город; город-государство, в состав которого входили город и его сельская округа; гражданская община.
- Портик** – помещение, у которого хотя бы одна сторона построена в виде колоннады.
- Пританей** – государственное здание для заседаний совета и приема иностранных послов.
- Проксения** – правовой акт, которым иноземцу за его заслуги даровались определенные почетные права в греческом полисе, в том числе право беспопытной торговли, беспрепятственного въезда в гавань и выезда из нее.
- Протекторат** – определенная форма зависимости одного государства, города или святилища от другого.
- Симпосий** – общая пирушка группы мужчин, на которую приглашались флейтисты и танцовщицы.
- Синойкизм** – объединение в единый полис нескольких ранее независимых гражданских общин.
- Скифос** – застольная глубокая чаша для питья.
- Статер** – золотая или серебряная монета.
- Стела** – высокая каменная плита с надписями или рельефными изображениями.
- Стоя** – длинная крытая галерея с колоннами для защиты от солнца и непогоды; греческое название портика.
- Стратег** – военачальник, один из членов коллегии, ведавшей в Ольвии военными делами и обороной.
- Сфинкс** – мифическое существо с женской головой и туловищем льва.
- Талант** – древнегреческая мера веса, равная 36 кг.
- Теменос** – огражденный священный участок, святилище.
- Терракота** – разнообразные изделия из обожженной глины, чаще всего изображения божеств, людей, животных, птиц, архитектурных деталей.
- Тимпан** – музыкальный инструмент типа современного бубна.
- Тирания** – государственное устройство, во главе которого стоит обладающий неограниченной властью тиран.
- Феоры** – послы, государственные посланники в святилища для обращения к оракулам за прорицанием.

Фиас – религиозный союз, сообщество, торжественное собрание в честь божества или религиозная процессия.

Фиаситы – члены фиаса, почитатели Диониса Вакха.

Филантропия – человеколюбие.

Форос – дань, подать, налог.

Фронтон – треугольная плоскость, венчающая фасад здания.

Хитон – мужская и женская одежда, состоящая из прямого полотнища ткани, драпирующаяся на фигуре.

Хора – сельскохозяйственная округа полиса; страна, земля, поле и др.

Эвергет – благодетель, благотворитель, заслуженный деятель, оказавший важные услуги.

Эвергетия – благодеяние, благотворительность.

Экклесия – народное собрание, помещение для собрания.

Экседра – полукруглая ниша с лавкой для отдыха.

Элевтерия – свобода, независимость.

Элегия – один из жанров печальной лирики.

Эпиграмма – стихотворная надпись на памятнике.

Эпиграфист – исследователь древних надписей.

Эпikleза – имя, название, прозвище – обычно божества.

Эпитафия – надпись на надгробном памятнике.

Эпойки – вторичные партии колонистов.

Эмпорий – торговый пункт или место для ведения обменно-торговых операций.

Эпоним – божество, герой или человек, давший наименование племени, городу, году при отсутствии единого летоисчисления.

Эсимнет – должностное лицо, в обязанности которого входило урегулирование спорных вопросов в гражданской общине.

Этноним – название народа, племени.

Этнос – народ, племя.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	3
В поисках счастливой земли за морем	10
От олигархии и тирании к демократии	57
Высочайший расцвет Ольвийского полиса	84
Преодоление экономического кризиса и первый закат	111
Возрождение Ольвии и ее последний закат	150
Духовная культура ольвиополитов	177
Эпилог	218
Список рекомендованной литературы	221
Словарь специальных терминов	223

